

Александр Молчанов

Пьесы

Александр Молчанов

Пьесы

«Издательские решения»

Молчанов А.

Пьесы / А. Молчанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504617-8

В сборник вошли пьесы, написанные в 2005—2019 годах. Практически все пьесы, представленные в сборнике, были поставлены на сцене в России и за рубежом. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-504617-8

© Молчанов А.
© Издательские решения

Содержание

ARTBUSINESLOVE	6
Мост	20
Три женщины	33
Бизнес-план	53
Really?	75
КАМЕНЬ	85
КОНЦЕРТ ДЛЯ МЕСТНЫХ	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Пьесы

Александр Молчанов

© Александр Молчанов, 2019

ISBN 978-5-0050-4617-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ARTBUSINESLOVE

1

Кино про войну (Art)

Действующие лица:

Сценарист

Продюсер

Квартира продюсера. Звонок в дверь. Продюсер открывает дверь. Входит сценарист.

Продюсер. Я вас жду, входите.

Сценарист (удивленно). Ждете?

Продюсер. Я отменил с утра все встречи, чтобы нам никто не помешал.

Проходят в комнату.

Продюсер. Присаживайтесь, вот здесь вам будет удобно.

Сценарист садится.

Продюсер. Перейдем сразу к делу, если вы не возражаете?

Сценарист. Да, но я...

Продюсер ложится на диван.

Продюсер. Вот вы думаете – волшебный мир кино и телевидения. Вы не представляете, в какой агрессивной среде я вынужден находиться! Меня окружают злобные и жадные твари, которые ежедневно литрами пьют мою кровь. Я не говорю про этих людоедов-чиновников, от которых зависит финансирование моих фильмов, с этими уродами я рассчитаюсь в своих мемуарах. Но вот, например, актеры. Вы их любите, поклоняетесь им, интересуетесь их личной жизнью, а ведь это просто тщеславные, глупые, самовлюбленные животные. А актрисы? Они ведь даже не скрывают свою тупость. Вы почитайте их интервью. Про что ни начнут говорить, хоть про освоение космоса или народную нравственность, все равно любой разговор свернут на койку. Такое ощущение, что их в жизни интересуют только две вещи – народная нравственность и с кем бы поебаться.

Сценарист. Простите...

Продюсер. А композиторы? Все как на подбор, глухие, как Бетховен, бездарные, как Сальери и фашисты, как Вагнер.

Сценарист. Простите.

Продюсер. А сценаристы? Мартышку в зоопарке проще научить писать, чем их.

Сценарист (с нажимом). Простите!

Продюсер. А режиссеры? Выучили из Станиславского «Не верю» и повторяют как заевшая пластинка – «не верю, не верю». Ничему не верят! Хоть бы одного найти, который бы верил! А операторы? Это просто разбойники с большой дороги!

Сценарист. Простите!

Продюсер. Неудивительно, что у меня начались эти приступы...

Сценарист (кричит). ПРОСТИТЕ!

Продюсер. Что с вами, доктор? Почему вы меня перебиваете? Разве вы не должны меня слушать?

Сценарист. Во-первых, я не доктор.

Продюсер. Почему это вы не доктор?

Сценарист. Потому что я не учился на доктора.

Продюсер. Ваша фамилия Чесноков?

Сценарист. Нет. Моя фамилия Молчанов. Александр. Александр Молчанов. Это моя фамилия. И мое имя. Вот моя визитка, здесь все написано.

Сценарист протягивает руку продюсеру. Тот скрещивает свои руки на груди. Сценарист кладет визитку на диван.

Продюсер. С какой целью вы выдали себя за доктора Чеснокова?

Сценарист. Произошла ошибка...

Продюсер (достаёт телефон). Я звоню в полицию.

Сценарист. Дело в том, что я сценарист...

Продюсер. Я звоню в мафию.

Сценарист. Я просто хотел...

Продюсер. Я звоню своему адвокату.

Сценарист. Вы меня не поняли.

Продюсер. Перестаньте мне угрожать. Я не буду вам ничего платить.

Сценарист. Я просто хотел рассказать вам одну свою идею.

Продюсер. Какую еще идею?

Сценарист. Кино про войну.

Продюсер (убирает телефон). Про войну? Я люблю кино про войну. Рассказывайте.

Продюсер ложится на диван. Пауза.

Продюсер. Где кино? Я жду.

Сценарист. Это кино про войну, в котором нет войны.

Продюсер (приподнимается). Как это нет? И где она?

Сценарист. Она давно отгремела. И вот ветеран войны. Молодой, контуженый, пытается наладить мирную жизнь. Он живет один, гуляет с собакой и лишь по ночам он не может спать, потому что он слышит гром пушек.

Продюсер. Гром пушек – это хорошо. Зрители это любят. Вообще, самое главное в кино – это стрельба. Чем ее больше, тем лучше.

Сценарист. Однажды герой гулял с собакой и увидел, как бандит пытается изнасиловать молодую девушку. Герой вновь услышал гром пушек (продюсер показывает большой палец) и, кажется, на мгновение потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел, что стоит над трупом бандита с переломленной шеей. Он убил злодея голыми руками. Героя арестовали, но девушка, которую он спас, организовала общественную кампанию в его поддержку. Она писала в газеты, выступала по радио, организовывала митинги и пикеты. В газетах появились заголовки: «Героя войны судят за то, что он спас девушку от бесчестия». Суд прислушался к мнению общества и вынес насколько возможно мягкий приговор – условное тюремное заключение. Героя немедленно выпускают из тюрьмы. За воротами узилища его ждет многотысячная толпа. Но он ищет в этой толпе ее, свою спасенную спасительницу...

Продюсер (встревоженно). Надеюсь, он ее нашел?

Сценарист. Разумеется. Через месяц они поженились. Герой раздает интервью. Участвует в ток-шоу. Открывает курсы самозащиты для женщин. Выпускает книгу «Как симпатичным девушкам защититься от насильников и заодно похудеть». Он становится настоящей знаменитостью. Его одолевают поклонницы. Все девушки хотят, чтобы он защищал именно их. И он все дальше отдалекается от своей жены. Начинаются семейные сцены. Ссоры, скандалы. Во время одной из ссор герой слышит гром пушек...

Продюсер. Гром пушек, это хорошо.

Сценарист. Когда герой приходит в себя, его жена лежит перед ним с переломленной шеей. Он убил ее.

Продюсер. А дальше что?

Сценарист. Ничего. Финал открытый.

Продюсер (встает с дивана). Нет. Так не годится. Зрители не любят открытые финалы. И вообще зачем это – герой войны убил жену. Какая-то бытовуха. Нет, пусть у них все будет хорошо.

Сценарист. Как это у них может быть все хорошо? Тогда кино не получится. У героев не может быть все хорошо.

Продюсер. Вы просто не любите своих героев.

Сценарист. Почему? Люблю.

Продюсер. Тогда сделайте так, чтобы у них все закончилось хорошо. И еще – что это за война, на которой он воевал? Расскажите нам о ней. Как он воевал?

Сценарист (раздражаясь). Да это неважно!

Продюсер. Как это неважно? Это и есть самое важное. Герой на войне. Стреляет без промаха. Ходит в разведку. Совершает подвиги. Может быть, он был разведчик? В тылу врага? Давайте сначала поймем, что это за война. Какой год на дворе?

Сценарист. Допустим, на дворе 1812-й год. Наполеоновская свора рвется к Москве.

Продюсер. Никакого 1812-го!

Сценарист. Почему?

Продюсер. Юбилей уже прошел, мы не получим финансирование. С Наполеоном приходите к следующему юбилею, через сто лет. Наши дни. Как зовут героя?

Сценарист. Наши дни. Героя зовут Денис.

Продюсер. Героя зовут Иван. Простое русское имя.

Сценарист. Героя зовут Иван. Иван Иванов. Иван Иванович Иванов.

Продюсер. Что-то много Иванов. Пусть будет Иван Денисович Иванов. Сделаем кино про один день Ивана Денисовича на войне. Можно так и назвать «Один день Ивана Денисовича». Хотя мне кажется, что-то такое уже было у кого-то.

Сценарист. Ивану сорок пять лет.

Продюсер. Двадцать восемь. Нас интересует молодежная аудитория.

Сценарист. Иван работает в разведке. (Продюсер кивает) Аналитиком.

Продюсер. Но на самом деле он супер-агент, которого отстранили от дел из-за...

Сценарист. Из-за чего?

Продюсер. Это вы мне скажите. Это же ваша история.

Сценарист. Из-за частых приступов диареи.

Продюсер. Буэ! Поставьте ему приличный диагноз.

Сценарист. Рассеянный склероз.

Продюсер. Это может оттолкнуть пожилую аудиторию.

Сценарист. Алкоголизм.

Продюсер. Это оскорбит вообще всех русских.

Сценарист. Аллергия.

Продюсер. Уже лучше. Ищите, ищите, доктор Хаус!

Сценарист. Клаустрофобия.

Продюсер. Бинго! У героя клаустрофобия. Дальше. Не теряйте темп.

Сценарист. И вот Иван Иванов и сидит себе год за годом, читает американскую прессу и составляет никому не нужные отчеты.

Продюсер. Как вдруг...

Сценарист. Как вдруг сотрудник американских спецслужб Эдвард Сноуден передает российским спецслужбам секретные документы о контактах с внеземным разумом.

Продюсер. Без фантастики.

Сценарист. Об убийстве Кеннеди.

Продюсер. Ближе к современности! Что-нибудь актуальное!

Сценарист. О деятельности ЦРУ в ближневосточных странах.

Продюсер. Отлично!

Сценарист. Один из документов попадает на стол к аналитику Ивану Иванову. Это транспортная накладная к грузу, который был переправлен в 1993-м году в Дамаск. Груз обозначен

как «продукты питания». Однако что-то странное – относительно небольшой груз сопровождала серьезная охрана. Иван подозревает, что в грузе были либо медикаменты, либо боеприпасы.

Продюсер. Звучит тревожная музыка.

Сценарист. Иван проверяет маркировку и понимает, что в транспорте были отравляющие вещества. Зарин. Таким образом, американцы в 1993-м году сами передали зарин Дамаску, а в 2013-м году готовятся к вторжению в Сирию из-за своего же химоружия.

Продюсер. Звучит гимн Америки.

Сценарист. Иван пытается через интернет разыскать кого-то из спецназовцев, которые сопровождали груз и выясняет, что почти все они скончались при загадочных обстоятельствах в течение последнего месяца. Иван находит в интернете страничку, посвященную памяти одного из ветеранов и видит там фото из той самой поездки в Дамаск. На этом фото среди крепких ребят в камуфляжах Иван видит...

Продюсер. Своего отца!

Сценарист. Что?!!

Продюсер. Своего отца, которого он считал погибшим. Дальше, дальше. Рассказывайте дальше свою историю, я же вам не мешаю.

Сценарист. Иван приходит в кабинет к начальнику, молча кладет перед ним на стол фотографию. Начальник открывает сейф и достает оттуда...

Продюсер (шепчет). Пистолет.

Сценарист. Достает из сейфа бутылку водки и два стакана. Разливает и подает один стакан Ивану. Они выпивают молча. Затем начальник рассказывает Ивану о том, что его отец был секретным агентом, внедренным в американский спецназ. После предательства Калугина, сдавшего нашу агентурную сеть американцам, несколько агентов попросту исчезли. Отец Ивана был одним из этих исчезнувших агентов.

На следующий день Иван отправляется в Америку. Поиски отца продолжались три месяца, но ни к чему не привели. И вот Иван сидит в гостинице и смотрит сериал «Игра тронов» на канале НВО.

Продюсер. Как вдруг!

Сценарист. Как вдруг из ванной выскакивает человек в маске. Он хватается Ивана, связывает его и привозит на берег озера. Там он снимает маску и Иван видит, что это его отец. Отец хватается Ивана и бросает его в воду. «Папа!» – кричит Иван и погружается в ледяную мглу. Затемнение.

Продюсер. Только попробуй сказать, что это открытый финал

Сценарист. Иван приходит в себя спустя несколько дней. Он дома у Майкла – так теперь зовут его отца. Майкл живет в маленьком городке на севере штата Мэн. У него небольшой дом на берегу реки. Женат. Сыну пятнадцать, он капитан школьной футбольной команды. Его новая семья стала его единственной семьей. Новая жена – единственной женщиной, новый сын – единственным сыном. Если они узнают о том, что их Майкл не тот, за кого себя выдает, они никогда не простят его. «А как же наша семья? – бросает Иван отцу в лицо, – Как же мать, которую ты бросил и которая до сих пор ждет тебя? А как же я? Я ведь тоже твой сын!»

У Ивана начинается приступ клаустрофобии. Теряя сознание, Иван вспоминает тот вечер, когда за отцом пришли, чтобы увезти его на очередное задание, с которого он уже не вернулся. Флэшбек. Маленький Иван напуган, он прячется в шкафу. Отец зовет его, а Иван сворачивается в клубочек в отчаянной и безумной надежде на то, что если его не найдут и отец не успеет с ним проститься, он и вовсе никуда не уедет. Однако отец уезжает, а у Ивана происходит первый приступ. Теперь любое закрытое пространство для него – тот самый шкаф из детства. Бунтующее подсознание наказывает его за то, что так и не простился с отцом

Иван оставил свои таблетки от клаустрофобии в гостинице. Жена Майкла берет машину мужа и едет в аптеку за лекарством. Младший сын Майкла едет с матерью. Майкл, стоя на пороге дома, смотрит, как его машина въезжает на мост. И вдруг откуда-то сбоку выскакивает черный джип, врезается в его машину и сбрасывает ее в реку. «Нет!» – кричит Майкл, – «Нет!» Репидная съемка. Машина Майкла медленно-медленно падает с моста. Джип уезжает. Жена Майкла и его сын погибли. Крупный план – лицо Майкла. Он крепко стискивает зубы. В его глазах – смерть.

Отец и сын Ивановы вместе, плечом к плечу, разыскивают убийц. И убийцами оказываются... оказываются...

Продюсер. Ты что, не придумал, кто убийцы?

Сценарист. Да все я придумал, но этих персонажей надо как-то назвать, а я не знаю ни одной американской фамилии.

Продюсер. Слушай, когда американцы снимают кино про русских, они не заморачиваются, просто дают им фамилии русских писателей. Сержант Пушкин, майор Гоголь, генерал Чехов. Понимаешь, к чему я клоню?

Сценарист. Кажется, понимаю! Какой генерал из Чехова! Максимум полковой врач. Генералом должен быть Пушкин.

Продюсер. Идиот! Назови злодеев именами американских писателей. И так, за рулем джипа, который убил жену и сына Майкла, сидел...

Сценарист. Капитан Уильям Фолкнер, бывший командир Майкла, который должен был передать зарин правительству Сирии, но на самом деле продал его террористам.

Продюсер. Не складывается. На зарине обнаружили российскую маркировку.

Сценарист. Конечно! Это же был российский зарин, который эксперты ООН должны были уничтожить, но вместо этого передали ЦРУ для продажи дружественным режимам. За всей этой операцией стоял полковник Эрнест Хемингуэй. Это он приказал своему старому приятелю Биллу Фолкнеру убить всех его бывших подчиненных, чтобы замести следы.

Продюсер. Что-то у тебя одни мужики. Нужна девушка. Главное в кино – это сиськи.

Сценарист. Вы же говорили, что главное в кино – это стрельба.

Продюсер. Стрельба и сиськи. Знаешь, почему Родригес великий режиссер?

Сценарист (пренебрежительно). Почему это Родригес великий режиссер?

Продюсер. Потому что он изобрел стреляющие сиськи! И так, сиськи в твоём фильме принадлежат...

Сценарист. Корреспондентке американского пропагандистского телеканала «Фокс-ньюс» Вирджинии Вулф, которая ненавидит Россию, но влюбляется в Ивана и разоблачает преступления собственного преступного правительства.

Продюсер. Вирджиния Вулф, ха-ха! Вот видишь, а говоришь, не умеешь придумывать прикольные американские фамилии!

Сценарист. В финале Иван и Вирджиния целуются на Красной площади. Звонят колокола. По небу в сторону Америки пролетает косяк истребителей.

Продюсер. Интересную историю мы с тобой придумали и главное, патриотичную. Жалко, что это не пойдет.

Сценарист. Почему?

Продюсер. Ты что, не слышал – мы теперь дружим с Америкой. У нас перезагрузка. Знаешь что? Нужно заменить Америку на какую-нибудь другую страну. Кто у нас нынче плохие парни?

Сценарист. Корея, может быть?

Продюсер. А кто будет играть корейцев? Казахи?

Сценарист. Франция?

Продюсер. Франция никогда не воевала с Россией.

Сценарист. А Бородино?

Продюсер. Бородино? Это что, такая страна? У тебя какая оценка по географии была в школе? Думай! Нам нужна по-настоящему агрессивная страна.

Сценарист. Может быть, Испания? Македония? Италия? Финляндия?

Продюсер. Все это скучные европейские страны, которые сроду ни с кем не воевали.

Сценарист. Монголия? Япония?

Продюсер. Казахи! Думай, думай.

Сценарист. Германия?

Продюсер. Ты вообще современное кино смотришь? Видел хоть один фильм, где злодеи – немцы? Если только какая-нибудь научная фантастика...

Сценарист. Нидерланды.

Продюсер. А вот в этом что-то есть. Нидерланды. Даже звучит угрожающе. Нидерланды. Что ты знаешь про эту страну?

Сценарист. Ничего.

Продюсер. Совсем ничего?

Сценарист. Каналы.

Продюсер. Так.

Сценарист. Легализована марихуана.

Продюсер. Так.

Сценарист. Гей-парады.

Продюсер. Вот видишь, ты отлично знаешь эту страну. Напиши сценарий про то, как Нидерланды пытаются завоевать Европу.

Сценарист. Э-э.

Продюсер. Что?

Сценарист. Пытаюсь напрячь свое воображение, но вижу только каналы, по которым плывут лодки с укуренными мужиками в платьях.

Продюсер. Устрашающая картина, увидев которую, старушка-Европа содрогнулась. Будем снимать в 3D. А про этого своего Ивана Денисовича ты забудь. Тем более, что и название ты украл у Солженицына. Все, иди, работай.

У продюсера звонит телефон.

Продюсер (по телефону). Доктор Чесноков? Да, я вас жду, сейчас я вас встречу.

(сценаристу) иди, иди, работай. Сюда больше не приходи. Когда напишешь сценарий, позвони моему помощнику. Его зовут Арнольд. Он подпишет с тобой договор.

Сценарист уходит. Продюсер набирает номер телефона.

Продюсер. Арнольд. Тебе будет звонить сценарист... как его... (берет с дивана визитку сценариста) Молчанов. Запомни эту фамилию. Не соединяй его со мной ни в коем случае. Это жулик. Он пытался выдать себя за моего врача, требовал каких-то денег, а потом хотел украсть мою идею. Сейчас я тебе ее расскажу, записывай. Главный герой – Иван Денисович Иванов. Он работает аналитиком в разведке...

Продолжая говорить по телефону, продюсер уходит.

2

ШПИОН (busines)

Действующие лица:

Он

Она

Она сидит в зале в первом ряду, среди других зрителей. Рядом с ней свободное место, которое она обороняет от остальных зрителей. В зал заглядывает он. Уходит. Через несколько секунд заглядывает снова.

Он. Здесь проходят учения по контршпионажу?

Она. Да! Заходите, вот, тут как раз совершенно случайно есть свободное место.

Она показывает на место рядом с собой. Он проходит, садится. Пауза.

Она. Мой бывший муж заставлял меня спать с другими мужчинами.

Он. Это вы мне?

Она. Да.

Он. Вы не могли бы повторить? Я не расслышал. Мне показалось, что вы сказали что-то очень странное.

Она. Мой бывший муж заставлял меня спать с другими мужчинами.

Пауза. Он поворачивается к ней.

Он. Зачем вы это мне сейчас сказали?

Она. Чтобы привлечь ваше внимание. Вот видите, теперь вы смотрите на меня и внимательно слушаете все, что я говорю.

Он (оглядывается на остальных зрителей). Мне кажется, теперь тут все смотрят на вас и внимательно слушают все, что вы говорите.

Она. На всех мне наплевать. Это просто рекруты. А по вашей выправке сразу видно, что вы кадровый военный. Хотите узнать подробности?

Он. О чем? О том, как ваш бывший муж заставлял вас... нет!!!

Зритель из зала. Идиот, соглашайся!

Он. А вы так хотите рассказать?

Она. Да, хочу.

Он. Хорошо. Но тогда давайте хотя бы отойдем, чтобы остальные не подслушивали.

Она. Хорошо.

Он и она встают и отходят в сторону от зрителей. Она что-то рассказывает ему, но слов не слышно. Примерно через минуту они возвращаются к зрителям.

Она. Можете себя представить, как после этого болела моя бедная попа.

Он. О, я представляю, после такого-то!..

Она. Я целую неделю сидеть не могла.

Он. И из-за этого вы развелись с вашим... с этим... с мужем?

Она. Нет, не из-за этого. Он не умел сидеть в тишине. Ему все время надо было что-нибудь напевать, щелкать пальцами, стучать ногой по полу или скрипеть стулом.

Он. Очень раздражающая привычка!

Она смотрит на часы.

Она. Странно, что до сих пор не пришел дежурный офицер. Учения должны были начаться три минуты назад.

Он. Дежурный офицер уже здесь. И учения уже начались.

Она (улыбаясь). Шутите?

Он (серьезно). Никак нет.

Она вытягивается во фрунт и отдает ему честь.

Она. Сэр?

Он. Звание. Фамилия. Номер отряда.

Она. Сержант Драйзер. Четвертый боевой отряд.

Он. Встаньте в строй, сержант.

Она. Есть, сэр.

Она садится на свое место в зале. Он поворачивается к зрителям.

Он. Равняйся! Смирно! Я дежурный офицер лейтенант Теккерей, а для вас я царь, бог, мамочка и папочка. Через три дня нам предстоит большая битва с нашими врагами. А сегодня мы проводим учения по выявлению шпионов в наших рядах. Сержант Драйзер!

Она (вскакивает). Я!

Он. Расскажите рекрутам, кто мы такие и за что мы воюем. А то нынче такие рекруты пошли, телевизор не смотрят, всю информацию получают из чертовой Википедии. Запомните, рекруты, в этой вашей Википедии – ни слова правды, сплошная пропаганда.

Она. Есть, сэр! (поворачивается к публике). Прошлый, 20-й век был веком великих войн между государствами. Сегодня воюют не государства, а корпорации. Первые вооруженные конфликты произошли в 2014 году между компаниями «Мазда» и «Адидас». После слияния этих компаний в автомобильно-обувной альянс «Маздидас», многие компании стали создавать корпоративные армии. В 2021-м году была объявлена Великая Корпоративная Война. Все началось с того, что Фейсбук решил захватить Гугл.

Он. Чертов фейсбук! Почему все плохое в этом мире всегда начинается с фейсбука?

Она. Поначалу ситуация на фронтах складывалась в пользу Фейсбука. У Гугла был ютуб и минометы, зато у фейсбука был Инстаграм с его боевыми вертолетами. После продолжительных боев Гугл сдал агрессорам «андроид» и «ютуб». Казалось, война проиграна. Но тут неожиданно в бой вступил Твиттер, поддержавший Гугл. Тактика твиттера – маленькие, как комариные укусы, точечные теракты. Цукерберг не был готов к длительной партизанской войне, быстро истощившей его ресурсы. В итоге фейсбук достался российскому «Газпрому», который сделал из него корпоративный сайт для публикации газовых тарифов. Но и Гугл не устоял, его купила «Эпл» через свою дочернюю компанию «Версаче».

Он (смотрит на часы). У нас мало времени. Переходите к битве за «Икею».

Она. В великой битве за «Икею» в 2027 году участвовали пять армий – «Эпл», «Мерседес» и «Версаче» с одной стороны и «Найк» и «Пепси-кола» с другой. Это была не просто битва корпораций. Сражались две идеологии, две жизненные философии. «Эпл» и их союзники боролись за право на неограниченное применение технических устройств. Мы и наши союзники – за гармоничное развитие человека, его разума, его чувств и его мускулатуры. В этот день решался вопрос, что такое человек – венец цивилизации или приложение к «Айфону». Силы были неравны. Казалось, исход битвы был предрешен. Но в последний момент экологи из «Бритиш Петролеум» решили поддержать нас.

Он. Хоть какой-то толк от этих чокнутых экологов!

Она. Это была великая битва. И мы ее выиграли. Мы отстаивали наше право носить черное. Мы защитили наш прекрасный девиз – «Just do it!»

Скандирует: Just do it! Just do it! Just do it!

Она. Также после этой битвы все мы получили прочную и недорогую мебель от «Икеи».

Он (встает). Отличная речь, сержант. (зрителям) Нужно помнить, что яблочники по-прежнему сильны. Они находят слабые места в нашей обороне и вербуют шпионов в наших рядах. Были случаи, когда даже у генералов из верховного штаба находили айпады.

Она. Ничего себе!

Он. Конечно, предатели были немедленно казнены. Но мы должны быть бдительны. Вот и сегодня среди нас находится один из них. Внимательно посмотрите на своего соседа. Может быть, прямо рядом с вами сидит шпион «Эпл». Конечно, это не настоящий яблочник, мы ведь на учениях, это условный шпион. Но если мы хотим победить, мы не имеем права расслабляться. Внимание, кто первым обнаружит «яблочника», тот получит внеочередной отпуск на три дня. Вольно.

Он отходит к ней.

Он. Благодарю за помощь, сержант.

Она. Извините за то, что я вам там рассказывала. Это было...

Он. Познавательно.

Она. Я хотела сказать, неуместно.

Он усмехается и смотрит на ее попу.

Она. А вы знаете, кто из них шпион?

Он. Пока нет. Но я узнаю. Приз – трехдневный отпуск. Мне бы он не помешал.

Она (смотрит на зрителей). Может быть, вот этот скрытый яблочник? Или вот эта барышня. Или вон тот. Эй, молодой человек! Я вижу, у вас там наушники. Вы там случайно не айпод прячете? Конечно, нет, расслабьтесь, я просто шучу.

Он (смотрит на нее). Давно воюете?

Она. Четвертый год.

Он. Нравится?

Она. Убивать нравится, а вот учения и отчеты – нет.

Он. На то и война, чтобы было о чем написать отчет. Облегчаем задачу будущим историкам.

Она (усмехается). Я историк по образованию. Все войны одинаковы, сэр.

Он. Разве?

Она. Да. Вот, например, если взять двадцатый век. Гитлер. Не хотите провести параллель?

Он. Цукерберг?

Она. Как и Гитлер, хотел править миром.

Он. И кончил как Гитлер – после поражения принял яд в бункере. Однако, в 20-м веке война началась из-за того, что Гитлер и Сталин поделили Польшу.

Она. Хотите сказать, раздел «Майкрософт» между Гуглом и фейсбуком вам ничего не напоминает?

Он. Как насчет геноцида?

Она хочет что-то сказать.

Он (перебивает). Только не надо мне рассказывать про отравляющий газ, который, якобы, закачивали в «Кока-колу». Это не доказано.

Она. Да, я читала все эти подлые статейки про то, что газ применяли для дезинфекции. Я уверена, их заказали наши союзнички из «Пепси-колы», которым в итоге достался весь рынок газированных напитков. А, между прочим, на территории «Эппл» отрицание геноцида потребителей «Кока-колы» – это уголовное преступление, за него сажают в тюрьму.

Он. Почему вас волнуют дурацкие законы, которые издают на территории «Эппл»? Говорят, они каждое утро собираются на площади и поклоняются огромному портрету Стива Джобса!

Она. Потому что я человек, и я имею право задавать вопросы! При всем уважении, сэр... Это то, за что я сражаюсь. За право задавать вопросы и получать ответы. Я не зомби, как эти тупые яблочники. Мертвый хозяин командует ими из своей могилы, а они слушаются.

Он. Вы правы.

Она. Не подумайте, что я сочувствую яблочникам.

Он. Я и не думаю, что вы им сочувствуете. Я думаю, вы просто выполняете приказ, сержант Драйзер. Фамилия наверняка вымышленная. И звание тоже. Вы ведь никакой не сержант. Лейтенант? Капитан?

Она. Берите выше. Майор. Майор Диккенс. Вы правы, это я условный шпион.

Он (вытягивается во фронт). Звучит, как три дня отпуска, мэм.

Она. Я скажу вам, как это звучит, лейтенант. Моя задача здесь – выявить настоящего шпиона «яблочников». И кажется, я его нашла.

Пауза. Он ухмыляется, отставляет ногу в сторону, принимая более расслабленную, но и более устойчивую позу.

Он. Почему вы нас ненавидите?

Она. Хотите знать, почему я пошла воевать против вас?

Он. Да.

Она. «Яблочники» изнасиловали и убили мою сестру. Ей было 13 лет.

Он. Черт.

Она. Я убила 13 яблочников, за каждый прожитый ею год. И убью еще сто, за каждый год, который она могла бы прожить.

Он. Что же вы не кричите, не зовете охрану, чтобы арестовать меня.

Она. Вы прекрасно знаете, почему.

Он. Скажите.

Она. Я – аналитик, а вы – диверсант. Если я закричу, вы успеете убить меня, прежде чем кто-то придет мне на помощь. Верно?

Он (улыбаясь). Я могу убить не только вас, но всех тех, кто придет вам на помощь. (показывает на зрителей) Если понадобится, я могу убить их всех голыми руками.

Она. Я поняла. Вы перебежчик. Предатель. Вас обучали наши специалисты по рукопашному бою. У «яблочников» нет таких мастеров. Привыкли во всем полагаться на свои долбаные гаджеты.

Он. Не будем углубляться в мою биографию... давайте лучше подумаем о том, как нам закончить этот вечер.

Она. Сначала я задам вам один вопрос. Нет, два вопроса. Но пообещайте ответить честно.

Он. Обещаю.

Она. Почему вы перешли на их сторону?

Он. Это не такой простой вопрос.

Она. Это простой вопрос.

Он. Это было задолго до войны. Мне было шесть лет. В детском саду у нас был урок лепки. Мы лепили из глины разных животных. Я слепил корову и покрасил ее белой краской. Мне так нравился этот белый цвет. Все наши поделки поставили в стеклянный шкаф, чтобы они там высохли. Весь день я стоял у шкафа и смотрел на свою белую корову. А когда воспитательница отвернулась, я незаметно взял корову и спрятал в карман. Шел домой и радовался тому, что у меня будет белая корова. А когда я пришел домой, оказалось, что у моей коровы отломались все ноги и голова... Я почему-то все время вспоминаю эту белую корову. От этого становится радостно на душе. Это наверное из-за того, что она была такая... белая. Я такой белый цвет потом видел только один раз. Когда купил свой первый айфон. (пауза) Вот поэтому если мне предстоит умереть, моими последними словами будет «Think different». Вам этого не понять.

Она. Я понимаю вас.

Он. Какой второй вопрос?

Она. Да неважно.

Он. Нет, спрашивайте, я же обещал вам, что отвечу.

Она. Это правда, что вы каждое утро собираетесь на площади и поклоняетесь портрету Стива Джобса?

Он. Правда.

Она. Но почему? Это ведь глупо!

Он. Я думаю так. Есть некий другой мир. Я не знаю, рай, небеса, может быть, мир идей. До нашего рождения мы все находились в этом мире. И слышали там какие-то звуки, слова, видели какие-то картинки, образы или цвета. И потом всю жизнь мы гоняемся за чем-то, бежим куда-то, не понимая, что на самом деле мы ищем, мы мучительно пытаемся вспомнить именно то, что мы слышали или видели там и тогда – до нашего рождения. Мне кажется, Джобс единственный из всех людей точно запомнил все, что он видел ТАМ. Он перебрал две тысячи оттенков белого цвета для корпуса «Айфона», потому что искал тот самый цвет, который он видел ТАМ. Не просто белый, а нечто среднее между белым и бежевым. Причем ближе к белому, чем к бежевому. И это был тот самый, тот самый цвет – цвет белой глиняной коровы из моего детства. (пауза) Джобс не просто помнил этот идеал, он продолжал слышать звуки и видеть

образы идеального мира. (пауза) Древние греки считали, что гений – это не человек, а некий дух, который диктует человеку оттуда. «Махабхарата»... Джоконда... Девятая симфония... Нагорная проповедь... айфон... кто бы ни был тот гений, который диктовал Бетховену, Иисусу Христу и Стиву Джобсу, кто бы он ни был, он не может лгать.

Пауза. Она отдает ему честь.

Она. Поздравляю вас, лейтенант. Вы можете отправляться в свой законный трехдневный отпуск.

Он отдает ей честь.

Он. Благодарю вас, майор.

Она. Увидимся через три дня. На поле боя. Я найду вас.

Он. Буду рад видеть вас снова, мэм.

Он уходит. Она поворачивается к зрителям.

Она. Всем спасибо, наши учения закончены. Кругом! Разойдись!

Она уходит.

3

Broken language (love)

My favorite characters:

He

She

She. Do you Speak English?

He. Yes, I do. Actually I know just a lot of words. Not a lot, I am sorry, little bit of words. My English is broken. But I am very good speak on broken English. I have a perfect broken English, may be best in the world broken English. So, can I helps you?

She. I think I am lost.

He. O! I will help you! I am here almost tree days already, so I know this town wide and lenth. Were you from?

She. I am from Manisa.

He. This is Manisa! Around us!

She. This is not Manisa! This is Munster!

He. O, really. Its similar.

She. No it is not similar. Manisa, it is at Turkish.

He. Just stupid joke. What is name your hotel?

She. Centhal Munster hotel.

He. I now were it is! Come with me. I will take you... no... I will proposal you. No. R-R-R-R! (roar!)

Pausa. He looks at her.

He. It didn't helps me find the word.

She. Do it again.

He. R-R-R-R! (roar) Prowide you, may be? I will provide you to your hotel. I invent go with you.

She. Invent?

He. Ivent.

She. Ivent?

He. Intent! I intent go with you!

She. It is not necessary. Just show me the right direction.

He. No, I will go with you. It is dark. Wind. Scared shadow. Suspishion sounds. We are arounds criminals. And inwaiders. And zombys may be.

She. I don't beleve in zombys. Munster is calm small town.

He. So why evere 20 minute I ear sound of the police car? I-u, I-u, I-u?

She. May be it is every time was the same police car?
He. O, it is serjant Muller is driving to the bakery! He is always driwe this way, newer mind.
She. You are fanny. Where you from?
He. I am from Russia. Vodka and balalaika is what another names of my country.
She. You are not so funny now.
He. I am trying.
She. Why? Just show me my hotel!
He. We are going to you hotel. It is nere. This town really small. Lake and curch. And complete town between Lake and curch. Your hotel is nere the church. Do you saw church?
She. Yes.
He. Do you saw cages under the churches roof?
She. Cages?
He. Cages. Sells. (crossing fingers) Hanging cages.
She. No I didnt sea it.
He. This cages for unabuptisest. They was execute at this cages.
She. You know so much about this sity.
He. God bless wikipedia! Do you know that Munster is best raining town at Germany?
She. Best raining? Whan is it mean?
He. Most raining.
She. It is not raining.
He. You just lucky. They say «at Munster always raining or ring bell. If at Munster ring bell and raining, so it is Sanday.
She. Is it church you talk me about?
He. Yes. Do you see it? Three hanging cages under the roof. They hangs this poor unabaptises here. And they sitting in cage above sun and rain before they die and they became to sceletons.
She. Why they not get away this cages.
He. May be waiting for another unabaptizes.
She. It is not funny.
He. You righth. I am sorry. Here is your Hotel.
She. This is not my hotel.
He. Really? You sad Munster hotel. This is Munster Hotel
She. This is «Muvenpik hotel».
He. O. It is. It is not my fault. It is you with your dead anabaptizes comfused me.
She. Am I? Are you kiddin? I am leaving.
He. Wait! I khow where is your hotel. I have help you. I am sorry. My behaviour was really stupid. It is just my broken English. I fill my awkwardness, and I traing to be funny.
She. Please, don't try so hard any more! Just consentrare and say me: where is my hotel?
He. There! Not. There. There, may be.
She. You have no idea where is my hotel?
He. A-A-A. Yes.
She. Okey. Where is your hotel? We can go there and call the cab.
He. I don't know where is it.
She. What we will do now?
He. Just walking, I suppose. Sunrise is come in.
She. Okey. Go.
Pause.
He. I think...
She. Please, stop talking. I am tired from your funny jokes.
He. It is not joke. Its...

She. Shut up!

He. Okey. Jupiter, you hangry... o, you angry, so you not right.

She. Sut the fuck up!

Pause.

She. Okey. What do you want tell me. I hope it will be important information.

He. I don't know, important it is or not, but I think... What if this night is just my dream.

She. What?

He. Don't interrupt me, please. What if now I am sleeping at my bed at Moscow and see you, my imagery love.

She. I am not your imagery love, you, idiot!

He. Prove this.

She. What?

He. If you is not my dream, prove this.

She. How?

He. Kiss me. If you is my dream, I will wake up. Is always happened when I see my imagery love.

She. Okey. But if you will not wake up, You kill yourself.

He. Kleopatras condition. I agry, my qween.

She. No. I will not kissing you. It was joke. I traing to be funny, like you.

He. How disappointed.

She. I am not sorry.

He. Do you see it?

She. What is this? You find my hotel?

He. Not! It is cemetery! Graveyard.

She. I know, what is mean cemetery. So what!

He. You are not understand. At this cemetery burned Mundog.

She. You sad, Dog? Is this a cemetery for animals?

He. No! Mundog! Is the greate musishion, they called them «Viking from sixth Awenu».

She. Why he did burned here?

He. It is long story, but we are not harry?

She. Forget about, wikienziklopedist. Hey! Where you going?

He. At cemetery. I have to find Mundogs grave.

She. No. Don't live me here.

He. I ll be back soon. Or you can go with me. Foto me nere the his grave.

She. No. You stupid Russian. Stay with me.

He. What do you say?

She. Stay with me.

He. Not, before it. You sad, «Stupid Russian».

She. I sad it becose you...

He. May be you think all Russian is stupid?

She. No.

He. Are you hate Russian?

She. What? No!

He. May be you nazi?

She. I am not!

He. So why you called me stupid Russian?

She. I am just...

She grabs her head and kiss her. Kiss – 20—30 second.

He. And I was not wake up. It is not dream.

She. Please don't live me along.

He. Now I will go with you everywhere.

She. Just at hotel, please. Do you know where we are?

He. Yes. We are at the park. At the rabbits field. There is the lake. And there is your hotel.

5 minute walk around lake.

She. Do you knew it all time?

He. Yes.

She. Stupid Russian. Do you now what is your problem?

He. I have no problem.

She. All you have this problem.

Pause. He thinks.

He. President Putin?

She. No.

He. Our broken English?

She. No. I am talking not about your fucking Russia. I am talking about differences between man and women.

He. So what is the difference?

She. When I saw you and you smiled me, I thought – he will help me. When you saw me and I smiled you, you thought – I will have sex with her. This is the difference. We are used different languages. And broken English doesn't help us. Think about it, stupid Russian.

She kiss her at cheek.

She. It was a dream. Now you wake up.

She is leaving.

He (offensive). It was not a dream.

Pause.

He. I suppose I will not have a sex with her today.

Pause.

He. Maybe tomorrow?

He is leaving.

He. (behind the stage) Fucking rabbits, stop scaring me!

End

Мост

Действующие лица

Антон

Тихонов

Елена

Паша

Сторожиха

Директор

Алена, жена директора

Вася

Женщина из налоговой

Жулик

1 действие

(1 картина)

Деревенский дом. Входит Антон. В руках у него лыжи. Тихонов сидит у окна и смотрит на Антона. Антон ставит лыжи у стены.

АНТОН. Здравствуйте.

(Тихонов молчит)

АНТОН. Здравствуйте. Я через речку пришел на лыжах.

(Тихонов молчит)

АНТОН. (Громко, подходя все ближе к Тихонову. Под конец почти кричит ему в ухо) Я из Волоковца приехал. Студент. Зовут меня Антон. Филолог. Собираю разные слова. Сейчас зима, в экспедиции никто не ездит. Холодно. Но у нас в институте каникулы, вот я и решил немного попрактиковаться. Думаю, наберу материала для курсовой, а то, глядишь, и на диплом... я говорю, на диплом потянет. Я на третьем курсе учусь. Я вам водку привез.

Тихомиров берет со стола стакан и со стуком ставит перед собой. Антон достает из сумки бутылку и наливает в стакан. Затем ставит бутылку на стол. Тихомиров подает стакан Антону. Берет бутылку, чокается со стаканом и одним махом вливает в себя полбутылки. Антон хочет поставить стакан, но Тихомиров перехватывает его руку и кивает на стакан. Антон выпивает. На лице его гримаса отвращения.

АНТОН. Веселие на Руси есть пити...

Тихонов прикрывает один глаз и указательным пальцем показывает на печь.

АНТОН. Что? Принести? Закуска?

Тихонов кивает.

Антон идет к печи и достает из нее чугунок картошки. Достают по картошине, чистят и едят.

АНТОН. Вы один живете?

Тихонов неопределенно пожимает плечами.

АНТОН. Страшно, наверное, здесь зимой по ночам. А у вас и телевизора нет.

Тихонов усмехается.

АНТОН. Почему вы смеетесь?

ТИХОНОВ. Смешной ты, вот и смеюсь.

Антон подсакивает.

АНТОН. Так вы не глухонемой?

ТИХОНОВ. С чего вдруг?

АНТОН. Ну, я же вас спрашивал, а вы мне не отвечали.

ТИХОНОВ. А что с тобой говорить?

АНТОН. Не знаю. Новости могу рассказать. Что в городе творится.
ТИХОНОВ. На кой мне твой город и твои новости. Мне своих хватает.
АНТОН. Так можно я у вас тут поживу несколько дней?
ТИХОНОВ. Зачем это?
АНТОН. Я же сказал – студент, слова собираю.
ТИХОНОВ. А что их собирать? Слова – они и есть слова.
АНТОН. Ну, не скажите. Это целая наука. Диалектология. Вот, к примеру, как вы называете вот этот чугунок.
ТИХОНОВ. Кастрюля.
АНТОН. Не может быть.
ТИХОНОВ. Кастрюля и есть.
АНТОН. А на юге России его называют махоткой. А скамейку вы как называете?
ТИХОНОВ. Скамейка.
АНТОН. А в некоторых диалектах она называется «услон». А пол в избе...
ТИХОНОВ. Пол в избе я называю – «пол в избе». Лженаука твоя диалектика.
Тихонов достает папироску, закуривает.
АНТОН. Так можно я у вас поживу?
ТИХОНОВ. Толку-то? Твоей науке от меня пользы мало. Я нормальными словами говорю, язык не ломаю.
АНТОН. Есть же другие люди в этой деревне?
ТИХОНОВ. Есть.
АНТОН. И много?
ТИХОНОВ. (Мысленно считает) Пять домов.
АНТОН. А людей?
ТИХОНОВ. Людей четыре. И я.
АНТОН. Всего?
ТИХОНОВ. А что, тебе мало? По мне и тех лишка.
АНТОН. Может, они какие-нибудь слова знают?
ТИХОНОВ. Какие-нибудь знают.
АНТОН. Вы мне можете про них рассказать?
ТИХОНОВ. Про кого?
АНТОН. Про людей.
ТИХОНОВ. Про всех?
АНТОН. Так их же всего пять.
ТИХОНОВ. А, про этих. А что про их рассказывать?
АНТОН. Ну, как зовут, сколько лет, кто чем занимается.
ТИХОНОВ. Ты случайно не из налоговой? Или из прокуратуры.
АНТОН. Нет. Я же сказал – я студент.
ТИХОНОВ. Не верю я тебе.
АНТОН. Ладно. Вы можете мне не верить. Но можно хотя бы у вас переночевать? Не пойду же я теперь обратно через речку. Там темно уже.
ТИХОНОВ. Да, темно. Ночуй.
АНТОН. Я на печке могу лечь. Или на скамейке.
ТИХОНОВ. Ишь чего захотел. На печке. Там занято. Там я.
АНТОН. Хорошо. Извините. Знаете, в вологодской области в одной деревне печку называют «кошачья горка». Я спросил, почему? Мне сказали – потому что с нее кошки катаются. Забавно.
ТИХОНОВ. Ну, давай рассказывай новости.
АНТОН. Что вас интересует, спрашивайте, я расскажу.

ТИХОНОВ. Вот, к примеру, изобрели такую блесну, чтобы на нее любая рыба брала? Электрическую там или лазерную.

АНТОН. Этого я не знаю. Я рыбалкой не интересуюсь.

ТИХОНОВ. А Ленин все еще в мавзолее лежит? Когда его похоронят?

АНТОН. Не знаю. Я и в мавзолее был только один раз. В детстве.

ТИХОНОВ. Понятно. Вот что ты за человек? О важном ничего не знаешь, а знаешь только какую-то ерунду. «Кошачья горка». Тьфу.

Берет со стола газету, которой стол застелен вместо скатерти, отрывает кусок, сворачивает и затыкает горлышко бутылки. Уносит бутылку куда-то в темноту.

ТИХОНОВ. На лавке ложись.

АНТОН. Хорошо.

Тихонов лезет на печку.

АНТОН. Извините.

ТИХОНОВ. Ну что тебе еще?

АНТОН. Как вас зовут?

ТИХОНОВ. Тихон. Тихонов. В общем, Тихон.

(пауза)

АНТОН. Спокойной ночи, Тихон.

Тихонов хмыкает и залезает на печку. Антон укладывается на лавку. Ему неудобно, он никак не может найти место. Тихонов высовывает с печки длинную палку и тыкает ею в выключатель. Свет гаснет. Некоторое время на сцене темно и тихо.

Потом за сценой слышны шаги, бормотание и кашель. Хлопает дверь.

АНТОН. Тихон! Там кто-то пришел.

Со стороны печки доносится храп. Бормотание слышится ближе. Антон вскакивает, подбегает к двери и включает свет. Над печкой появляется заспанное лицо Тихонова.

ТИХОНОВ. Ты чо, сдурел?

АНТОН. Там кто-то ходит.

Слышны шаги.

АНТОН. Слышите?

ТИХОНОВ. А. Это домовой. Спи давай. Он тебя не обидит.

АНТОН. Как домовой? Настоящий? А его можно увидеть? И сфотографировать?

ТИХОНОВ. Нечего на него смотреть. Домовой и есть домовой. Гаси свет.

Антон выключает свет и возвращается на скамью. За сценой слышны шаги и бормотание. Оно сначала неразборчивое, потом можно понять: «я-то знаю, зачем ты приехал, я-то знаю».

(2 картина)

На сцене медленно светлеет. Антон лежит на полу возле скамьи. За столом сидит Тихонов и вырезает ножом трубку. Трубка получается кривая.

Антон медленно поднимается, с удивлением смотрит на скамейку.

ТИХОНОВ. Ты зачем на пол лег? На скамейке тесно?

АНТОН. Не помню. Упал во сне, наверное.

ТИХОНОВ. Чифирь будешь?

АНТОН. Спасибо. Слушайте, а там... ночью... это и правда был домовой?

ТИХОНОВ. Домовых не бывает.

АНТОН. Но вы же тоже слышали.

ТИХОНОВ. Ничего я не слышал.

В глубине сцены закипает электрический чайник. Тихонов встает, заваривает чай. Смотрит на недоделанную трубку, открывает печь и бросает трубку в огонь.

ТИХОНОВ. Сейчас колдунья придет.

АНТОН. Какая колдунья?

ТИХОНОВ. Сторожиха.

АНТОН. Так колдунья или сторожиха?

ТИХОНОВ. Это кличка у нее Сторожиха. Она колдуньей работает. Радикулит лечит и зубную боль. Она много слов знает. Тебе же слова нужны?

АНТОН. Да, нужны. А почему она сторожиха? Она сторожила что-то?

ТИХОНОВ. А черт его знает. Может, и сторожила. А может потому, что фамилия у нее – Сторожева.

АНТОН. Она настоящая колдунья?

ТИХОНОВ. Настоящая – не настоящая. У нас тут все настоящее. Это у вас в городе все на соплях.

Входит Сторожиха. В руках у нее сверток.

СТОРОЖИХА. Ты, что ли, из города?

АНТОН. Да. Здравствуйте. Я студент.

СТОРОЖИХА. Вот, я тут адрес написала. Отвезешь и отдашь лично в руки.

АНТОН. Хорошо, я отвезу. Постойте, так у вас же написано – Ленинград.

СТОРОЖИХА. Ну да, племянник у меня там.

АНТОН. Но я-то не из Ленинграда. Я из Волоковца.

СТОРОЖИХА. Что мне этот черт сказал, что из Ленинграда?

ТИХОНОВ. Какая разница?

СТОРОЖИХА. Паренек, а ведь и впрямь. Тебе какая разница? Поезжай в Ленинград. Там дворцы этакие, речки кругом, лошади бетонные. А заодно и посылку племяннику передашь. Я тут варенье, сало.

АНТОН. Нет, в Петербург я в ближайшее время не собираюсь, извините.

СТОРОЖИХА. Ну и дурак. А ты, Тихон, попросишь меня еще зубы заговорить.

ТИХОНОВ. Ладно, Сторожиха, не кипятись. Присядь, водки выпьем. Парень не виноват, что он в Ленинграде не был. Может, еще и уговорим его туда заехать по дороге.

АНТОН. Мне не по дороге.

ТИХОНОВ. Садись и молчи в тряпочку.

Тихонов достает водку, берет стакан, ставит перед Сторожихой. Она покачивает головой и садится. Тихонов наливает. Сторожиха ставит на стол сверток, выпивает. Достает из свертка кусок сала.

СТОРОЖИХА. Дай нож.

Тихонов подает нож. Сторожиха отрезает тонкий кусок сала, съедает его, остальное сало аккуратно заворачивает обратно в сверток. Затем внимательно смотрит на Антона.

СТОРОЖИХА. Студент, говоришь?

АНТОН. Да. Филолог.

СТОРОЖИХА. Тихон, ведь он врет. Он не студент. Только не пойму кто. Похоже, что из налоговой. Помнишь, как эта приезжала, когда мост построили?

ТИХОНОВ. Помню.

СТОРОЖИХА. Нет, он не из налоговой. Из прокуратуры. Хотя молодой слишком для прокурора.

ТИХОНОВ. Молодой. И что с ним делать будем?

СТОРОЖИХА. Надо с остальными посоветоваться.

АНТОН. Вы чего? Вы чего задумали?

СТОРОЖИХА. А ты молчи, раз приехал. (Тихонову) Ты остальных предупредил?

ТИХОНОВ. Сейчас придут.

СТОРОЖИХА. Васе сказал, чтобы он ружье взял?

ТИХОНОВ. Ага.

АНТОН. Вы что-то путаете. Я не из прокуратуры. И не из налоговой.

СТОРОЖИХА. Откуда же ты, мил человек?

АНТОН. Я... я из газеты. Я журналист.

СТОРОЖИХА. Час от часу не легче. И что тебе тут нужно?

АНТОН. Очерк хотел написать. О судьбе русской деревни.

СТОРОЖИХА. Это про нас, что ли?

АНТОН. Про вас. Про ваше житье-бытье. Про деревенский быт. Про домовых.

СТОРОЖИХА. Домовых не бывает. И писать про нас не надо ничего. Ты вот что. Поезжай-ка сейчас обратно в Ленинград. И посылку забери.

АНТОН. Я же сказал, что я не из Ленинграда.

СТОРОЖИХА. (кричит) Что ты все время со мной споришь? Не хочешь помочь старухе, так и скажи! А спорить со мной не надо, я этого не люблю!

Входит Вася с ружьем. Вася – плотный бородатый мужичок.

ВАСЯ. (показывает на Антона) Этот, что ли, из прокуратуры?

ТИХОН. Этот.

Вася поднимает ружье.

СТОРОЖИХА. Ты что, Василий? Прямо в доме? Нельзя!

ВАСЯ. А мне какая разница.

СТОРОЖИХА. Оставь свое ружье в покое, садись и слушай.

ВАСЯ. Ну и ладно. Сами зовут, и сами потом говорят.

Дверь распахивается, входят Елена, женщина лет 50 и Пашка, детина лет тридцати.

ЕЛЕНА. Ох, какой симпатичный. Можно мы его к себе заберем? А то у меня мужика давно не было.

СТОРОЖИХА. Да уж знаем.

ЕЛЕНА. Он мне по хозяйству поможет. И будет с Пашкой дружить.

ПАШКА. Дружить.

ЕЛЕНА. Хозяйство-то у меня большое, а от Пашки толку мало.

СТОРОЖИХА. Это уж как общество решит.

ЕЛЕНА. Да тебе на общество наплевать! Тебе бы главное свой интерес соблюсти. Когда директорские тряпки делили, ты тоже себе лучшее забрала. Теперь моя очередь. Мне помощник нужен. А Пашке друг.

ПАШКА. Друг.

СТОРОЖИХА. Ишь, чего припомнила!

Антон вскакивает и бежит к двери. Пашка разбрасывает руки, чтобы его поймать.

ПАШКА. Друг!

Антон поворачивается и бежит к окну. Вася поднимает ружье и стреляет. Сцена погружается в темноту.

(3 картина)

Антон лежит на животе на лавке. Рядом сидит Тихонов. На столе горит лампа. Вторая половина сцены, где печь и дверь, затемнена.

ТИХОНОВ. Значит, на чем мы остановились? Про Наполеона я тебе рассказал, про фашистов тоже. Про революцию рассказывал?

Антон молчит.

ТИХОНОВ. Рассказывал. Дальше у нас разрешили паспорта, и стало можно из колхоза уезжать. Но из наших поехал только я. Доехал до города, на радостях напился на вокзале и подрался с милиционером. Два года отсидел и вернулся сюда. Мир посмотрел, с людьми познакомился. Потом у нас перестройка началась. Сталина разоблачили. Жалко, у Сторожихи телевизор сломался, и нам не показали, что дальше было. Когда директор приехал, думали, он нам все расскажет – и про блесну, на которую любая рыба берет, и про Ленина в мавзолее.

АНТОН. Директор?

ТИХОНОВ. Директор хлебокомбината. Он у меня дом купил. А что? Хороший дом, пятистенки. Такой где попало не купишь. Только у меня такой есть. Так что с этим у меня два дома.

АНТОН. Когда это было?

ТИХОНОВ. В прошлом году. Он весной приехал. Посмотрел, по деревне походил. Красивые, говорит, места, только жаль, что моста нет, на машине не проедешь. Я, говорит, сюда буду летом приезжать в отпуск. И купил у меня тот дом. Денег отвалил десять тыщ. Я на эти деньги сначала машину хотел купить. Мерседес. А потом думаю, зачем мне машина? Дорог тут все равно нет и моста в деревню нет. Кто же знал, что директор мост построит, гадюка. Ну и пришлось мне все деньги пропить.

АНТОН. Как же это вам удалось? Здесь же даже магазина нет.

ТИХОНОВ. Свинья грязи найдет. Со всего района ко мне приезжали дом пропивать. Знатно погуляли. Недели на три хватило. Двое померли – Сашка Стукалов из Сямжи, да Юрка Бачин из Тимонинской. Юрка от водки сторел, а Сашка с похмелья от тоски повесился. Хорошо погуляли. Хорошо. У меня же тогда мать еще была жива. Во втором доме она жила. Я когда дом продал, ее сюда забрал. Родные люди все-таки. Я, когда деньги пропил, долго болел потом.

АНТОН. Могу себе представить.

ТИХОНОВ. Ничего ты не можешь. Две недели лежал. Потом на улицу выхожу, смотрю – директор на мой дом замок навесил.

АНТОН. Так это уже был не ваш дом! Вы же его продали.

ТИХОНОВ. Много ты понимаешь. Если продал – где деньги? В общем, замок я сбил, а мать обратно в тот дом отправил.

АНТОН. А что директор?

ТИХОНОВ. Он летом приехал, мать увидел, долго ругался и выгнал ее из дома. С тех пор я на него сильно обиделся. А мать расстроилась, что ей места на земле не осталось, и под землю спряталась. Виноват передо мной директор, сильно виноват. Виноват.

АНТОН. Да чем же виноват-то, объясните! Вы его деньги пропили, замок сломали. Получается, что это вы перед ним виноваты.

ТИХОНОВ. Много ты понимаешь.

АНТОН. Ну, так объясните.

ТИХОНОВ. Потом еще мост этот.

(4 картина)

Лампа на столе гаснет. Загорается свет у двери. Антон исчез. Тихонов сидит за столом и вырезает трубку. У двери стоит директор.

ДИРЕКТОР. Тихон, ты как давно живешь в этой деревне?

ТИХОНОВ. Всегда жил.

ДИРЕКТОР. А моста здесь как давно нет?

ТИХОНОВ. Перед войной, говорят, был. Потом сторел.

ДИРЕКТОР. Почему же вы его не восстановили?

ТИХОНОВ. Незачем. У нас тут всего-то два покоса. Прежний председатель колхоза посмотрел и сказал – зимой, дескать и по льду можно сено возить.

ДИРЕКТОР. Сено – это понятно. Люди-то как же?

ТИХОНОВ. Что люди? Приспичит – можно и вброд перейти.

ДИРЕКТОР. Вдруг кто-нибудь заболит? Врача нужно будет вызвать.

ТИХОНОВ. Мы люди простые. Без врачей обойдемся. Даже если зубы заболят – у нас вон колдунья есть, заговорит.

ДИРЕКТОР. Я попросил всех жителей деревни прийти сюда, чтобы обсудить вопрос о строительстве моста.

ТИХОНОВ. Сюда? Ко мне домой?

ДИРЕКТОР. Мне сказали, что по важным для всей деревни вопросам всегда собираются у тебя. Что у тебя комната больше. И что все равно ты живешь как свинья, не боишься, что тебе лишней грязи на ногах нанесут.

ТИХОНОВ. Я тут хозяин! Не нужно нам никакого моста!

Открывается дверь. Входит Сторожиха.

СТОРОЖИХА. Тихон, чего разорался? Давай послушаем сначала, что нам человек скажет. Товарищ директор всяко лучше твоего понимает.

ДИРЕКТОР. Да, спасибо. Проходите, пожалуйста.

СТОРОЖИХА. Сразу видно воспитанного человека. Не то что ты, лапоть.

Входит Вася. Видит директора и явно собирается улепетнуть. Директор хватается его за руку и втаскивает в избу.

ДИРЕКТОР. Входите, смелее. Мы вас не обидим.

ВАСЯ. Да я это. У меня там капканы надо чистить.

ДИРЕКТОР. Капканы подождут.

ВАСЯ. Ну, разве так. Ладно. Капканы и осенью можно почистить.

Входит и садится на скамейку. Появляется Елена с Пашей.

ЕЛЕНА. Мы не поздно? Вы уже начали без нас?

ПАША. Без нас.

ДИРЕКТОР. Нет, вы вовремя. Как раз вас ждали. Садитесь, пожалуйста.

Елена и Паша садятся. Директор прохаживается по комнате и оглядывает все общество. Тихонов встает, подходит к печи, берет стакан, зачерпывает ковшом воду из ведра и наливает в стакан. Ставит стакан на стол перед директором и садится.

ДИРЕКТОР. Спасибо. Итак, на повестке дня один вопрос. Строительство моста.

ЕЛЕНА. Какого еще моста? Зачем нам мост?

СТОРОЖИХА. Тихо, Ленка, дай человеку сказать.

ДИРЕКТОР. Спасибо. У вас замечательная деревня. Очень красивые места, чистый воздух, прекрасная природа, хорошие, трудолюбивые люди.

СТОРОЖИХА. Ну, это ты загнул, батюшка. Люди у нас ленивые и глупые. Особенно мужики.

ТИХОНОВ. Ты что мелешь, старая! Молчи, дура!

СТОРОЖИХА. Да я тебе сейчас!

ДИРЕКТОР. Тихо-тихо. Давайте не будем ссориться. У нас же собрание. Давайте соблюдать регламент.

СТОРОЖИХА. (Тихонову) Понял!

ТИХОНОВ. А то! Регламент, не что-нибудь там.

ДИРЕКТОР. Ваша деревня хороша всем, кроме одного – она отделена от окружающего мира рекой. Чтобы попасть на почту, в магазин или в больницу, приходится ждать зимы или перебираться вброд. Это неправильно.

СТОРОЖИХА. И что же делать-то, батюшка. Кто же нам мост-то построит?

ДИРЕКТОР. Мы и построим.

ВАСЯ. Как это?

ТИХОНОВ. Властям это не понравится.

СТОРОЖИХА. Да уж. На это, небось, разрешение нужно.

ДИРЕКТОР. Какое еще разрешение? Вы же для себя этот мост построите, не для кого-нибудь. Смотрите, я все прикинул. Леса вокруг полно. Нам понадобится сосновый брус. Мы вобьем в дно сваи и на них положим настил. Доски я закажу на лесопилке. От вас требуется только срубить несколько деревьев и обтесать. Всей работы – на неделю. Зато у вас будет мост.

СТОРОЖИХА. Как-то это непривычно, чтобы мы сами.

ДИРЕКТОР. Кто же за вас будет работать? Кроме вас самих, ваша деревня никому не нужна.

ЕЛЕНА. Может, мы обойдемся без моста? Жили же как-то раньше.

ПАША. Раньше.

ТИХОНОВ. Не нравится мне это.

ВАСЯ. И мне не нравится. Где это видано, чтобы сами мосты строили.

ДИРЕКТОР. Вы же деревенские. Вот ваши дома кто стоил?

ТИХОНОВ. Строительная артель из района приезжала. Давно это было, еще до войны.

ДИРЕКТОР. У вас топоры есть? Вы дрова рубить умеете?

ТИХОНОВ. Так то дрова.

ДИРЕКТОР. Разница невелика, уверяю вас. Я вас научу. Я в студотряде строил мосты.

СТОРОЖИХА. Ну, если научишь... тогда ладно. Но очень уж непривычно.

ВАСЯ. А что! Давайте и построим! Будет мост – можно будет мотоцикл купить и на охоту на болота ездить!

ДИРЕКТОР. И на болота и куда угодно. Можете даже машины купить, не только мотоциклы.

ТИХОНОВ. Это ты брось! Издеваться вздумал? Не будет никакого моста?

СТОРОЖИХА. Как это не будет, Тихон?

ТИХОНОВ. Я не позволю! Чтобы машин накупили и ездили тут.

СТОРОЖИХА. Никто тебе не виноват, что ты сам деньги пропил! Не пил бы – купил бы себе машину. А так – пешком ходи.

ПАША. Пешком.

ЕЛЕНА. Правильно. Можно в районе договориться, чтобы к нам автобус раз в неделю присылали, или машину с продуктами.

СТОРОЖИХА. Можно. Все можно. В общем, понятно, что дело бесперспективное.

ДИРЕКТОР. Да как же бесперспективное! Наоборот, у вас тут жизнь закипит. А то живете как на необитаемом острове.

СТОРОЖИХА. Вот я говорю – бесперспективы открываются головокружительные.

ДИРЕКТОР. А, в этом смысле. То есть, вы согласны?

СТОРОЖИХА. Согласны, согласны. А ты, Тихон, не дай бог, будешь уклоняться, так врежу, забудешь, как зовут.

ТИХОНОВ. Да понял я уже. Ладно. Мост так мост.

(5 картина)

Затемнение. Снова в избе только Тихонов и Антон.

ТИХОНОВ. Попутал черт нас связаться с этим директором. Стали мы строить этот мост.

АНТОН. Что же плохого в том, чтобы построить мост?

ТИХОНОВ. Все перемены всегда к худшему.

АНТОН. Неправда. Бывают перемены к лучшему.

ТИХОНОВ. Это может быть где-нибудь за границей бывают. А у нас – никогда. У нас – только к худшему. И чем дальше, тем хуже.

АНТОН. Объясните мне, что же плохого в том, чтобы вся деревня, как один человек, потрудились для собственного блага.

ТИХОНОВ. Пока строили – ничего. Настроение у всех хорошее было.

АНТОН. А потом что?

ТИХОНОВ. Потом директор бабу свою привез.

АНТОН. Жену что ли?

ТИХОНОВ. Ну да, жену. Мы бы все выдержали. Но только не еще одну бабу в нашей деревне. Это – смерть.

АНТОН. Да что же в этом плохого-то?

ТИХОНОВ. Всем плохо.

АНТОН. Ну, чем же?

ТИХОНОВ. А всем. Начнем с того, что она папиросы курила. Не бабское это дело. А нашим бабам – соблазн. Ладно, поворачивайся, пора жопу мазать.

Антон поворачивается, Тихонов берет со стола мазь и широкой кисточкой мажет Антону спину.

ТИХОНОВ. Твое счастье, что ружье у Васьки было бекасиной заряжено. Если бы нолевка – мы бы ее долго выковыривали.

2 действие

(1 картина)

Берег реки. На заднем фоне – мост. У моста стоит директор и его жена, АЛЕНА. Она курит.

ДИРЕКТОР. Ну что тебе здесь не нравится? Красивые места. Мост построили, теперь можно хоть на каждые выходные приезжать.

АЛЕНА. Мне здесь ничего не нравится. Ненавижу деревню. Людишки эти выродившиеся. Ты видел их лица?

ДИРЕКТОР. Они не виноваты, что родились здесь, а не в городе, как ты.

АЛЕНА. Ты ведь тоже родился в деревне. Однако похож на человека. Не пьешь, деньги зарабатываешь, всего добился сам.

ДИРЕКТОР. Они другого ничего не видели. А я видел. И не дай им бог...

К ним подходит Елена.

ЕЛЕНА. Ох, какой у вас интересный свитерок? Сами вязали?

АЛЕНА. Нет. В Москве купила.

ЕЛЕНА. В Москве? Наверное, больших денег стоит?

АЛЕНА. Нет, не очень больших.

ЕЛЕНА. А хотите, я вас научу преснушки печь?

АЛЕНА. Преснушки? Это что еще такое?

ЕЛЕНА. Это такие пирожки с картошкой. Их еще называют – загибени.

АЛЕНА. Как? Загибени? Нет, спасибо.

Елена отходит.

ДИРЕКТОР. Зря ты ее обидела. Она же к тебе со всей душой.

АЛЕНА. Ты слышал? Загибени...

Алена бросает сигарету и уходит в дом. Директор идет следом за ней. На мост выходит Елена. В руке у нее папироса. Она ее поджигает, затягивается и кашляет. С другой стороны моста появляется Сторожиха с корзиной в руках.

СТОРОЖИХА. Это ты что такое? Это ты куришь, что ли?

ЕЛЕНА. А что? Хочу и курю.

СТОРОЖИХА. Это тебя кто научил? Это тебя эта научила?

ЕЛЕНА. Не твое дело.

СТОРОЖИХА. Я тебе покажу не мое дело! Здесь все мое дело!

Сторожиха подбегает к Елене и бьет ее корзиной. Елена роняет сигарету и убегает. За кулисами слышен рев мотоцикла. Сторожиха оглядывается, возвращается к мосту. На мост выезжает женщина из налоговой на мотоцикле.

ЖЕНЩИНА. Гм. Действительно, мост построили. Давно я к вам собиралась заехать.

СТОРОЖИХА. Ты кто такая?

ЖЕНЩИНА. Я из налоговой инспекции.

СТОРОЖИХА. Вот оно как. У нас тут бизнесменов нет, только директор. А мы все на пенсии.

ЖЕНЩИНА. На пенсии, говорите? У меня есть другая информация.

СТОРОЖИХА. Какая еще информация?

ЖЕНЩИНА. Вы, вероятно, Ольга Николаевна Сторожева?

СТОРОЖИХА. Да, Сторожева я.

ЖЕНЩИНА. У нас есть информация, что вы занимаетесь незаконной предпринимательской деятельностью.

СТОРОЖИХА. Какой еще деятельностью?

ЖЕНЩИНА. Нетрадиционные методы лечения. Экстрасенсорика.

СТОРОЖИХА. Что ты, матушка! Я и слов-то таких не знаю!

ЖЕНЩИНА. Зубы вы заговариваете?

СТОРОЖИХА. Заговариваю. А у тебя что, болят? Так я могу... Месяц ты месяц, серебряные ножки. Сойди ты, месяц, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мне скорби не перенести. Вот зуб, вот два, вот три: все твои; возьми мою скорбь. Месяц ты месяц, сокрой от меня зубную скорбь...

ЖЕНЩИНА. Спасибо, у меня не болят зубы.

СТОРОЖИХА. Так что же ты мне голову морочишь?

ЖЕНЩИНА. Вы должны зарегистрироваться как частный предприниматель и заплатить налоги.

СТОРОЖИХА. Какие еще налоги? За что?

ЖЕНЩИНА. Вы за просто так зубы заговариваете? За спасибо?

СТОРОЖИХА. Ну, мужиков прошу огород вскопать. Или огурчиков баночку кто-то принесет. Я огурчики очень люблю соленые.

ЖЕНЩИНА. Вы мне зубы не заговаривайте... тьфу! Налицо незаконное предпринимательство. Вот вам повестка. Вы должны явиться в районную налоговую инспекцию и зарегистрироваться.

Женщина уезжает. Сторожиха смотрит на повестку, бежит в дом.

СТОРОЖИХА. Ох, беда-то какая, беда пришла.

Навстречу ей идет Вася.

ВАСЯ. Что за беда?

СТОРОЖИХА. Беда, беда.

Вася поднимается на мост. Смотрит на воду, несколько раз подпрыгивает, проверяя прочность моста.

ВАСЯ. Крепко стоит. Какая беда?

С другой стороны на мост входит ЖУЛИК. Он в кепке.

ЖУЛИК. Никакой беды. Все отлично.

ВАСЯ. Ты откуда тут?

ЖУЛИК. Я ниоткуда. Мимо проходил. Устал, решил присесть.

Садится на мост.

ЖУЛИК. Я вижу, тут деревня.

ВАСЯ. Деревня.

ЖУЛИК. А раньше не было деревни.

ВАСЯ. И раньше была. Всегда была.

ЖУЛИК. Не было, точно тебе говорю. Я тут все места знаю. Сюда ни разу не заходил.

ВАСЯ. Потому и не знаешь про деревню, что не заходил.

ЖУЛИК. Разумно. А мост недавно построили?

ВАСЯ. Недавно.

ЖУЛИК. Так вот почему я не знал. К вам дороги не было. Сыграем?

ВАСЯ. Как это?

ЖУЛИК. Смотри.

Достает три наперстка и шарик.

ЖУЛИК. Очень простая игра, нужно только смотреть внимательно. Ты же, наверное, охотник.

ВАСЯ. Охотник.

ЖУЛИК. Глаз должен быть острый. Смотри, где шарик?

Переставляет наперстки.

ВАСЯ. Вот здесь.

Жулик достает шарик.

ЖУЛИК. Гляди-ка, угадал. На интерес играть скучно. Давай я кепку свою поставлю, а ты – ремень.

ВАСЯ. Как же я без ремня?

ЖУЛИК. Может, ты еще выиграешь. Нравится кепка?

ВАСЯ. Нравится.

ЖУЛИК. Играем.

Переставляет наперстки.

ВАСЯ. Здесь!

Жулик достает шарик. Вася кричит от радости. Жулик снимает кепку и отдает Васе. Вася надевает ее. Жулик достает десять рублей.

ЖУЛИК. Новичкам всегда везет. Ставлю десять рублей против кепки. Играем?

ВАСЯ. Играем.

Жулик переставляет наперстки.

ВАСЯ. Здесь!

Вася тянет руку к десятке.

ЖУЛИК. Мимо.

Достает шарик из-под другого наперстка. Хватает кепку и надевает ее. Вася смотрит на него исподлобья. Разворачивается и убегает в дом. Жулик напевает и оглядывается. Появляется Вася с мятой десяткой в руке.

ВАСЯ. Играем! На кепку.

ЖУЛИК. А что мы на улице сидим. Вечереет, прохладно. Пойдем в дом.

ВАСЯ. Пойдем.

Уходят.

(2 картина)

Директор выходит из деревни и идет к мосту. С той стороны бредет пьяный Тихонов.

ТИХОНОВ. (переходя через мост) Черт бы побрал это мост.

ДИРЕКТОР. Привет, Тихон.

ТИХОНОВ. Какой я тебе Тихон?

ДИРЕКТОР. А кто?

ТИХОНОВ. Никто.

ДИРЕКТОР. Как хочешь.

Директор разворачивается и собирается уйти.

ТИХОНОВ. Стой. Директор. На хрена ты это затеял с мостом?

ДИРЕКТОР. Как это – на хрена? Вам же лучше стало? Вы тут жили, как на острове.

ТИХОНОВ. Хорошо жили.

ДИРЕКТОР. Да чем же хорошо?

ТИХОНОВ. Хорошо. А теперь плохо.

ДИРЕКТОР. Вот лично тебе чем хуже стало от того, что моста появился?

ТИХОНОВ. Раньше я раз в год пил. А теперь – каждый день.

ДИРЕКТОР. В этом мост виноват?

ТИХОНОВ. Ну не я же. Раньше через реку было лень в магазин ходить. А теперь этот мост как будто шепчет каждое утро – сходи в магазин, сходи. Мне уже и пропивать больше нечего.

К мосту выбегает Сторожиха.

СТОРОЖИХА. Добился своего, изверг! Чтобы ты провалился со своим мостом!

ДИРЕКТОР. Что случилось?

СТОРОЖИХА. В налоговую меня забирают! За экзистенциализм!

ДИРЕКТОР. За что?

СТОРОЖИХА. За то, что зубы заговариваю!

ДИРЕКТОР. Не может быть. За это давно не сажают.

СТОРОЖИХА. Вот повестка, посмотри.

ДИРЕКТОР. Так вам просто на учет нужно встать. И налоги платить за предпринимательскую деятельность.

СТОРОЖИХА. Так ты знаешь! Ты с ней сговорился! Это ты нарочно нас подговорил мост построить. И игрока этого ты прислал.

ДИРЕКТОР. Какого еще игрока?

СТОРОЖИХА. Которому Вася все свои деньги проиграл. (кричит) Вася!

ВАСЯ. (Из-за сцены) Сейчас приведем!

ДИРЕКТОР. Кого приведем?

СТОРОЖИХА. Увидишь.

Входят Елена, Вася и Паша. Они ведут жену директора.

АЛЕНА. Спаси меня!

Директор кидается к ней, Вася наставляет на него ружье, которое держит одной рукой.

ВАСЯ. Стой, леший. Я на тебя злой. Стрельну.

ДИРЕКТОР. Вы что тут все, с ума посходили? Вы понимаете, что вас посадят?

Паша отпускает Алену, поднимает доску, подходит к директору сзади и бьет его по голове.

ПАША. Посадят.

Затемнение.

(3 картина)

Изба. Антон и Тихонов. Тихонов вырезает очередную трубку.

АНТОН. А потом что?

ТИХОНОВ. Мост сожгли. Бабу директорскую снасиловали. Даже Пашка поучаствовал. Директора на берегу забыли, а когда вспомнили, да пошли кончать, он уже убежал. На машине его я хотел покататься, да она резвая больно, я по деревне проехал и в дерево врезался. Директоршу под утро Елена развязала да из деревни вывела. А имущество директорское меж собой поделили. Смотри-ка. Вроде бы более-менее получилось.

Показывает Антону трубку.

АНТОН. Вы так спокойно об этом рассказываете.

ТИХОНОВ. А чего беспокоиться?

АНТОН. То, что вы сделали, подсудное дело. Вы в тюрьму обратно не хотите?

ТИХОНОВ. Это ж не я один. Когда все вместе, за это не наказывают. Это уже не вина, а свой закон, когда все. Это директор был перед нами виноват, а мы его наказали.

АНТОН. Я уверен, что он думает по-другому. Не боитесь, что он вернется?

ТИХОНОВ. Кто?

АНТОН. Директор.

ТИХОНОВ. Вряд ли. Мы же мост сожгли.

АНТОН. Речка – не препятствие. Особенно зимой.

ТИХОНОВ. Мы его крепко напугали. Больше не сунется.

АНТОН. Он может не сам прийти. Может прислать кого-нибудь.

ТИХОНОВ. Кого же он пришлет?

АНТОН. Какого-нибудь молодого парня, который придет сюда на лыжах под видом то ли студента, то ли журналиста.

ТИХОНОВ. Так тебя директор прислал?

АНТОН. Директор.

ТИХОНОВ. Понятно. Бить будешь.

АНТОН. Нет.

ТИХОНОВ. Плохо.

АНТОН. Ужасно.

ТИХОНОВ. Трубку новую не дашь раскурить?

АНТОН. Не дам.

ТИХОНОВ. А они?

АНТОН. Потом они. Все. Ты же сам сказал – все.

ТИХОНОВ. Ну и ладно.

АНТОН. Спасибо за мазь.

ТИХОНОВ. Не за что.

Антон встает и сворачивает Тихонову шею. Поднимает трубку и бросает ее в печь. Берет лыжи и выходит. Опускается занавес, за которым слышен треск разгорающегося пожара.

Три женщины

(комедия в двух действиях)

Действующие лица:

Максим, режиссер, 27 лет;

Роберт Анатольевич Иксанов, актер, 62 года, он же Алексей Михайлов;

Анна Сергеевна Гельц, актриса, 51 год, она же Агриппина Андреевна;

Елена Петровна Шурко (Озерова), актриса, 39 лет, она же Зинаида Сергеевна;

Ирина, актриса, 20 лет, она же Танечка;

Иван Иванович Шурко, 35 лет, нефтяник.

Акт 1

1 действие

Скромно обставленная квартира: шкаф, диван, стол, заваленный бумагами. Окно наглухо закрыто занавесками. Тихо, без звука, открывается дверь. Входит Максим. Оглядывается.

Максим. Здравствуйте!

Тишина.

Максим. Есть кто-нибудь? Ау!

Тишина.

Максим. Там было открыто.

Максим подходит к столу и внимательно рассматривает бумаги. Берет одну из них и прячет во внутренний карман куртки. Подходит к шкафу и заглядывает в него. Потом отступает назад. Дверца шкафа открывается, оттуда появляется ствол ружья и упирается Максиму в лоб. Максим продолжает отступать, поднимая руки. Следом за ружьем появляется пожилая женщина в халате и бигудях. Она держит ружье в правой руке, а левой лезет Максиму за пазуху и достает бумагу, которую он взял со стола. Смотрит на нее, качает головой и убирает ее в карман халата.

Максим. Простите, я...

Женщина. Молись. Сейчас я буду тебя убивать.

Максим. Вас посадят.

Женщина. Ты только представь заголовки в газетах «Вдова ветерана войны застрелила грабителя, который ворвался в ее квартиру и пытался ее изнасиловать».

Максим. Я не пытался вас изнасиловать.

Женщина. Пытался-пытался. Давай, молись уже.

Максим. Да я и молитв-то никаких не знаю.

Женщина опускает ружье.

Женщина. Сложная ситуация. Атеист?

Максим. Абсолютный безбожник.

Женщина. Ну, тогда обойдемся без молитвы.

Снова поднимает ружье.

Максим. Подождите, не стреляйте! Я готов!

Женщина. К чему? Уверовать в Бога?

Максим. Нет. Это... вас изнасиловать.

Делает шаг вперед.

Женщина. Стой, где стоишь!

Несколько секунд размышляет, оценивающе глядя на Максима, потом садится на диван, продолжая целиться в него из ружья, которое держит одной рукой. Второй рукой гладит покрывало.

Женщина. Ты из налоговой инспекции?

Максим. Нет. То есть, да.

Женщина. Тебе нужен Роберт Иксанов?

Максим. Да. То есть, да.

Женщина. Он давно не подавал декларацию о доходах?

Максим. Очень давно. Никогда.

Женщина. И теперь он должен этому гребаному государству кучу денег?

Максим. Ну, не очень большую кучу. Возможно, он должен даже совсем маленькую кучу. И вообще, наше, как вы справедливо заметили, гребаное государство, оно может и подождать. Оно ведь у нас не самое бедное. Многие страны гораздо беднее. Например, Эфиопия, Мексика, Боливия...

Женщина. Заткнись. Иксанов здесь больше не живет.

Максим. Странно. А старушки у подъезда мне сказали, что живет и, более того, что он уже несколько недель никуда не выходит из дома.

Женщина. Все-то они знают. Он потому и не выходит из дома, что уже несколько недель, как уехал. И уехал он, кстати, ночью, когда все старушки спали.

Максим. Куда?

Женщина. В Боливию. Поднимать своими налогами экономику этой нищей страны.

Максим. А вы кто?

Женщина. Я его экономка.

Максим. Занимаетесь его экономикой, пока он мотается по границам?

Женщина. (гладит диван) Грею постель в его отсутствие.

Максим. И изменяете ему с первым встречным.

Женщина. Не забывай, ружье все еще у меня.

Максим. А что самое странное, старушки у подъезда ничего не сказали мне о том, что у Иксанова есть экономка.

Женщина. Ты не из налоговой инспекции.

Максим. Да, я не из налоговой инспекции. А вы не экономка. Возможно, вы вообще не знаете, что это такое.

Женщина. (вздыхает) Не знаю. Просто слово понравилось. Оно пахнет нефтедолларами. Ты журналист?

Максим. Уверяю вас, на самом деле оно пахнет клопами и борщом. Думаете, вы все еще интересны журналистам?

Женщина. Ну... может быть, в качестве музейного экспоната. Современные детишки любят вытаскивать за свет Божий всякое старье, которое сто лет пылится на чердаке.

Максим. Нет, я не журналист. Я режиссер.

Женщина. Что? Ты – режиссер? А ты школу уже закончил? Или теперь пьесы пишут груднички, на сцену выходят в подгузниках, а режиссурой занимаются пригостишки?

Максим. Я не так уж молод, как это может показаться. Мне двадцать семь лет.

Женщина. (с сарказмом) Это меняет дело. Что ж, расскажи мне, что ты уже поставил.

Максим. Не очень много. Я снял два видеоклипа, несколько рекламных роликов и одну серию телефильма «Мальвина стреляет первой».

Женщина. Ой, нет, про эту телемыльную фигню ты мне можешь вообще ничего не рассказывать.

(пауза)

А почему только одну серию?

Максим. Потом меня уволили.

Женщина. Превосходно. Я даже не спрашиваю, за что именно. Видимо, вы просто не сошлись с продюсером во мнениях по поводу одного места из Блаженного Августина. Что ж, тебе удалось впечатлить меня своим рЭзюме. А в театре случалось бывать? Не знаю, может быть, мамочка приводила тебя когда-никогда за руку на новогодний утренник...

Максим. Да, я поставил «Чайку» в одном театре.

Женщина. «Чайку»? Это известная пьеса. И в каком же театре?

Максим. Театр не такой известный, как пьеса. У меня на родине, в Вологде есть самодеятельный театральный кружок...

Женщина. Не продолжай. Постановка, конечно, имела оглушительный успех?

Максим. Она оглушительно провалилась. Вологодская культурная элита просто размала меня по страницам местных газет.

Женщина. Ничего удивительного. Вологодская культурная элита – это страшная сила. Пусть тебя утешает то, что первые постановки этой пьесы также не имели успеха. Так что тебе от меня нужно, деточка?

Максим. Знаете, готовясь к этой встрече, я боялся разочароваться, но теперь вижу, что вы в превосходной форме.

Женщина. (кладет ружье на диван, с досадой) Ты про это? Так, баловство.

Она снимает парик с бигудями и сбрасывает халат, под которым обнаруживается мужской костюм. Женщина превращается в Роберта Иксанова.

Иксанов. А что, действительно неплохо получилось?

Максим. (разводит руками) Я приготовился проститься с жизнью.

Иксанов. А где я прокололся?

Максим. У нас, режиссеров, свои секреты.

Иксанов. (берет ружье) А у нас, актеров – ружья, которые по недосмотру реквизиторов иногда стреляют в первом акте.

Максим. В таком случае я унесу свою тайну в могилу.

Иксанов. (бросает ружье) Оно не заряжено. Да вы садитесь, юноша. Так чем могу служить?

Максим. (садится на стул возле стола) Я хочу восстановить «Трех женщин» с вами в главной роли.

Иксанов. Чрезвычайно глупая идея.

Максим. Это почему же? В Москве нынче театральный бум. «Три женщины» – прекрасная, не заигранная пьеса. С декорациями проблем не будет. Интерьер конца девятнадцатого века есть в любом театре, где хотя бы раз ставили «Дядю Ваню». На женские роли мы подберем лучших актрис. Но самое главное – у меня уже есть спонсор.

Иксанов. (иронично) Конечно, это самое главное! Вы, безусловно, сделаете отличное шоу. Надеюсь, московская культурная элита будет к вам более благосклонна, чем вологодская.

Максим. И к тому же, если учесть, что вы готовы разговаривать о своих налогах лишь с оружием в руках...

Иксанов. На что вы намекаете?

Максим. На то, что у вас нет денег.

Иксанов. Да, у меня нет денег. Но у меня все-таки не настолько нет денег, чтобы на старости лет доверить свою репутацию мальчишке, который имел дело только с какими-то, прости Господи, крепостными театрами.

Максим. Вы ничем не рискуете.

Иксанов. Как это – ничем? Я же сказал – у меня есть ре-пу-та-ция! Вам известно значение этого слова?

Максим. Нет у вас никакой репутации.

Иксанов. Как это нет? (тянется к ружью)

Максим. Оно не заряжено. «Три женщины» с успехом шли на сцене Академического Театра с 1973 по 1984 год. С тех пор прошло больше двадцати лет. Вас никто не помнит, кроме двух-трех специалистов...

Иксанов. ...чье мнение для меня важнее, чем суждения черни.

Максим. ...которые в один голос утверждают, что вы играли более чем средне, а зрительницам нравилась исключительно ваша эффектная внешность.

Иксанов. Самовлюбленные идиоты, которые ничего не понимают в искусстве.

Максим. Возможно. Но неужели вам не хочется утереть им нос?

Иксанов. Утереть им нос?

Иксанов встает, подходит к окну и отдергивает занавеску. Это похоже на то, как раздвигается занавес в театре.

Иксанов. Когда мне было лет двадцать, я постоянно пытался переделать мир. Он казался мне каким-то кособоким, неаккуратным, неправильным. Особенно это касалось отношений между людьми. Вот, например, мужчина и женщина не любят друг друга, но живут вместе. Гуляют под ручку, завтракают за одним столом, даже рожают детей. И при этом ненавидят друг друга. Или наоборот, пусть они любят друг друга. Но она богата, а он беден – возьмем банальнейшую, водевильную ситуацию. Она выходит замуж за министра, а он едет в провинцию преподавать отечественную историю, женится на какой-нибудь толстой сельской барышне и тихо спивается, во время приступов белой горячки бормоча что-то неразборчивое из латыни. На каждом шагу я видел людей, которые обращались со своей жизнью хуже, чем мужик обращается со своими портянками. И мне казалось, что так быть не должно и я обязан это изменить. Я был убежден, мой долг – объяснить этим несчастным, что жизнь – это драгоценность, которую нельзя хранить в нужнике. И что ты думаешь, они были мне благодарны? Черта с два! Нет, они не начинали ненавидеть себя. Как раз себя-то они оправдывали и находили сотню, тысячу объяснений, почему они поступают именно так. Они были готовы потратить годы на то, чтобы выдумать убедительное объяснение, почему они не могут изменить свою жизнь. Но они ненавидели меня за то, что я пытаюсь нарушить их привычное существование, полное упоения собственной никчемностью. О, я набил себе немало синяков, прежде чем понял, что я – такое же ничтожество, как и все остальные и также не могу найти в себе силы на то, чтобы сделать очередной шаг вперед. И вот я сижу в этих четырех стенах и занимаюсь тем же, чем и все остальные – изобретаю причины, по которым я не могу жить по другому. Вспоминаю врагов, которые строят мне козни, придумываю всякие неблагоприятные обстоятельства, нахожу в себе разнообразные пороки – словом, воздвигаю на своем пути непреодолимые препятствия. Поверь мне, все эти годы я трудился не покладая рук. И возвел столько этих самых препятствий, что вряд ли такой слабый, старый человек, как я в силах их преодолеть.

Максим. Вот это самое важное, на что не обращал внимания никто из постановщиков «Трех женщин».

Иксанов. На что именно?

Максим. Вот эта последняя фраза в монологе Михайлова: «вряд ли такой слабый, старый человек, как я, в силах их преодолеть». Сколько вам было в 73-м году?

Иксанов. Тридцать.

Максим. Вы находите органичным, что тридцатилетний юноша считает себя стариком?

Иксанов. Вполне. В то время старели рано. Вспомните Онегина и Печорина, и вообще всех этих наших молодых старичков великой русской литературы.

Максим. Ничего подобного. Ошибка всех предыдущих постановщиков «Трех женщин» состояла в том, что они брали на роль Михайлова молодых парней. У них получалась история о жиголо, который ради денег обольщал трех уездных барышень. А теперь представьте, что Михайлову – шестьдесят четыре... сколько вам?

Иксанов. Шестьдесят два.

Максим. Пусть будет шестьдесят два. Он действительно старик. И все эти фокусы, все эти выкрутасы, которые он выделывает – все это ради того, чтобы избежать одиночества, ради душевного тепла, ради взаимопонимания, ради любви, наконец!

Иксанов. Друг мой, вы заблуждаетесь. «Три женщины» – весьма посредственная пьеса, которую очень любили ставить только потому, что там были большие роли для жены режиссера, его любовницы и его дочери. А у любого режиссера в любом театре есть жена, любовница и дочь.

Максим. Кстати, возможно вам будет интересно, что роль Агриппины Андреевны согласилась сыграть Анна Гельц.

Иксанов. Аня?

Максим. Да, сейчас, в ее возрасте, эта роль как раз для нее. А в оригинальной постановке Академического театра она играла Зинаиду Сергеевну. Была вашей... партнершей.

Иксанов. Я не выжил из ума, сопляк! Я прекрасно помню, кто кого играл и кто был чьим... партнером. Когда начинаются репетиции?

Максим. Если вы согласны, то через две недели.

Иксанов. Позвоните мне. Только не нужно больше вламываться без предупреждения в мою берлогу.

Максим. Хорошо. До свидания.

Иксанов. Минуточку.

(достаёт из кармана халата бумажку)

Вы пытались украсть у меня рекламу мебельного магазина, которую мне подбросили в почтовый ящик. Вы собираетесь обзавестись новой мебелью?

Максим. Да нет. Видите ли. Когда я вошел... пустая квартира. Я крадусь через комнату, как вор, который должен похитить нечто важное. Роюсь в бумагах, нахожу это – не знаю что – письмо, расписка, шифрованное донесение. Не подумайте, я не болен kleptomанией. Просто мне показалось, что логика всей этой сцены требует того, чтобы я взял со стола бумагу и спрятал ее во внутреннем кармане.

Иксанов. Говорите, ваша «Чайка» провалилась?

Максим. С грохотом.

Иксанов. Я буду ждать вашего звонка.

Максим. Я позвоню.

Максим уходит.

Действие 2

Репетиционный зал. Иксанов и Анна Гельц, улыбаясь, смотрят друг на друга.

Иксанов. Аня, боже, как ты постарела!

Анна. Спасибо, Роберт, ты тоже ужасно подурнел и опустился. Ты пьешь?

Иксанов. Нет, спиртное меня уже не берет, поэтому я давно перешел на тяжелые наркотики.

Анна. Ты все тот же! Иди сюда, я тебя расцелую.

Иксанов. А ты не рассыплешься в могильную пыль, если я тебя обниму?

Анна. Попробуй. Лишняя щепотка пыли твоему костюму уже не повредит. Похоже, он видывал и не такие виды. Это не тот же самый пиджак, который ты набросил мне на плечи во время нашего первого свидания?

Обнимаются и целуются.

Анна. Чем ты занимался все эти годы?

Иксанов. В основном – созерцанием собственного пупа.

Анна. Ты стал буддистом?

Иксанов. Нет, просто мой пуп был единственным, кто ничего от меня не требовал и никуда меня не гнал.

Анна. А где ты работал? Ты же не был безработным?

Иксанов. О, нет. Я напряженно трудился все это время. Я думал о том, как одним махом ошастливить все человечество.

Анна. Ну и как, придумал?

Иксанов. Представь себе... (пауза) Нет.

Анна. В таком случае ты впустую потратил двадцать лет.

Иксанов. Не совсем впустую. За это время я поправился на двадцать четыре килограмма и потерял восемь зубов. А ты чем занималась?

Анна. Ну так... открыла ресторан. Потом еще один. Сейчас у меня восемь ресторанов, по одному на каждый твой выпавший зуб. Еще я немного играла в театре. Немного снималась в кино. Точнее в сериалах.

Иксанов. Небось в этой... «Мальвине против Буратино»?

Анна. «Мальвина стреляет первой»? Да, я действительно сыграла там небольшую роль. Именно там мы и познакомились с Максимом. Оказалось, он видел телеверсию «Трех женщин» и очень хотел бы восстановить этот спектакль. Я помогла ему найти тебя.

Иксанов. Так ты знала, где я живу?

Анна. Конечно!

Иксанов. И ни разу за это время у тебя не возникло желания меня увидеть?

Анна. Представь себе, нет. А с какой стати? Пока мы были вместе, ты изменял мне со всем, что двигалось.

Иксанов. Как будто ты мне не изменяла!

Анна. А что мне оставалось делать? Сидеть дома перед телевизором? Или пялиться на свой пуп в надежде, что это поможет мне осчастливить человечество? И вообще при чем тут человечество, если ты не смог сделать счастливой женщину, которая была рядом с тобой!

Иксанов. Уверю тебе, осчастливить все человечество проще, чем одну женщину.

Анна. Не мели ерунды. Насколько мне известно, ты не сделал ни того, ни другого.

Иксанов. Аня, неужели мы встретились только для того, чтобы оскорблять друг друга?

Анна. Не только. Мне нужен развод.

Иксанов. А разве мы все еще женаты?

Анна. А разве ты об этом забыл?

Иксанов. Забыл. Подожди. А зачем тебе развод? Я, кажется, не претендую ни на твое сердце, ни на жилплощадь. Ни, упаси бог, на твои рестораны.

Анна. Я собираюсь замуж. И только попробуй засмеяться.

Иксанов. (хихикает) Мне бы это и в голову не пришло. (хихикает) Это совершенно не смешно. (в ярости) Аня, но это же смешно! Посмотри на себя – какая из тебя невеста? Ты уверена, что тебе пойдет фата?

Анна. Ты ничего не понимаешь. Помимо плотской любви есть еще и духовная близость.

Иксанов. Сказки для богатых старушек. Готов поставить остальные свои зубы на то, что это какой-нибудь альфонс. Он молод?

Анна. Какое это для тебя имеет значение?

Иксанов. Для меня – никакого. Это будет иметь значение для тебя, когда он в первую же брачную ночь подсыплет тебе стрихнин в снотворное.

Анна. Ты ему завидуешь!

Иксанов. О нет.

Анна. В отличие от тебя он молод и талантлив, у него все впереди.

Иксанов. Понятно. Этот молокосос, возомнивший себя режиссером. Так вот кто загадочный спонсор, на которого он возлагает такие надежды. Так он влюблен не в тебя, а твои деньги.

Анна. Ошибаешься. Я согласилась сыграть в его постановке, но я не дала ему ни копейки. Деньги он нашел сам.

Иксанов. Все, я не желаю участвовать в этом балагане. Передай юноше, что он далеко пойдет. Разумеется, никакого развода не будет, пока ты не образумишься. Ты мне еще спасибо скажешь. А сейчас я отправляюсь домой.

Входит Максим.

Максим. Роберт Анатольевич, я слышал, вы собираетесь уходить. Задержитесь на четверть часа, я хочу познакомить вас с замечательной актрисой, будущей звездой нашей постановки.

Иксанов. Спасибо, с Аней мы уже знакомы.

Максим. Нет, я имел в виду Елену Шурко, которая будет играть Зинаиду Сергеевну. И ее мужа, представителя крупной нефтяной компании, который согласился спонсировать наш спектакль. Они только что прилетели из Тюмени. Или из Сургута, я уже не помню.

Иксанов. Какая прелесть. Эта прекрасная тюменская Елена взяла своего нефтяника с собой? И что он здесь будет делать? Боюсь, то, что можно выкачать из наших скважин, годится разве что на удобрения.

Анна. Роберт, заткнись. Если ты сорвешь то, что мы задумали, я задушу тебя собственными руками.

Максим. Да, Роберт Анатольевич, это было бы очень некрасиво с вашей стороны. Кстати, обращаю ваше внимание, что вместе с ними приехала девушка Ирочка, которая будет играть Танечку.

Иксанов. Я даже просто стесняюсь спросить, кем она приходится господину Нефтепрофоду.

Максим. Она его любовница.

Иксанов набирает воздуха в легкие, чтобы ответить Максиму, но тот вдруг срывается с места и бежит открывать дверь.

Входят Иван Шурко, его жена Елена и Ирина. Елена целует Максима, пожимает руку Анне, кивает Иксанову.

Елена. В Москву! В Москву!

Максим. Добро пожаловать!

Иксанов. (отвешивает земной поклон) Исполать!

Елена. Представьте себе, у нас на аэродроме было по колено снега, а прилетаем сюда – здесь весна, все цветет.

Шурко. Вышли из самолета, вызвали такси, побросали шубы в багажники и поехали в «Метрополь». Представляете, как удивилась обслуга, когда мы начали выгружать им на руки наших собольков? Наверное, решили, что мы ими торгуем.

Иксанов. Кстати, может быть, вам и правда продать их каким-нибудь иностранцам? В Москве соболей не носят уже лет триста.

Шурко. Вы думаете? А у вас нет знакомых иностранцев?

Иксанов. Упаси бог! Никаких порочащих связей!

Елена. Максим! Вы должны показать мне все-все-все здесь! Я не была в Москве целую вечность! Здесь, наверное, все так ужасно изменилось?

Максим. Вы не узнаете Москвы.

Иксанов. Дефолт способствовал ей много к украшению.

Елена. Ах, я предвкушаю! Здесь, наверное, так и бурлит культурная жизнь!

Иксанов. Пенится, я бы даже сказал.

Елена. А у нас в провинции все так скучно, из культурных мероприятий – только баня и охота.

Иксанов. Уверю вас, в Москве дела обстоят точно так же.

Елена. Вы и есть Иксанов?

Иксанов. Собственной персоной.

Елена. Очень рада. (Максиму) Первым делом мы едем в ГУМ. Потом – в Лужники.

Иксанов. А как же Третьяковская галерея?

Анна. Роберт!

Елена. Там теперь тоже торгуют?

Иксанов. Нет, но при желании вы сможете найти там ваших собратьев по соболиным шубам.

Шурко. Они там собираются? А кто именно?

Иксанов. Например, боярыня Морозова, княжна Тараканова, Иван Грозный и его сын...

Елена. (зло) Это очень смешно. Максим, Ирина, Иван Иванович, едем.

Шурко. Елена, опять эти магазины?

Елена. Хорошо. Иван Иванович остается здесь с этим... джентльменом.

Иксанов. Польщен (пожимает руку Шурко, потом медленно отступает назад).

Елена, Ирина и Максим убегают. Шурко и Иксанов долго молча разглядывают друг друга. Иксанов делает несколько неуверенных шагов вперед. Он явно хочет что-то сказать, но никак не может придумать, что именно. Пауза длится и, наконец, становится неприличной. Иксанов бессильно разводит руками.

Шурко. Хотите выпить?

Иксанов. (в восторге) Чрезвычайно точно подмечено!

Шурко достает из кармана фляжку, свинчивает пробку, наливает в нее и подает Иксанову.

Иксанов. За знакомство!

Шурко. Со свиданьем.

Иксанов выпивает, хрипит, задыхается.

Иксанов. Что... это... за отравка?

Шурко. Ага, пробрало? Это тебе не сорокаградусная моча, которой проклятые американцы спаивают русского человека! Самогон, 73 оборота. Чистый, как слеза младенца Иисуса. Согревает в любые холода даже лучше ласкового слова начальника.

Достает из кармана дорогого костюма луковицу, чистит ее, подает Иксанову.

Шурко. На, занюхай. Еще мама мне говорила – лук от семи недуг.

Иксанов послушно занюхивает, потом берет луковицу и смачно откусывает от нее.

Иксанов. Особенно если закусывать им это ракетное топливо. Вы его тоже гоните из нефти?

Шурко. Обижаетесь. Этот – из риса с лесными ягодами.

Иксанов. Ага! Китайцы все-таки завоевали Сибирь?

Шурко наливает себе, выпивает, занюхивает луковицей.

Шурко. Елена у меня актриса.

Иксанов. Я это уже понял.

Шурко. А я это не люблю – магазины, шмотки, культура. Суета. Еще будешь?

Иксанов. Разве у меня есть выбор?

Шурко наливает, Иксанов выпивает, занюхивает. Встряхивается, как пес, вылезавший из воды.

Шурко. У вас тут слишком много людей. Нужно половину переселить к нам.

Иксанов. (поперхнувшись) Уже пытались. Никому не понравилось.

Шурко. А что у вас тут хорошего? Вонь, шум, питаетесь сплошными консервантами и канцерогенами. Только и радости, что культура – можно каждый день шмотки новые покупать. А я считаю так – жопа у тебя одна (ударяет Иксанова пониже спины), и штаны должны быть одни. Правильно я говорю?

Иксанов. С вами трудно спорить...

Шурко. И не спорь!

(выпивает)

Шурко. Ничего, мы вас научим родину любить! Дайте нам только срок! В стране жрать нечего, а у вас этот... порнограф и говноед в Большом театре.

Иксанов. Так ведь больше-то жрать нечего...

Шурко. Молчать! Всех дармоедов – на поля, в леса, к станку! Никакой культуры! Никакой порнографии! (выпивает, меняет тон) Кстати, а где тут можно... ну, ты понимаешь?

Иксанов. Прямо по коридору и налево.

Шурко. Да нет, ну ты же сам мужик, чего, неужели не понимаешь?

Иксанов. Никак нет.

Шурко. Бабу где тут снять можно?

Иксанов. А вам мало тех двух, что у вас уже есть?

Шурко. Ну какой же ты все таки жук!

Иксанов. Я – жук?

Шурко. Вечно-то у тебя какие-то подковырки.

Иксанов возмущенно выхватывает фляжку и пьет из горлышка. Берет у Шурко луковицу, морщится и брезгливо ее отбрасывает.

Иксанов. Хам!

Шурко. Порнограф! Да я тебя собственными руками придушу!

Кидается на Иксанова, спотыкается, падает и мгновенно засыпает. Иксанов высекает на падшем Шурко воображаемой шпагой знак Зорро.

Иксанов. Такова участь всех диктаторов на Руси. Аминь.

Вбегает Максим.

Максим. Елена Петровна попросила, чтобы я предупредил вас, чтобы вы ни в коем случае не пили из фляжки Ивана Ивановича.

Иксанов. Слишком поздно. Аннушка уже разлила свое ракетное топливо. В то время как космические порнографы бороздят просторы Большого театра...

Максим. Роберт Анатольевич, вам нужно прилечь.

Иксанов. Рядом с этим я не лягу.

Показывает на Шурко. Максим взвизгивает и подпрыгивает.

Максим. Поднимите его! Его нужно разбудить, пока не увидела Елена Петровна!

Иксанов. На вас не угодишь. Тех, кто лежит, вы непременно хотите поднять, а тех, кто стоит, стараетесь уложить.

Максим. О боже! Что же мне делать?

Иксанов. Подставить мне плечо. Друг мой, мы идем по бабам! Если это можно им (показывает на Шурко), то чем же мы-то хуже?

Максим. По каким еще бабам?

Иксанов. По тем, что остались без присмотра этого жеребца в его, пардон, серале.

Максим. Вы о Елене Петровне?

Иксанов. Я еще не решил, с кого начать – с прекрасной Елены или молчаливой Ирины.

Максим. Вы, что, собираетесь за ними приударить?

Иксанов. Приударить? Нет, друг мой, исключено. Я собираюсь ими овладеть. Это существо бросило мне вызов. Я его принимаю! Его оружие – деньги, мое – (задумывается) обаяние и ум. Посмотрим, кто кого.

Максим. Вы не можете так со мной поступить!

Иксанов. И это говорите мне вы? Человек, который с помощью пошлых уловок пытается завладеть сердцем достойной и к тому же замужней женщины!

Максим. Вы это сейчас о чем?

Иксанов. Как это о чем? Об Анне, донне Анне, проклятый соблазнитель. Ты слышишь шаги командора? О, тяжело пожатье каменной его десницы!

Максим. Бред какой-то. Идемте, я вызову вам такси.

Иксанов. Скорей, карету мне, карету!

Максим уводит Иксанова. Шурко поднимается с пола, как ни в чем ни бывало отряхивается и выходит из комнаты.

Действие 3

Сцена театра. Елена и Иксанов.

Иксанов. Дорогая моя, ну неужели вы не можете найти в своем сердце хотя бы каплю милосердия?

Елена. Очередная пошлость.

Иксанов. Неужели вы не верите в мое раскаяние?

Елена. Нет, не верю.

Иксанов. Что мне сделать, чтобы доказать вам мою искренность? Хотите, я покончу с собой у ваших ног?

Елена. Хочу!

Иксанов. Как вы жестоки.

Елена. А вы глупы, пошлы и самодовольны! Ну же, я жду. Мои ноги в вашем распоряжении. Но только для этого случая. Я требую, чтобы вы немедленно покончили с собой.

Иксанов. Послушайте, ну что, в сущности, такого страшного случилось?

Елена. Ничего, кроме того, что вы в очередной раз показали свое истинное лицо.

Иксанов. Позвольте, я свое лицо ни от кого не прячу и готов предъявить его по первому требованию.

Елена. Фигляр. Я устала от вашей лжи.

Иксанов. Вы устали не от этого. Уверяю вас, нет ничего более утомительного, чем необходимость скрывать от всех и от себя самой тот факт, что вы в меня влюблены.

Елена. Вы в своем уме?

Иксанов. Нет, я не в своем уме и вы прекрасно это знаете. Я ополоумел от любви, как мальчишка.

Елена. Но... вы женаты на богатой старухе.

Иксанов. Вздор. Мы на грани развода.

Елена. Но вы при мне волочились за этой девицей.

Иксанов. Разве может какая-то курсистка сравниться с вами, богиня!

Елена. Немедленно прекратите!

Иксанов. Что прекратить? Любить вас? Уверяю вас, сударыня, это не в моих силах.

Елена. Чего вы добиваетесь?

Иксанов. Вы не любите ложь. Так начните с себя! Перестаньте лгать себе!

Елена. Уверяю вас, вы заблуждаетесь. Я не люблю вас.

Иксанов. Вы в этом уверены?

Иксанов подходит к Елене, берет ее за руку.

Елена. Не смейте! (однако руки не отнимает)

Иксанов. Вы в этом уверены?

Елена. Вы – чудовище.

Иксанов. Но в ваших силах превратить чудовище в прекрасного принца.

(почтительно целует ей руку. Елена осторожно гладит его по голове)

На сцену выбегает Максим.

Максим. Стоп-стоп-стоп. Елена Петровна, у вас все прекрасно. Ни добавить, ни убавить. А вы, Роберт Анатольевич, явно переигрываете.

Иксанов. Я переигрываю? Это где же, позвольте поинтересоваться?

Максим. Мне кажется, вы не прочувствовали внутреннее напряжение сцены. Когда они встречаются, они ненавидят друг друга, от них во все стороны летят искры, того и гляди, беседа вспыхнет.

Иксанов. А я что играю? Заказывали ненависть, я делаю ненависть.

Максим. Но ведь у всех наших драматургов после Чехова ничего не бывает так просто. Важен подтекст! Она не полюбила вас за те пять минут, что длится эта сцена. Она любила вас давно!

Иксанов. (с досадой) Да знаю я!

Максим. И вы ее давно любите. Поэтому она и уступает так легко вашему напору. Вы – опытный соблазнитель. Вы почувствовали, что перед вами приоткрылась дверь, и сразу же ставите туда свою ногу, чтобы она не захлопнулась. Между вами еще не сказано ни слова любви, но с полувзгляда должно быть понятно, что именно скрывается под ничего не значащими словами.

Елена. Максим, дорогой мой, мы репетируем уже три часа. Не пора ли сделать перерыв?

Максим. Разумеется. Елена Петровна, ваша работа на сегодня закончена. Роберт Анатольевич, мы с вами сейчас сделаем перерыв, а потом займемся оболыщением Ирочки. То есть, Танечки.

Ира выходит из-за кулис.

Иксанов. С удовольствием.

Ира. Я готова.

Максим. (небрежно) Займите пока Роберта Анатольевича. Поболтайте с ним, бла-бла-бла.

Максим уводит Елену. Ира подходит к Иксанову.

Иксанов. Видите, Ира, более удачливый молодой ухажер опять увел от меня очередную красавицу. (поворачивается в сторону ушедшей Елены). Сударыня, позвольте, скажите причину: зачем? почему? Или во мне какой-либо существенный есть изъян, что ли?.. Ушла! Престранный случай! Вот уж, никак, в семнадцатый раз случается со мною, и все почти одинаковым образом: кажется, эдак сначала все хорошо, а как дойдет дело до развязки – смотришь, и откажут. Да... Вот эта уж будет, никак, семнадцатая невеста! И чего же ей, однако ж, хочется? Чего бы ей, например, эдак... с какой стати... Темно, чрезвычайно темно! Добро бы был нехорош чем. Кажется, нельзя сказать этого – все слава богу, натура не обидела. Непонятно. Разве не пойти ли домой да порыться в сундучке? Там у меня были стишки, против которых точно ни одна не устоит... Ей-богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить назад оглобли. А жаль, право жаль.

Ира тихонько аплодирует, Иксанов кланяется.

Ира. Роберт Анатольевич, вы должны немедленно отказаться от участия в спектакле и уехать из Москвы.

Иксанов. Неужели я играл настолько плохо?

Ира. То, что вы плохо играли, здесь ни при чем. Просто вас хотят убить.

Иксанов. Меня? Я что, Бен Ладен?

Ира. Анна Сергеевна в ярости по поводу вашего развода.

Иксанов. Ну и пусть себе злится.

Ира. Она боится, что вы расскажете Максиму о том, что вы женаты, и он ее бросит.

Иксанов. Ага. То есть вы считаете, что в этой прекрасной парочке он – жертва?

Ира. Если вы не уедете, жертвой станете вы. Цель всей этой постановки – ваше убийство.

Иксанов. Ерунда. Дитя мое, не смотрите больше детективы по телевизору.

Ира. Ну почему вы мне не верите?

Иксанов. А почему я должен вам верить? Я знаю Аню тридцать лет. Пожалуй, она могла бы убить в состоянии аффекта. Схватить нож и всадить его прямо в сердце. (показывает,

как) Но хладнокровно спланировать и осуществить такую постановку с использованием множества статистов – нет, это фантастика. И, наконец, как она это собирается сделать? Подсыплет мне яд в зубную пасту?

Ира. Все гораздо проще. Она вас застрелит. Надеюсь, вы не забыли финал пьесы?

Иксанов. Ну как же. Агриппина Андреевна с криком «Ступай в ад, животное!» стреляет в Михайлова из револьвера на глазах у изумленной публики. У этой занудной мелодрамы довольно эффектная развязка.

Ира. Револьвер будет заряжен настоящими патронами, а не холостыми.

Иксанов. В таком случае можно не сомневаться, что премьера наделает много шума.

Ира. Вы зря смеетесь.

Иксанов. Уверяю вас, я абсолютно серьезен.

Ира. Хорошо. Я вижу, что вы мне не верите. Боюсь, для того, чтобы вас переубедить, мне придется привести более весомые аргументы.

Иксанов. Сделайте одолжение.

Ира. Забудьте все, что я вам сказала об Анне Сергеевне.

Иксанов. (на мгновение принимает задумчивый вид, потом кивает) Сделано.

Ира. Вас действительно хотят убить.

Иксанов. О боже! (собирается уйти)

Ира. Вы знаете фамилию Елены Петровны?

Иксанов. Шнурко... пардон, Шурко!

Ира. Это она по мужу Шурко, а ее девичья фамилия – Озерова.

Иксанов. И что? (пауза) Что?! Лена Озерова? Как она изменилась...

Ира. Ну, наконец-то! Да, это Лена, в последней постановке «Трех женщин», исполнительница роли Танечки. Одна из тех, кого вы соблазнили, и чье сердце вы безжалостно разбили.

Иксанов. О, нет, не нужно патетики. Соблазнил – да, было дело, а вот сердечко у этой маленькой шлюшки было покрепче камня. Но ведь она уехала... за границу. Вышла замуж за какого-то бюргера.

Ира. Я попросила бы вас выбирать выражения. Да, она уехала и вышла замуж. Но не за границу, а в Сибирь. Не забывайте, какие на дворе стояли времена. Не так-то просто тогда было уехать за границу, тем более актрисе. А вот в Сибирь – пожалуйста. Вот она и уехала. И вышла замуж за монтажника нефтепровода. А сейчас вернулась, чтобы вам отомстить. Она собирается подменить патроны в револьвере, из которого будет стрелять Анна Сергеевна. Пиф-паф, вы – труп, старуха за решеткой, а Елена Петровна – вне всяких подозрений, носит ей передачи, а вам – цветы на могилку.

Иксанов. Да, веселенькая картина. Минуточку, а вам-то что за интерес меня спасать? Насколько я понимаю, вас устраивает ваше... трио.

Ира. Я не хочу, чтобы моя мать участвовала в убийстве.

Иксанов. Что-то я не понимаю. Кто из них ваша мать?

Ира. Елена Петровна.

Иксанов. Ох! То есть, вы не любовница нефтяного короля, а его дочь? Но зачем?

Ира. Мама хотела, чтобы вы умерли, ничего не узнав.

Иксанов. И что же я не должен был узнать?

Ира. Что я – ваша дочь.

Иксанов. Вы – моя дочь?

Ира. Да, да.

Иксанов. Ты – моя дочь?

Ира. Да, я по-прежнему ваша дочь, как и десять секунд назад, так что давайте не будем повторять это еще пятнадцать раз.

Иксанов. (Разглядывает ее. Потрясенно) Ты такая красивая девушка.

Ира. И это вы мне тоже уже говорили.

Иксанов. Но ведь тогда я не знал, что ты моя дочь. И вообще не знал, что у меня есть дочь.

Ира. Эй, папаша, я вам зачем все это рассказывала? Чтобы утирать весь вечер ваши слезы умиления?

Иксанов. Во всяком случае, я надеюсь, не для того, чтобы взыскать с меня алименты за двадцать лет.

Ира. Вы должны уехать из Москвы.

Иксанов. Теперь – ни за что!

Ира. Но мама вас убьет.

Иксанов. Тем лучше. А зачем мне теперь жить? Дочь родил, дерево посадил, дома прибрался. К тому же любой актер может только мечтать о том, чтобы умереть на сцене. Ты только представь, моя дорогая, заголовки во всех газетах: «Убит под занавес». Или нет, лучше так «Кровавая трагедия в Академическом театре».

Ира. Газетчики не узнают о том, что это было убийство.

Иксанов. Тогда так: «Роковая ошибка реквизитора». Нет, доченька, я никуда не уеду. Я актер и я должен выполнить свой долг. Я пойду до конца, до последнего акта.

Ира. Значит, мама правду про вас говорила, что вы ради красивой позы готовы пожертвовать чем угодно.

Иксанов. Твоя мама во мне не ошиблась. И ты можешь быть уверена в том, что я выберу самую красивую позу для своего бенефиса. (оглядывается) Знаешь, я думаю, наш режиссер уже не вернется. Твоя мама всегда умела уводить мужиков. Особенно у Ани. Кстати, а Аня знает о том, что Лена – это Лена?

Ира. Пока нет.

Иксанов. В таком случае понятно, почему она отпускает с ней своего друга. Ну что ж, раз наш режиссер загулял, у нас с тобой антракт. Пойдем-ка в буфет, выпьем по рюмочке коньячка и закусим тощим театральным бутербродом с семгой.

Уходят. Занавес. Антракт.

Акт 2

1 действие

На сцене – декорации «дворянского гнезда» начала 20 века. Входят Иксанов и Ира. Они в соответствующих костюмах.

Иксанов. В конце концов, где наш режиссер?

Ира. Я думаю, он с Анной Сергеевной. Настраиваются, так сказать, перед премьерой.

Иксанов. В очередной раз убеждаюсь, что мать тебя дурно воспитала.

Ира. Как будто ты воспитал бы лучше.

Иксанов. Разумеется, лучше. Я бы тебе книжки вслух читал, в театр бы с тобой ходил.

Ира. Ты когда в последний раз в театре-то был?

Иксанов. Не забывай (обводит рукой сцену), мы сейчас в театре.

Ира. В зрительном зале ты когда в последний раз сидел?

Иксанов. Слушай, почему ты мне все время грубишь?

Ира. А почему бы и нет?

Иксанов. Потому что ты мой дочь!

Ира. Поверь, дорогой папаша, трудно испытывать родственные чувства к человеку, которого совсем не знаешь.

Иксанов. Да, нам нужно познакомиться поближе. Поговорить о том, о сем. Вот отыграем премьеру и сходим куда-нибудь вместе...

Ира. Ага. В театр.

Иксанов. Черт, полчаса до начала спектакля, а режиссер пропал.

Ира. Я же уже сказала...

Иксанов. Да нет его у Анны в гримерке, я проверял.

Ира. А зачем он тебе вообще нужен?

Иксанов. Ну... помочь настроиться. Войти в роль. А действительно, зачем он мне нужен? Тьфу! Мальчишка.

Ира. Вот он, кстати.

Входит Максим. Он взволнован, бежит к Иксанову. Иксанов берет Иру под руку и, демонстративно не замечая Максима, ведет ее в другую сторону.

Максим. Роберт Анатольевич!

Иксанов. Так вот, дорогая моя, Лев Толстой довольно пренебрежительно отзывался о Чехове как драматурге, считая его прежде всего автором замечательных рассказов.

Максим. (забегая вперед и перегораживая Иксанову дорогу) Роберт Анатольевич, мне нужно срочно с вами поговорить!

Иксанов. (на замечая Максима, поворачивается вместе с Ирой в другую сторону) Антон Палыч относился к этой причуде великого старика снисходительно, учитывая то, что Толстой, к примеру, и Шекспира не жаловал.

Максим. Ира, нам нужно поговорить с Робертом Анатольевичем.

Ира. Роберт Анатольевич!

Иксанов. Впрочем, справедливости ради нужно заметить, что и сам Чехов не считал себя выдающимся драматургом. Так, пописывал комедии, водевильчики... и был неизменно изумлен, когда публика выходила с «Вишневого сада» в слезах.

Максим. (кричит) Иксанов, черт возьми!

Иксанов. (поворачивается) Максим? Что с вами? Вы сошли с ума? Распугаете нам всю публику. И так зал полупустой (показывает на зал).

Максим. Мне нужно немедленно с вами поговорить.

Иксанов. Мне через двадцать пять минут на сцену. Поговорим после спектакля.

Максим. После будет поздно. Ира, я вас умоляю. Пойдите куда-нибудь, займитесь чем-нибудь, порисуйте там, поиграйте во что-нибудь.

Ира пожимает плечами и уходит. Оказавшись за спиной Максима, показывает ему язык.

Иксанов. Что у вас произошло? Поссорились с любимой женщиной?

Максим. Пока нет, но боюсь, кончится именно этим.

Иксанов. Ну, не томите уже, рассказывайте.

Максим. Шурко напился в ресторане и устроил драку.

Иксанов. Восхитительно. Ничего другого я от него и не ждал.

Максим. Его забрали в милицию.

Иксанов. А вы что, думали ему дадут за это почетную грамоту?

Максим. Вы не представляете, что такое нынешняя милиция. Они обязательно сделают с ним что-нибудь плохое.

Иксанов. Очень на это надеюсь.

Максим. Да как вы не понимаете! Если об этом узнает Елена Петровна, она не сможет выйти на сцену.

Иксанов. А вы ей не говорите до конца спектакля.

Максим. Нельзя. Она уже несколько раз меня за ним послала. Если я его не верну, будет

истерика.

Из-за сцены голос Елены Петровны: Максим! Где Иван Иванович?

Максим. Видите. Только вы мне можете помочь.

Иксанов. Да чем же, черт вас подери! Если вам так нужен этот алкоголик, поезжайте и заберите его. Заплатите штраф, в конце концов. Или я должен подать его Елене на блюдечке с голубой каемочкой. Тогда спросите у нее, могу ли я воткнуть ему в зубы пучок петрушки.

Максим. Чтобы его отпустили, нужно заплатить две тысячи долларов.

Иксанов. Сколько?

Максим. Две тысячи.

Иксанов. Ничего себе штраф!

Максим. Это не штраф. Это взятка.

Иксанов. Где же я возьму такие деньги?

Максим. Не знаю. Займите у кого-нибудь. Вы же известный актер, у вас много знакомых. А я провинциал, кто мне даст столько денег? К тому же это очень, очень, очень срочно.

Иксанов. Я... но... нельзя же так...

Из-за сцены голос Елены Петровны: Максим! Идите скорее сюда!

Максим. Я побежал к ней. Попробую потянуть время. А вы найдите деньги. Спасите наш спектакль, я вас умоляю!

Иксанов. Гм. Где же я возьму столько денег? Разве попытаться ограбить банк? Или продать почку? (бормочет) Изобрести вечный двигатель... написать поэму о директоре автозавода... продать Курилы японцам...

Входит Анна.

Анна. Роберт, ты не видел Ивана Ивановича?

Иксанов. О, Анна, ты очень кстати! Ты можешь одолжить мне две тысячи долларов?

Анна. Это зачем же, интересно?

Иксанов. Нужно. Понимаешь, друг взял в прокате машину и попал на ней в аварию.

Анна. Ой, нет-нет-нет. Плохая история и придумана скверно. Давай ее пропустим, и сразу перейдем к делу. Итак, зачем деньги?

Иксанов. Хорошо. Иван Иванович напился пьян, устроил бойню в ресторане и попал в плен в милицию. Они требуют выкуп. Максим сказал, что его нужно освободить как можно скорее, потому что иначе Елена Петровна сорвет нам спектакль.

Анна. Она может. Что ж, значит, спектакль не состоится.

Иксанов. Анна, ты в своем уме? Тебе что, жаль денег?

Анна. Да, мне жаль денег. Если бы я платила за каждого пьяницу, который попадался на моем пути, я до сих пор жила бы на получку.

Иксанов. Но он же вернет тебе деньги сразу же, как только выйдет на свободу. Он же миллионер.

Анна. Никакой он не миллионер.

Иксанов. Как это не миллионер?

Анна. Очень просто. Он такой же актер, как и ты.

Иксанов. Как я?

Анна. И даже немножко лучше, чем ты. Во всяком случае, пьет он больше. Даже немного больше, чем требует его роль нефтяного короля.

Иксанов. Но... как?

Анна. Ты хочешь сказать – кто?

Иксанов. Ну... ага, кто? Кто его нанял?

Анна. Я.

Иксанов. Зачем? Чтобы меня подразнить?

Анна. При чем тут ты? Только и думаешь о себе. Это для Максима.

Иксанов. А он тут при чем?

Анна. Чтобы он не думал, что это я даю ему деньги на спектакль. Пусть думает, что деньги дает нефтяник, которого он так удачно уговорил спонсировать нашу постановку.

Иксанов. Ага. Ты хочешь, чтобы мальчик не чувствовал себя содержанкой?

Анна. Если угодно, да.

Иксанов. Елена Петровна и Ирина, разумеется, в курсе.

Анна. Разумеется.

Иксанов. Еще один заговор. Может быть и мне, чтобы не отрываться от коллектива, организовать свой маленький заговор? Например, выдать себя за гомосексуалиста и начать приставать к Максиму.

Анна. Зачем?

Иксанов. Чтобы он рассердился и выгнал меня из спектакля.

Анна. Будь осторожен. Современная молодежь придерживается довольно широких взглядов в плане секса.

Иксанов. Успокойся. Я не буду ни к кому приставать. Я уже вышел из того возраста, когда это может доставить удовольствие обеим сторонам. Значит, если Шурко – не муж Елены, значит, она не сорвет спектакль из-за его отлучки.

Анна. Думаю, нет.

Иксанов. А судьба собрата по ремеслу тебя не волнует?

Анна. никоим образом.

Иксанов. Анна, это не по-христиански.

Анна. Насколько мне известно, Христос не преуспел в бизнесе.

Иксанов. Похоже, я единственный, на кого может надеяться бедный узник. Анна, что, если я не буду препятствовать нашему разводу?

Анна. (подумав) Это достойное предложение. А ты не обманешь?

Иксанов. Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

Анна. Неоднократно.

Иксанов. Тебе придется рискнуть, поверив мне на слово.

Анна. Да, это большой риск. Хорошо, возьми деньги.

(достаёт бумажник, отсчитывает деньги, подает Иксанову)

Иксанов. Благодарю. Благословляю вас, дети мои. Плодитесь и размножайтесь.

Анна. Шут.

Разворачивается и уходит. Вбегает растрепанный Максим.

Максим. Все пропало. Вы куда не поехали? Никому не позвонили? Денег нет?

Иксанов. Успокойтесь, друг мой. Вот, заберите деньги и поезжайте скорее за Шурко. Я хочу с ним поговорить.

Максим. (берет деньги) Роберт Анатольевич, вам никогда не говорили, что вы – гений?

Иксанов. Говорили и неоднократно.

Максим убегает, входит Елена.

Елена. А где Максим? И где Иван Иванович? И где все?

Иксанов. Они скоро будут здесь. А зачем вам Иван Иванович?

Елена. Не ваше дело. Он мой муж, в конце концов!

Иксанов. Это мое дело. И он не твой муж!

Елена. Что вы себе позволяете?

Иксанов хватается за руку.

Иксанов. Думала, я тебя не узнаю? А я узнал.

Елена. (с ненавистью) Тем хуже для тебя.

Иксанов. А дочку зачем сюда притащила? Чтобы она могла на папочку напоследок полюбоваться? Смотри, дескать, от какого ничтожества я тебя зачала.

Елена. Попробовала бы я ее не взять! Эта тварь вся в тебя. Я боюсь к ней спиной поворачиваться. Того и гляди ткнет чем-нибудь или придушит ночью подушкой.

Иксанов. Нужно было воспитанием заниматься. Книжки правильные читать.

Елена. Книжки свои ты засунь знаешь куда?

Иксанов. Куда?

Елена. В библиотеку. Отпусти меня, козел!

Иксанов отпускает ее.

Елена. И только попробуй сорвать спектакль! Только попробуй!

Елена уходит. Иксанов нервно ходит взад и вперед.

Иксанов. Да уж. Похоже, дочка была права по поводу Елены. Она явно готовит мне сюрприз. Да и у Анны есть на меня зуб. Не верит она, что я не буду держаться за этот чертов штамп в паспорте.

Входят Максим и Шурко. Шурко немедленно лезет обниматься к Иксанову.

Шурко. Спаситель!

Иксанов. Да будет вам. Максим, сходите, успокойте Елену. А мне нужно сказать пару слов Ивану Ивановичу.

Максим. Конечно.

Иксанов. Вас же Иван Иванычем зовут? Или имя вы тоже поменяли?

Шурко. В каком смысле?

Иксанов. Сколько вам Аня заплатила?

Шурко. Так вы все знаете?

Иксанов. Да, я все знаю.

Шурко. Две тысячи долларов.

Иксанов. Аня изобрела новую величину – единица подростки. Эквивалентна двум тысячам долларов. Она вам переплатила. Я бы сыграл эту роль за полторы.

Шурко. (думает) Нет. Не сыграл бы.

Иксанов. Почему?

Шурко. Шибко умный.

Иксанов. А вы все еще в роли?

Шурко. Я ее на всякий случай не снимаю даже когда спать ложусь. Вдруг понадобится.

Иксанов. Это правильно. Все, я вас больше не задерживаю. Ступайте к супруге, а мне остается лишь порадоваться воссоединению семьи.

Шурко. Вот что. Я тебя предупредить хочу. Там Ирка чего-то против тебя замышляет.

Иксанов. Только ее не хватало! А ей-то я чем насолил?

Шурко. Это уж я не знаю. Вроде бы она не хочет, чтобы ейная мамаша опять с тобой сошлась.

Иксанов. Она может быть спокойна. Вероятность этого крайне мала.

Шурко. Ну уж это я не знаю, как, а только ты поостерегись. Девка боевая, как раз надевает глупостей.

Иксанов. Знаете, что, Шурко? А вы мне нравитесь. Не знаю, что у вас там внутри, а вот это – хороший образ. Такой цельный, законченный. Вот что я придумал. Давайте напьемся!

Шурко. Не, мне нельзя. Я только что из ментовки...

Иксанов. А что, без ментовки вы пить не можете? Давайте, доставайте вашу фляжку, глотнем грамм по двести и все, дальше – хоть трава не расти. Пусть наши женщины делают, что хотят.

Шурко. Тебе нельзя. У тебя же спектакль.

Иксанов. Черт с ним. Давай, где твоя фляжка?

Шурко. В милиции отняли.

Иксанов. Чтоб их разорвало! Ну что за народ? Ничего святого!

Шурко. Это точно. Ладно. Анатолич, ты не обижайся, а я побегу. Лена там, наверное, уже икру мечет из-за того, что я пропал. Давай, удачи тебе. Ни пуха.

(убегает)

Иксанов. К черту, к черту.

Входит Максим.

Максим. Роберт Анатольевич, у меня радость!

Иксанов. Нашли в вытрезвителе еще одного спонсора?

Максим. Да нет. Только – тсс! Это секрет! Анна Сергеевна согласилась наконец выйти за меня замуж!

Иксанов. (в сторону) Больной. (громко) я очень рад за вас!

Максим. Вы понимаете, я не очень афишировал наши отношения, потому что, ну, вы понимаете, у нас небольшая разница в возрасте.

Иксанов. Я бы сказал, большая.

Максим. Неважно. Я давно предлагал Анна Сергеевне руку и сердце, но она вся медлила, вероятно, не верила в мои чувства.

Иксанов. Я бы тоже не поверил.

Максим. И наконец – твердыня пала. Она сказала, что она разрушила препятствие, которое нас разделяет.

Иксанов. Пока еще не разрушила.

Максим. Вы о чем?

Иксанов. Не обращайтесь внимания, продолжайте щебетать, несчастный счастливец. Кстати, мы вообще здесь зачем все собрались? Нам не пора начинать спектакль?

Максим смотрит на часы, в ужасе кричит и убегает за сцену.

Иксанов. Уверю вас, эту премьеру публика запомнит надолго. Она обожает кровавые развязки. Нет, все-таки мне интересно, кто из них? Я ставлю на Елену. Как она: «тем хуже для тебя». Э, это характер! Огонь! Порох! А Анна уже губу раскатала – «я разрушила препятствие, которое нас разделяло». Но Ира? Вот так живешь, растишь детей, читаешь им книги, водишь в театр, надеешься, что они вырастут людьми, а они готовы выстрелить тебе в спину. А, что тут зря гадать. Надеюсь там, наверху (показывает вверх) мне расскажут, кто именно спустил курок.

Уходит со сцены. Музыка. На сцене становится темно. Вбегает Анна.

Анна. (кричит) Ступай в ад, животное!

Стреляет из пистолета.

Вспыхивает свет. На сцене стоит Анна с дымящимся пистолетом в руках, а перед ней лежит ничком Иксанов. Тишина, потом Анна роняет пистолет и закрывает лицо руками. Звук аплодисментов.

На сцену выходят Елена и Ирина. Они берут Анну за руки, выходят на авансцену и кланяются. Выбегает Максим и тоже кланяется. Они поворачиваются к Иксанову. Тот медленно поднимается и тоже кланяется вместе со всеми. Аплодисменты стихают.

Иксанов. (к женщинам) Как это понимать?

Максим. (обнимает Иксанова) Роберт Анатольевич, понимайте это как грандиозный успех! Вы слышали, как они аплодировали?

Иксанов поднимает пистолет.

Иксанов. Неужели осечка?

Приставляет пистолет к виску. Максим подбегает к нему и отнимает пистолет.

Максим. Похоже, у Роберта Анатольевича стрессовое состояние.

Иксанов. Головокружение от успехов. Дорогие женщины, кто-нибудь может мне объяснить, почему я жив? Почему пистолет был заряжен холостым патроном?

Анна. Потому что это театр, дорогой мой. Здесь все ненастоящее.

Ирина смотрит на Елену, кивает на Иксанова и крутит пальцем у виска.

Елена. Если бы в этой пьесе каждый раз заряжали пистолет по-настоящему, было бы очень сложно каждый раз находить нового актера на роль Михайлова.

Иксанов. Да, действительно, как я раньше-то об этом не подумал.
Вваливается Шурко.

Шурко. Анатолич! Ну ты сделал! Бог! Бог! Давай немедленно выпьем по этому поводу.
Достает фляжку.

Иксанов. Ее же в милиции отняли.

Шурко. А, брось. Отняли – не отняли. Это все условность. А настоящее – вот это! (показывает в зал) Они тебя обожают, Анатолич! Вздоргнем.

Наливает. Иксанов выпивает. Гремит гром. Гаснет свет. Остается лишь пятно света посреди сцены, где стоит Иксанов.

Иксанов. Как странно. Забыл, куда шел. Забыл, что хотел сказать. И кому.
Появляется Елена.

Елена. Может быть, мне?

Иксанов. Может быть, и тебе. Ты ведь теперь не оставишь меня в покое?

Елена. Теперь – нет.

Иксанов. Я же старик. Зачем я тебе нужен?

Елена. У меня ничего нет, кроме тебя.

Иксанов. У тебя есть прекрасная дочь.

Елена. Я ей уже давно не нужна. А ты без меня не сможешь.

Иксанов. Как-то мог целых двадцать лет.

Елена. Надеюсь, это были не лучшие твои годы.

Иксанов. Не лучшие.

Елена. Так не выбрасывай на помойку те, что у тебя остались.

Иксанов. Ну как же. Сейчас обо мне напишут все газеты, меня пригласят сниматься в кино, дадут вести какое-нибудь ток-шоу в прайм-тайм. Успех притягателен, не так ли? Почему ты уехала от меня тогда? Ведь я собирался развестись с Анной и жениться на тебе. Почему ты не сказала, что беременна?

Елена. Потому что хотела родить и вырастить этого ребенка. Анна знала о нашей связи и сказала, что убьет меня, если ты захочешь с ней развестись.

Иксанов. Так это все из-за Анны? Ты должна была мне все рассказать! Она бы и пальцем тебя не тронула!

Елена. Не только из-за Анны. Я хотела защитить от тебя Иру. Не хотела, чтобы она выросла такой, как ты.

Иксанов. Ну и как, получилось?

Елена. Нет.

Иксанов. Гены – великая вещь!

Елена. Так что ты решил?

Иксанов. (после паузы) Поехали домой. Я ужасно устал и хочу есть. Давай устроим роскошный домашний ужин.

Елена. Как насчет того, чтобы заказать готовую пиццу?

Иксанов. Ты угадываешь мои мысли.

Елена. Я научилась этому еще двадцать лет назад.

Иксанов обнимает Елену и они уходят.

Появляются Анна и Максим.

Максим. Все прошло как по маслу. Он ничего не заподозрил.

Анна. Мой мальчик, не думай об этом. Разве для тебя не важнее то, что произошло сегодня? Ведь это был твой успех!

Максим. Это был наш общий успех. А для меня главная удача сегодняшнего дня – то, что мы наконец можем быть вместе.

Анна. Ах, дорогой мой.

Максим. Любимая.

Обнимает ее и уводит со сцены.

Анна. Подожди. Ты ничего не забыл?

Максим. Поблагодарить спонсоров?

Анна. Нет!

Максим. Ой, извини.

Достает пачку денег и отдает Анне.

Максим. Все две тысячи. В целости и сохранности. У Роберта Анатольевича не возникло и тени сомнения в том, что наша милиция может потребовать такие деньги.

Анна. Это гонорар для Шурко.

Максим. Я догадался.

Уходят. Через некоторое время на сцене появляется Ира.

Ира. (шепотом) Ваня! Ванечка!

Появляется Шурко.

Шурко. Солнышко мое.

Обнимает Иру.

Шурко. Ты была прекрасна.

Ира. Не мели ерунды. Какая из меня актриса? Ты получил деньги?

Шурко. Пока нет.

Ира. Идиот! Почему?

Шурко. Не сердись. Я нигде не могу найти Анну Сергеевну.

Ира. У нас с тобой поезд через полтора часа. Иди, скорее найди ее.

Шурко. Сейчас. Ира!

Ира. Что!

Шурко. А ты уверена, что двух тысяч хватит на то, чтобы открыть бензоколонку?

Ира. Конечно, не хватит! Я копила деньги с двенадцати лет. Откладывала со школьных завтраков. Мне не хватало только двух тысяч на взятку в мэрии.

Шурко. Ира!

Ира. Что!

Шурко. А о чем ты все время шепчешься с Иксановым?

Ира. Тьфу ты! Ты что, ревнуешь?

Шурко. Ага. Он в последнее время вокруг тебя так и трется.

Ира. Неудивительно. Он только что узнал, что он мой отец.

Шурко. Да ты что! Ну, повезло тебе! Мировой мужик. А я ему наврал, что ты на него злишься.

Ира. Зачем?

Шурко. Чтобы он от тебя держался подальше.

Ира. Эх ты, простота. Ладно, беги за деньгами.

Шурко. Ира!

Ира. Ну что тебе!

Шурко. А ты меня любишь?

Ира. Люблю.

Шурко. И я тебя люблю. Все, пошел, пошел.

Уходит. Ира остается одна.

Ира. Да уж. Не так-то просто найти в Москве хорошего парня.

Занавес.

Бизнес-план

Действующие лица:

Михаил Голосов, мойщик окон

Антон Антонович, адвокат

Владимир Алексеевич Зарубин, директор автозавода

Дядя Вася, заместитель Зарубина по технике безопасности

Боря, бандит

Ира, бывшая жена Зарубина

Соня, ее дочь, 11 лет

Двое рабочих

Двое ОМОНовцев

Два зека

Николай Олегович Кустов, эксперт по исследованию чудесных явлений при РПЦ

Основано на реальных событиях

Действие 1

(1 картина)

Небольшой, но роскошно обставленный кабинет на последнем этаже высотного здания. Черный массивный стол, стоящий спиной к окну, шкаф с папками и книгами, дипломы на стенах. За столом в высоком кожаном кресле сидит Голосов. Он берет телефонную трубку.

ГОЛОСОВ. Юля, соедини меня с отделом сбыта. Так, парни, объясните мне, что у вас происходит? Ты видел отчет? Ах, ты его писал? Ну, и что это за фигня? Почему продажи падают? Нет, твои объяснения мне не нужны. Мне нужны деньги. Если ты не можешь их для меня заработать, я найду того, кто умеет. Сколько тебе нужно? Месяц? Передай-ка трубку своему заместителю. Да. Как твоя фамилия? С сегодняшнего дня ты – начальник отдела сбыта. (кричит) А он уволен! Всем работать! (Взмахивает трубкой, как самурайским мечом, с которого нужно стряхнуть капли крови) Вот так, парни.

Вздыхает, встает. Становится видно, что он одет в синюю спецовку. Аккуратно кладет трубку. Проводит рукой по спинке кресла.

ГОЛОСОВ. Мечты.

Наклоняется, берет стеклоочиститель и щетку и начинает мыть окно. Щетка движется сначала быстро, кругами, потом все медленнее и медленнее. Голосов смотрит за окно, в небо. Потом вниз. Кладет щетку на подоконник. Открывает окно, залезает на подоконник. Разбрасывает руки в стороны. Из-за окна дует ветер.

ГОЛОСОВ. И полететь.

Открывается дверь и входит Адвокат с портфелем в руках. Голосов в испуге хватается за раму. Адвокат проходит, не глядя на него, бросает на стол портфель. Голосов задевает ногой щетку, она падает на пол.

АДВОКАТ. Не обращайтесь на меня внимания, заканчивайте ваши дела.

Адвокат снимает пиджак и садится за стол. Голосов с ужасом смотрит на него, потом оборачивается и смотрит вниз из окна. Неловко, цепляясь за раму, как будто боясь сорваться, он снова разворачивается спиной к залу. Адвокат достает из портфеля бумаги и погружается в чтение. Время от времени он громко шуршит бумагами. Голосов наклоняется вперед, как будто уже решается прыгнуть, но в то же время изо всех сил держится рукой за раму. Рука неестественно выгибается назад.

ГОЛОСОВ. (кричит) Нет! Я не могу!

Адвокат вскакивает, роняя бумаги, и отбегает на несколько шагов от стола.

АДВОКАТ. Вы что кричите?

ГОЛОСОВ. (кричит) Я не могу, когда вы здесь сидите и шуршите!

АДВОКАТ. Не надо кричать. Вы могли бы просто сказать. Я бы подождал в коридоре. Сколько вам нужно времени? Десять минут хватит? Но постарайтесь все же управиться поскорее. У меня много работы.

Адвокат собирает со стола бумаги в портфель, берет пиджак и собирается выйти.

ГОЛОСОВ. Подождите. Не уходите. Не нужно. У меня не получится.

АДВОКАТ. В каком смысле?

Голосов садится на подоконник.

ГОЛОСОВ. Расхотелось. Пропало настроение.

АДВОКАТ. Ну, извините меня, это уже слишком! Какое еще нужно настроение, чтобы помыть окно?

ГОЛОСОВ. Какое окно? Вот это? Вам так дорого ваше окно?

АДВОКАТ. А что, с ним что-то не в порядке?

ГОЛОСОВ. Не в порядке? Я бы так не сказал.

Голосов слезает с подоконника, берет стул и швыряет в стекло. Стекло разбивается вдребезги. Адвокат закрывается от осколков портфелем.

ГОЛОСОВ. Вот теперь с вашим стеклом действительно кое-что не в порядке. Теперь это видно даже невооруженным глазом.

АДВОКАТ. Вы сумасшедший.

ГОЛОСОВ. Не угадали.

АДВОКАТ. Террорист? Нет, подождите. Вас наняли, чтобы меня запугать?

ГОЛОСОВ. (наступая на адвоката) Уважаемый компьютер, уберите два неверных ответа.

АДВОКАТ. Ага. Значит, вы все-таки сумасшедший.

ГОЛОСОВ. Вы мне помешали...

АДВОКАТ. Да, вы мыли окно... извините, я же не знал...

ГОЛОСОВ. (Кричит) Я не мыл ваше проклятое окно! Вообще-то я собирался из него выпрыгнуть.

АДВОКАТ. Там же высоко.

ГОЛОСОВ. Вот именно.

АДВОКАТ. Я понимаю.

ГОЛОСОВ. Наконец-то.

Пауза.

АДВОКАТ. И что теперь? Мне уйти, или...

ГОЛОСОВ. Не знаю. Надо подумать.

Пауза.

АДВОКАТ. Ну что, вы уже подумали?

ГОЛОСОВ. Пока нет.

АДВОКАТ. Мать вашу, думайте скорее! Мне нужно работать!

ГОЛОСОВ. А вы не кричите! Вы сами виноваты. Почему вы мне помешали?

АДВОКАТ. Я уже объяснял... о, черт! Да вы понимаете, сколько стоит это стекло?

ГОЛОСОВ. Понимаю. Я о стеклах много знаю. У вас было действительно хорошее стекло. На таком даже царапины затягиваются со временем. И я его хорошо вымыл, можете не сомневаться.

АДВОКАТ. Я и не сомневаюсь. Что же нам делать-то дальше? Мне кажется, нужно вызвать милицию и скорую помощь.

ГОЛОСОВ. Милицию – понятно. Чтобы меня повязать. А скорая помощь зачем? Кажется, пока никто не пострадал.

АДВОКАТ. Скорая помощь – для вас, психопат, несчастный, потому что сейчас я переломаю вам руки и ноги.

ГОЛОСОВ. Знаете, а ведь вы только что спасли мне жизнь.

АДВОКАТ. Это меня ни к чему не обязывает.

ГОЛОСОВ. Вам не интересно, почему я собирался это сделать?

АДВОКАТ. Абсолютно. Мне обычно платят деньги за то, что я выслушиваю рассказы о чужих проблемах. А вы мне пока что приносите только убытки.

ГОЛОСОВ. В таком случае позвольте мне закончить.

Подходит к окну.

АДВОКАТ. Да ради Бога. Счастливого пути.

ГОЛОСОВ. Кстати, вашим клиентам вряд ли понравится то, что из вашего окна ни с того ни с сего выпал человек.

АДВОКАТ. Мои клиенты и не такое видели, так что выпадайте поскорее.

ГОЛОСОВ. Возможно, вас заподозрят в убийстве.

АДВОКАТ. Так, я чувствую, мне проще выслушать вас, чем дожидаться, пока вы наконец выпадете.

ГОЛОСОВ. Замечательно. Садитесь сюда, пожалуйста. А я буду ходить из угла в угол, мне так будет легче сосредоточиться.

Адвокат садится.

ГОЛОСОВ. Я не буду утомлять вас подробностями моей биографии...

АДВОКАТ. Сделайте одолжение.

ГОЛОСОВ. Объясню лишь, почему я стал работать мойщиком окон. Дело в том, что я с детства мечтал стать летчиком.

АДВОКАТ. Конечно, кто бы сомневался! А еще вы мечтали убить отца и трахнуть мамочку.

ГОЛОСОВ. Я мечтал о высоте, о полете. Когда самолет сливается с телом, и ты начинаешь чувствовать, как облака ласково обнимают твои крылья.

АДВОКАТ. Вы не поступили в летную школу?

ГОЛОСОВ. Даже не пытался.

АДВОКАТ. Почему?

ГОЛОСОВ. Дело в том, что я только наяву люблю высоту. Каждую ночь мне снится один и тот же кошмар – я нахожусь на высоте и вот-вот упаду.

АДВОКАТ. В самолете?

ГОЛОСОВ. Иногда в самолете. Но не обязательно. Обстоятельства каждый раз разные. Иногда оказывается, что я залез на дерево и не могу слезть. Иногда я нахожусь на крыше высотного здания и вдруг обнаруживаю, что перекрытия под ногами сделаны из бумаги. Иногда я поднимаюсь по лестнице, а она рушится. Общее в этих снах одно – мой страх перед высотой.

АДВОКАТ. Любопытно. Вы боитесь высоты только во сне?

ГОЛОСОВ. Ну да. Если бы я боялся наяву, вряд ли я смог бы делать мою работу. На самом деле мои сны – это одна из двух причин, по которым я стал мыть окна. Мне хотелось понять, почему они мне снятся. Вот, смотрите.

Голосов подбегает к окну и вскакивает на подоконник. Выглядывает на улицу.

ГОЛОСОВ. Совершенно не страшно. И голова не кружится.

Голосов оступается и едва не падает. Адвокат хватается его за руку.

ГОЛОСОВ. Спасибо. У вас это неплохо получается.

Спрыгивает с окна.

АДВОКАТ. А вторая причина?

ГОЛОСОВ. Что?

АДВОКАТ. Вы сказали, две причины.

ГОЛОСОВ. Платят много.

АДВОКАТ. Действительно много? Больше, чем адвокатам?

ГОЛОСОВ. Не знаю. Нет, наверное, меньше.

АДВОКАТ. Вы любите деньги?

ГОЛОСОВ. Кто же их не любит. Но, к сожалению, одним они даются, другим нет. Вы знаете Зарубина?

АДВОКАТ. Директора автозавода? Ну да, знаю.

ГОЛОСОВ. Моя одноклассница, Ирка Неонова, вышла за него замуж, когда он был простым юристом на заводе. Через два года они развелись. Через три он стал директором. Сейчас он входит в список «Форбс», а она живет с дочкой в однокомнатной квартире на окраине города.

АДВОКАТ. У нее дочка от Зарубина?

ГОЛОСОВ. Ну да. И вот представьте себе ситуацию. Она была в одном шаге от огромного богатства. А сейчас не имеет вообще ничего.

АДВОКАТ. Вы с ней знакомы?

ГОЛОСОВ. С Ирккой? Я же сказал, она моя одноклассница.

АДВОКАТ. Нет, вы с ней общались после того, как закончили школу? Это она вам рассказала эту историю про Зарубина и съемную квартиру?

ГОЛОСОВ. Нет. В газете прочитал.

АДВОКАТ. В газете? Ничего себе! В этой вашей газете ничего не писали про то, почему бывшая жена Зарубина живет в квартире на окраине?

ГОЛОСОВ. Писали. Вроде бы, когда они разводились, она отсудила у него эту самую квартиру. У него остались лишь акции каких-то офшорных фирм, которые тогда ничего не стоили. Через год он вывел в эти офшоры все имущество завода и стал директором. Он же юрист, а юристы все жулики.

АДВОКАТ. Я бы вас попросил выражаться поаккуратнее.

ГОЛОСОВ. Извините.

АДВОКАТ. Впрочем, вы правы. Юристы все жулики. Выпьем.

ГОЛОСОВ. (недоуменно) Выпьем?

АДВОКАТ. Выпьем-выпьем.

Адвокат достает из стола бутылку и две рюмки. Разливает.

АДВОКАТ. Вас, кстати, как зовут?

ГОЛОСОВ. Михаил. Миша.

АДВОКАТ. А меня – Антон Антоныч. За знакомство.

Выпивают.

АДВОКАТ. Как она к вам относилась?

ГОЛОСОВ. Кто?

АДВОКАТ. Ирина.

ГОЛОСОВ. Не знаю. Нормально относилась. А, чуть не забыл, я же за ней ухаживал.

АДВОКАТ. Не может быть.

ГОЛОСОВ. Seriously.

АДВОКАТ. В третьем классе?

ГОЛОСОВ. Почему в третьем? В десятом.

АДВОКАТ. У вас был роман?

ГОЛОСОВ. Вряд ли это можно назвать романом. Мы только целовались.

АДВОКАТ. Этого вполне достаточно. Для десятого-то класса.

ГОЛОСОВ. Да ну, наши одноклассники в это время уже трахались вовсю.

АДВОКАТ. Вы знаете, очень удачно, что вы выбрали именно мой кабинет, чтобы свести счеты с жизнью.

ГОЛОСОВ. А мне, видимо, повезло, что вы вошли так вовремя.

АДВОКАТ. Вы даже не представляете, как вам на самом деле повезло.

ГОЛОСОВ. Я что-то не понимаю.

АДВОКАТ. Сейчас все объясню...

Распахивается дверь и входит Боря – бритоголовый парень в кожаной куртке.

БОРЯ. Квасите, суки!

АДВОКАТ. Боря, на, что за дела? Ты не видишь, у меня переговоры?

БОРЯ. Я тебе покажу, бля, переговоры. Ты чо, в натуре охренел? Конституция, бля!

АДВОКАТ. Боря, что за наезды? Я же тебе сказал – отдам в субботу. Сегодня что – суббота?

БОРЯ. Ты меня уже три месяца субботаами кормишь! Ты знаешь, сколько стоит аренда этого офиса? Я тебе и так его за полцены сдаю.

АДВОКАТ. А я тебе зато даю бесплатные юридические консультации.

БОРЯ. Да в этом городе юристов больше, чем людей. Мне только захотеть, тут очередь будет стоять на это помещение. А я уже хочу.

АДВОКАТ. Слушай, у меня сейчас есть очень интересная тема.

БОРЯ. Знаю я твои темы.

АДВОКАТ. Реальная тема, я тебе говорю.

БОРЯ. Что за тема?

АДВОКАТ. Боря, я за базар отвечаю. Бабки будут. Мне нужен этот офис.

БОРЯ. А мне нужны бабки! Или ты к субботе рассчитываешься, или в воскресенье утром я все твои манатки выкину в окно.

Боря замечает разбитое окно.

БОРЯ. Так, а это что за херня?

АДВОКАТ. Я куплю новое стекло.

БОРЯ. Я твою жопу вставлю сюда вместо стекла! Чтобы через час освободил кабинет.

Начинает срывать со стен дипломы и швырять их на пол.

АДВОКАТ. Боря, успокойся.

БОРЯ. Я тебя сам сейчас успокою, сука!

АДВОКАТ. Боря, хватит!

БОРЯ. Да пошел ты!

АДВОКАТ. Боря, хочешь участвовать в теме? Твои тридцать процентов.

БОРЯ. (мгновенно останавливается) Сорок. А что за тема?

Адвокат берет его под руку. Отводит в сторону и, время от времени кивая на Голосова, что-то ему рассказывает.

БОРЯ. Да, это реальная тема.

АДВОКАТ. Мы договорились?

БОРЯ. Базара нет.

Пожимают друг другу руки.

(2 картина)

Тот же кабинет, несколько часов спустя. На авансцене стоят Голосов и Адвокат. За столом в кресле сидит Боря. За его спиной двое рабочих вставляют новое стекло. Голосов выглядит довольно забавно. Сверху у него рубашка, галстук и пиджак, снизу – синие спецовочные брюки.

АДВОКАТ. Представь, что ты – адвокат. Преуспевающий, уверенный в себе.

ГОЛОСОВ. Такой, как ты?

АДВОКАТ. Дурак, я же сказал – преуспевающий.

Пауза.

АДВОКАТ. Да, такой как я. Что главное для адвоката?

ГОЛОСОВ. Законы знать?

АДВОКАТ. Ну, это само собой. И законы и, главное, дырки в законах. Но этому в институте учат. Если постараться, можно и мартышку заставить выучить все законы. Но адвокатом

мартышка никогда не станет. Потому что главное в нашей работе – уверенность в себе. Напор. Судьи – люди прожженные, они нас насквозь видят. Пытаться их убедить в том, во что они не верят – все равно, что убеждать стену. Вот, видишь эту стену?

ГОЛОСОВ. Вижу.

АДВОКАТ. Она уверена, что ты – верблюд.

ГОЛОСОВ. С чего вы взяли?

АДВОКАТ. А ты что – сам не видишь? Боря, подтверди.

БОРЯ. Подтверждаю.

АДВОКАТ. Теперь попробуй убедить эту стену в том, что ты не верблюд. Не забывай, она намертво уверена в том, что перед ней – огромный, пыльный, слюнявый корабль пустыни. Так что она тебя еще и слушать не будет. Ты должен заставить ее себя слушать. Давай, действуй.

Подталкивает Голосова к стене. Голосов неуверенно смотрит на стену, оборачивается на Адвоката. Тот кивает.

ГОЛОСОВ. Ну... стена. Я не верблюд... Я не похож на верблюда. Черт, мы, по-моему, ерундой занимаемся. Антон Антоныч!

АДВОКАТ. Что Антон Антоныч? Ничего не ерундой! Обычный тренинг. Это же простое упражнение. Для первокурсников.

ГОЛОСОВ. Нет, ну вы посмотрите. Это же стена! Как ее можно в чем-то убедить?

АДВОКАТ. Миша. Дело не в стене. Дело в тебе.

ГОЛОСОВ. А вы можете это сделать? Ну это, со стеной.

АДВОКАТ. Нет ничего проще. Смотри.

Адвокат отодвигает Голосова в сторону. Несколько секунд задумчиво смотрит на него.

АДВОКАТ. Уважаемся стена. Перед нами, безусловно, верблюд.

ГОЛОСОВ. Ну, ничего себе!

БОРЯ. Не ссы, он всегда так начинает.

АДВОКАТ. Я вовсе не собираюсь оспаривать сам факт того, что мой подзащитный – верблюд. Собранные следствием доказательства неопровержимо доказывают его принадлежность к этому биологическому виду. Однако что сделало его таким? Дурная наследственность? Отнюдь нет. Его папа и мама были нормальными людьми. Отец работал машинистом, мать – продавщицей в цветочном магазине.

ГОЛОСОВ. В книжном. Она работала в книжном магазине.

БОРЯ. Тихо, на, не мешай.

АДВОКАТ. Когда же он начал превращаться в верблюда? Может быть тогда, когда познакомился с дворовыми ребятами, верблюдами, как на подбор? Или может быть тогда, когда его в школе изнасиловал пожилой верблюд, который преподавал физкультуру? Или в институте, когда после студенческой вечеринки, на которой он позволял себе небрежные высказывания в адрес деканата и руководства страны, его пригласили для конфиденциального разговора в верблюжатник. Так ли это важно, когда именно это произошло? Да, это неважно. Это неважно в том случае, если нам нет дела до того, что уже завтра мы можем проснуться в стране, населенной верблюдами. Это неважно, если мы можем спокойно наблюдать за тем, как у наших детей отрастают уродливые горбы. Это неважно, если мы можем без боли в сердце отправить в зоопарк вот этого молодого человека, у которого, я уверен, под бурой шерстью скрывается ранимая душа маленького человеческого детеныша. (чуть слышно) Это неважно... простите меня, ваша честь. Смотрите, он плачет. Он раскаивается. (шепотом) Разве верблюды могут плакать?

Пауза. Потом один из рабочих, которые оставили в покое свое стекло и заслушались речью адвоката, всхлипывает. Адвокат мгновенно выходит из трансa.

АДВОКАТ. Ну, видел? Это же просто.

Боря аплодирует.

БОРЯ. Антоха, тебе надо по телевизору выступать. С концертами.

ГОЛОСОВ. Я так не смогу. Я даже себя не могу убедить в том, что я не верблюд.

АДВОКАТ. Это проблема.

БОРЯ. Слушай, а давай он бандитом будет!

АДВОКАТ. Боря, сейчас же не девяностые. Кого интересуют бандиты?

БОРЯ. Не скажи. Ты знаешь, что возвращается мода на красные пиджаки и спортивные брюки? Ретро, братан. Пацаны повзрослели, но молодость свою буйную не забыли. А женщинам всегда нравятся простые мужчины, без вылупонов.

АДВОКАТ. Ну, хорошо, давай попробуем.

Боря встает из-за стола. Адвокат садится на его место.

Боря снимает куртку и набрасывает ее на Голосова.

БОРЯ. Даними ты этот ублюдочный пиджак.

Голосов поспешно сбрасывает куртку, снимает пиджак, рубашку и галстук. Снова надевает куртку. Боря обходит вокруг него.

БОРЯ. Ну-ка сделай страшное лицо.

Голосов делает.

БОРЯ. А теперь ударь меня.

ГОЛОСОВ. Я не могу.

БОРЯ. Сука, ты что, не понял, бля. Я тебе что сказал? Ударь меня, падла! Ударь!

Голосов легонько бьет Борю по лицу, Боря мгновенно сбивает Голосова с ног чудовищным ударом в лицо. И несколько раз пинает его ногами. Адвокат выскакивает из-за стола и оттаскивает Борю в сторону.

АДВОКАТ. Ты что! Сдурел, козел! Ты, бля, понимаешь, что ты делаешь, урод?

БОРЯ. Извини, Антоха. Херовые у меня способности к педагогике. Я увлекаюсь очень.

Боря подходит к столу, поднимает Голосова, снимает с него свою куртку. Падает в кресло.

БОРЯ. Извини, братан. В натуре, извини. У меня ж на рефлексах все.

ГОЛОСОВ. Да... ничего.

БОРЯ. Ты прав, не получится из тебя бандит.

АДВОКАТ. Что же нам с ним делать? Какая женщина клюнет на мойщика окон? У тебя хоть к чему-нибудь есть способности? Может, ты стихи пишешь?

ГОЛОСОВ. Нет, не пишу.

АДВОКАТ. Или голос у тебя как у Карузо.

ГОЛОСОВ. (откашливается) Нет.

АДВОКАТ. Подожди. Ты же летчиком мечтал стать!

ГОЛОСОВ. Ну и что?

АДВОКАТ. Ты будешь военным летчиком. Боря, мы можем раздобыть форму военного летчика?

БОРЯ. Попробую. Есть тут выходы...

АДВОКАТ. Попробуй, Боря, попробуй. Миша, ну-ка, набрось пиджак.

Голосов надевает пиджак.

АДВОКАТ. Подожди.

Кидается к столу, отталкивает сидящего в кресле Борю так, что он ударяется о стену. Роемся в столе, с торжествующим воплем достает маленький значок с самолетиком. Прицепляет значок к лацкану, отодвигается назад, смотрит.

АДВОКАТ. (Боре) Ну как?

БОРЯ. Не знаю, братан.

АДВОКАТ. Ты прав. Надо по другому.

Снимает значок и цепляет его на внутреннюю сторону лацкана.

АДВОКАТ. Вот так. Незачем его всем показывать. Главное, чтобы ты знал, что он есть. Понял?

ГОЛОСОВ. Понял.

Голосов вытягивается по стойке смирно.

К адвокату подходят рабочие.

РАБОЧИЙ. Мы закончили.

АДВОКАТ. Да, спасибо, идите, ребята, не мешайте.

Рабочий видит вытянувшегося Голосова, тоже непроизвольно вытягивается и прикладывает руку к голове.

РАБОЧИЙ. Товарищ командир... ой, извините. Вы тоже в ВВС служили?

ГОЛОСОВ. Так точно. Истребительные войска противовоздушной обороны.

РАБОЧИЙ. А я при аэродроме, заправщиком.

ГОЛОСОВ. Так я тоже при аэродроме. Бухгалтером, бумажки перекладывал (подмигивает).

Рабочий понимающе смеется.

РАБОЧИЙ. Извините, товарищ командир. Разрешите идти?

ГОЛОСОВ. Кру-гом.

Рабочий разворачивается и марширует к двери. Второй идет следом за ним, оглядываясь на Голосова.

АДВОКАТ. (Боре) Ты видел?

Боря показывает большой палец.

(3 картина)

Кафе. За столиком сидят Ира Зарубина и Соня. Они только что посмотрели какое-то кино.

СОНЯ. Мама, а когда любовь, всегда потом оба умирают?

ИРА. Нет, не всегда. Иногда умирает только один.

СОНЯ. А второй?

ИРА. Второй остается жить и страдать.

СОНЯ. Что значит – страдать?

ИРА. Это значит – мучиться, скучать, плакать.

СОНЯ. Как ты?

ИРА. Как я.

СОНЯ. Но ведь папа не умер.

ИРА. Лучше бы он умер.

СОНЯ. Ты злая.

ИРА. Нет, я просто несчастная.

Соня видит, как за спиной Иры проходит Голосов в форме летчика с букетом в руках. Проходя мимо мусорной корзины, он бросает в нее букет. Затем садится за столик за спиной у Иры, лицом к ней.

СОНЯ. Почему вы, взрослые, вечно такие несчастные.

ИРА. Вырастешь – поймешь.

СОНЯ. А вот я буду счастливая. Я буду ветеринаром работать. Мужчин не буду любить, только животных. И еще котов. Вон, смотри, еще один несчастный.

ИРА. Перестань. Нельзя пристально разглядывать незнакомых людей.

СОНЯ. Почему? У него женщина не пришла на свидание.

ИРА. С чего ты взяла?

СОНЯ. У него были цветы, а потом он их выбросил в мусор.

ИРА. Может быть, ей просто букет не понравился.

СОНЯ. Нет, он легчик. Он прилетел с задания, а она вышла замуж за другого. За богатого, как в кино.

Ира наконец оборачивается.

ИРА. (вскрикивает) Миша!

Голосов поднимает голову и недоуменно смотрит на нее.

ИРА. Миша, ты что, меня не узнаешь? Неужели я так сильно изменилась?

ГОЛОСОВ. Ира?

ИРА. Извини, у тебя встреча...

ГОЛОСОВ. Нет. Встреча... отменилась.

ИРА. Иди к нам, расскажи, чем ты занимался. Мы же с тобой сколько лет не виделись? Лет десять?

ГОЛОСОВ. (неохотно) Не знаю. Много.

Пересаживается за их столик. Ира разглядывает его. Он смотрит в сторону.

ИРА. Пятнадцать лет! Ты все-таки стал легчиком! А мне кто-то говорил, что ты окна моешь в офисах.

ГОЛОСОВ. Это я так, между полетами, подрабатываю.

Ира и Голосов смеются. Голосов смотрит на Соню.

ГОЛОСОВ. Твоя красавица?

ИРА. Моя.

ГОЛОСОВ. Здравствуйте, леди. Меня зовут Михаил, я одноклассник вашей матушки.

СОНЯ. Скажите, у вас женщина не пришла на свидание?

ИРА. Соня!

ГОЛОСОВ. (усмехается) Ну да. Не пришла. Правда и я немного задержался. Вернее, меня задержали. А она тем временем замуж вышла за богатого. Как в кино.

СОНЯ. (кричит) Мама, вот видишь, я же тебе говорила!

ИРА. Соня!

ГОЛОСОВ. Красивая у тебя дочка. На тебя похожа.

ИРА. (поправляя волосы) А мне говорили, что больше на мужа. На бывшего мужа.

СОНЯ. Папа с мамой развелись.

ГОЛОСОВ. Извини.

ИРА. Ничего. Это уже давно случилось. И мы давно не общаемся.

СОНЯ. Но мама все равно несчастная.

ИРА. (неожиданно зло) Да замолчишь ты или нет!

Пауза.

ИРА. Миша. Ну и как тебе... нравится... летать?

ГОЛОСОВ. (не сразу) Нравится? Нет, это другое. Это... я не знаю... это как дышать. Мне сложно объяснить.

ИРА. Мне кажется, я понимаю.

ГОЛОСОВ. Работа на самом деле рутинная. Тренировки, карты, цифры, уравнения, физическая подготовка. Дежурства ночные, никому не нужные. В девяностые мы вообще почти не летали. За девяносто восьмой год у меня было двадцать часов налета. Можешь себе представить – двадцать часов в год?

ИРА. Это мало?

ГОЛОСОВ. Да это вообще ничего. Считаю, год просто на земле просидел. Сейчас, конечно, получше стало.

СОНЯ. А вы не боитесь высоты?

ГОЛОСОВ. Высота разная бывает. Когда на лестнице споткнешься и упадешь – это опасная высота. А когда под тобой десять тысяч и самолет вдруг сливается с телом, и ты начинаешь

чувствовать, как облака ласково обнимают твои крылья... (вздыхает) Тогда не страшно. Разве птица боится высоты? Самолет – та же птица.

ИРА. Счастливый ты человек, Мишка!

ГОЛОСОВ. Да, счастливый. Столько счастья привалило, что с удовольствием отсыпал бы кому-нибудь.

ИРА. Ты из-за нее расстроился? Которая не пришла?

ГОЛОСОВ. Да нет, в общем-то. Я даже рад. Пусть у них все будет хорошо.

ИРА. Миша, а давай сделаем так. Сейчас заскочим ко мне и оставим Соню няне. И потом погуляем где-нибудь. Ты мне еще что-нибудь расскажешь про самолеты. Я уже, кажется, сто лет с людьми не разговаривала. Отвыкла совсем. Ты не против?

СОНЯ. Я против! Мне тоже интересно про самолеты.

ИРА. Ребенок, молчать.

ГОЛОСОВ. Почему нет. Летчик в отпуске свободен, как птица в полете.

Встают, Ира открывает сумочку.

ГОЛОСОВ. Ира, не позорь офицера перед народом.

ИРА. Извини.

Закрывает сумочку. Голосов достает бумажник и оставляет на столе несколько купюр. Ира смотрит на деньги и качает головой в притворном ужасе. Все трое выходят.

(4 картина)

Кабинет Зарубина. Входят Зарубин и дядя Вася.

ДЯДЯ ВАСЯ. Что же вы, Владимир Алексеевич?

ЗАРУБИН. Дядя Вася, отстань.

ДЯДЯ ВАСЯ. Вы посмотрите, во что костюм превратился.

ЗАРУБИН. А ты видел, что этот придурок со станком сделал?

ДЯДЯ ВАСЯ. Да стоит так из-за одного мудака расстраиваться? У нас их там семь тысяч. Так что, из-за каждого расстраиваться? Сейчас схожу, уволю его.

ЗАРУБИН. Не надо, он и так в штаны наделал, когда я полез ему станок налаживать. Надолго будет помнить.

ДЯДЯ ВАСЯ. Надолго, надолго. И детям своим будет рассказывать, как сам Зарубин ему станок налаживал. Костюм придется выбрасывать.

ЗАРУБИН. Черт с ним, с костюмом.

ДЯДЯ ВАСЯ. Снимайте. Снимайте-снимайте. И рубашку тоже.

Зарубин снимает пиджак и рубашку. Дядя Вася достает из шкафа новый костюм, подает Зарубину. Старый костюм долго и аккуратно сворачивает, потом выбрасывает в мусорную корзину рядом со столом. Тем временем Зарубин уже надел костюм, вопросительно смотрит на дядю Васю.

ДЯДЯ ВАСЯ. Ой, извините, Владимир Алексеевич.

Подбегает к Зарубину и завязывает ему галстук.

ЗАРУБИН. Дядя Вася, тот галстук вроде бы поостроже был. Этот какой-то пестрый.

ДЯДЯ ВАСЯ. (заглядывает в мусорную корзину) Поздно. (смотрит на галстук) Да нет, хороший галстук. Модный.

ЗАРУБИН. Какие новости?

ДЯДЯ ВАСЯ. Люди в правительстве вроде бы согласились поднять пошлины на ввоз ино-марок. Но просят добавить.

ЗАРУБИН. Добавим. Что с дебиторкой?

ДЯДЯ ВАСЯ. Двадцать семь процентов.

ЗАРУБИН. Снизить до двадцати трех.

ДЯДЯ ВАСЯ. Снизим.

ЗАРУБИН. От Иры новостей нет?

ДЯДЯ ВАСЯ. Хороших нет.

ЗАРУБИН. Давай плохие.

ДЯДЯ ВАСЯ. Они хотят блокирующий пакет акций.

ЗАРУБИН. Так я и думал. Их только подпусти к заводу... ты выяснил, что за люди?

ДЯДЯ ВАСЯ. Кое-что выяснил. Главный у них адвокат.

ЗАРУБИН. Адвокат? Это кличка?

ДЯДЯ ВАСЯ. Нет, профессия. Он настоящий адвокат, из коллегии. Но я уже позвонил, его исключат из коллегии на первом же заседании.

ЗАРУБИН. Но не сам же этот адвокат действует? Кто-то за ним стоит? Из братвы или из конторы?

ДЯДЯ ВАСЯ. От братвы у них какой-то Боря Черный. Мелкая сошка.

ЗАРУБИН. Бугор что говорит?

ДЯДЯ ВАСЯ. Клянется, что не он ему эту тему дал. Говорит, молодые беспредельщики совсем от рук отбились.

ЗАРУБИН. Я не понимаю, зачем мы в общак отстегиваем, если они свою молодежь не могут в строгости держать?

ДЯДЯ ВАСЯ. И что делать? Не отстегивать? Я могу тормознуть платеж в конце месяца.

ЗАРУБИН. Не надо. От тюрьмы да от сумы, как говорится...

ДЯДЯ ВАСЯ. Еще у них какой-то третий есть. Темная фигура. То ли мойщик окон, то ли военный летчик. Говорят, именно он к Ирине подходы нашел.

ЗАРУБИН. Мойщик окон? Понятно. Значит, против меня действительно Контора играет. Плохо.

ДЯДЯ ВАСЯ. Плохо.

ЗАРУБИН. Ничего, дядя Вася, повоюем еще.

ДЯДЯ ВАСЯ. Повуюем, что ж не повоевать-то.

ЗАРУБИН. Помнишь, как в двухтысячном город налог на прибыль ввел?

ДЯДЯ ВАСЯ. Как не помнить. Я же сам потом зал заседаний городской думы от крови отмывал. (смеется) Журналисты прибежали, у них где-то в том же здании пресс-конференция была. Я им тоже тряпки в руки дал. Ничего, отмывали, никто и не узнал.

ЗАРУБИН. Знаешь, сами виноваты. Нужно смотреть, за что голосуешь.

ДЯДЯ ВАСЯ. Что из мэрии прислали, за то и проголосовали.

ЗАРУБИН. С мэром-то все понятно. Ему губернатор дал отмашку меня прошупать. Вот и прошупали.

ДЯДЯ ВАСЯ. Никто ж не умер. А что носы расквасили, да пару рук сломали – в следующий раз будут думать, за что эти руки поднимать.

ЗАРУБИН. В девяносто седьмом, помнишь?

ДЯДЯ ВАСЯ. Ох, бардак тогда был. Тогда в правительстве за «Северсталь» сцепились, а мы под раздачу попали.

ЗАРУБИН. С «Северсталью» все толково было придумано. Даже завидно. Это же надо было так придумать? Полгода не платить зарплату шахтерам, чтобы они сели на рельсы. И делай, что хочешь – или делись акциями, или сиди без угля.

ДЯДЯ ВАСЯ. Если бы шахтеры еще три дня просидели, «Северстали» пришлось бы домны тушить. Это тебе не печка – захотел – раздул, захотел – потушил. Домны остыли – и все, завод на металлолом. Так что расчет был правильный.

ЗАРУБИН. Они же не знали, что мы сталь ждем, а у нас заказ от министерства обороны.

ДЯДЯ ВАСЯ. Эх, было времечко. Помню, ночью привезли роту солдат и разогнали шахтеров без единого выстрела.

ЗАРУБИН. Так уж и без единого?

ДЯДЯ ВАСЯ. Что-то двоих или троих всего пристукнули. Только тех, кто в залупу полез. Да баба чья-то под БТР попала. Несчастный случай.

ЗАРУБИН. Опасная работа у шахтеров. А девяносто пятый помнишь?

ДЯДЯ ВАСЯ. Ой, вот это лучше даже не вспоминать, Владимир Алексеевич. И вообще, на надо меня ободрять. Я сам знаю, что отобьемся и на этот раз.

ЗАРУБИН. Сейчас, дядя Вася, немного другая ситуация. У них заложники.

ДЯДЯ ВАСЯ. Да, Ира.

ЗАРУБИН. И Соня. Нужно действовать осторожно. Но жестко. И быстро.

ДЯДЯ ВАСЯ. Только скажите, мы готовы.

ЗАРУБИН. И законно по возможности.

ДЯДЯ ВАСЯ. Вот это сложнее.

ЗАРУБИН. Сейчас не девяносто пятый, к сожалению.

ДЯДЯ ВАСЯ. Что же делать?

ЗАРУБИН. Пока торгуйся. Сколько они хотят? Блокирующий пакет? Предлагай семь процентов, соглашайся увеличить до девяти.

ДЯДЯ ВАСЯ. А если согласятся?

ЗАРУБИН. Тогда убей их всех. Значит, это мелкие жулики, которые случайно напали на серьезную тему. Если за ними стоят большие люди, им будет мало девяти процентов. Они хотят весь завод. А я тем временем попытаюсь подергать за ниточки наверху. Глядишь, и вытяну нужную.

ДЯДЯ ВАСЯ. Хорошо, Владимир Алексеевич, буду тянуть время.

Зарубин уходит.

ДЯДЯ ВАСЯ. Эх, жалко, что сейчас не девяносто пятый.

(5 картина)

Кафе. С разных сторон входят Дядя Вася и адвокат с портфелем в руках. Они встречаются ровно посередине сцены, смотрят друг на друга. Дядя Вася расплывается в улыбке.

ДЯДЯ ВАСЯ. Присядем.

Садятся.

ДЯДЯ ВАСЯ. Итак, давайте обсудим, что у нас происходит.

АДВОКАТ. Давайте обсудим.

Достаёт из портфеля бумаги, раскладывает их по столу.

АДВОКАТ. Моя клиентка, Ирина Сергеевна Зарубина, была замужем за вашим клиентом, Зарубиным Владимиром Алексеевичем. У них есть дочь, Зарубина София Владимировна, 11 лет. Порядок уплаты алиментов регулируется статьями 89—92 Семейного кодекса Российской Федерации. Согласно соответствующим статьям Семейного кодекса, ваш клиент должен выплачивать моей клиентке 25 процентов со всех своих доходов. Порядок определения задолженности по алиментам регулируется статьей 111 Семейного кодекса.

ДЯДЯ ВАСЯ. Согласно статье 111 Семейного кодекса Российской Федерации размер задолженности определяется судебным приставом-исполнителем, исходя из размера алиментов, определенного решением суда или соглашением об уплате алиментов. Как известно, между нашими клиентами существует нотариально заверенное соглашение об уплате алиментов, которое мой клиент соблюдает неукоснительно.

Адвокат откашливается.

АДВОКАТ. Семейный кодекс Российской Федерации. Статья 101, пункт 4. В случае существенного изменения материального или семейного положения сторон и при недостижении соглашения об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов заинтересованная сторона вправе обратиться в суд с иском об изменении или о расторжении этого соглашения. После чего суд может принять решение об обращении взыскания на имущество должника путем наложения ареста на имущество и его реализации

ДЯДЯ ВАСЯ. Ты действительно адвокат?

АДВОКАТ. Что, не похоже?

ДЯДЯ ВАСЯ. Похоже. А тебя разве не исключили из коллегии?

АДВОКАТ. (усмехается) Да, за неуплату взносов. Я получил уведомление.

ДЯДЯ ВАСЯ. Не боишься?

АДВОКАТ. Не боюсь. Все равно собирался завязать с практикой. Это мое последнее дело.

ДЯДЯ ВАСЯ. (со значением) Последнее, можешь не сомневаться.

АДВОКАТ. Может быть, мы поговорим не обо мне, а о деле?

ДЯДЯ ВАСЯ. Мы о деле и говорим. Что с девушками? Где они?

АДВОКАТ. С ними все в порядке. Они в надежном месте, под хорошей охраной. На случай, если вы захотите...

ДЯДЯ ВАСЯ. Мы не захотим. Слушай, я одного не пойму никак. Почему все газеты надрываются? Прямо захлеб пишут про бессердечного мужа-миллионера, который бросил жену с дочкой умирать с голодухи. Вам это зачем? Вы что, думаете, Владимир Алексеевич читает газеты?

АДВОКАТ. Все читают газеты.

ДЯДЯ ВАСЯ. Зарубин не читает, так что не старайтесь. Ладно, что вы хотите?

АДВОКАТ. Моя клиентка, в соответствии с Семейным кодексом, имеет право...

ДЯДЯ ВАСЯ. Говори по человечески. Сколько?

АДВОКАТ. Двадцать пять процентов полюс одна акция.

ДЯДЯ ВАСЯ. Как вы это себе представляете?

АДВОКАТ. Мы регистрируем фирму. И оформляем передачу акций. Блокирующий пакет дает нам право на двух представителей в совете директоров. Один из них должен быть назначен первым заместителем генерального директора.

ДЯДЯ ВАСЯ. Ты не понял. Как ты это себе представляешь? То, что Зарубин отдаст тебе завод, который он построил собственными руками.

АДВОКАТ. Он его не строил. Он его украл во время грабительской приватизации.

ДЯДЯ ВАСЯ. Грабь награбленное...

АДВОКАТ. Напрасно иронизируете. Между прочим, даже если не брать во внимание требования закона, даже просто по справедливости, Зарубин должен поделиться.

ДЯДЯ ВАСЯ. С тобой, что ли?

АДВОКАТ. Почему со мной. Со своей бывшей женой. И со своим ребенком.

ДЯДЯ ВАСЯ. Что-то я здесь не вижу ни жены, ни ребенка.

АДВОКАТ. Я же сказал – они в надежном месте.

ДЯДЯ ВАСЯ. Хорошо, допустим, Владимир Алексеевич не чужд справедливости. Он готов передать часть акций.

АДВОКАТ. А. (откашливается) Хорошо.

ДЯДЯ ВАСЯ. Разумеется, при условии, что они действительно будут переданы Ирине, а не каким-то «Рогам и копытам».

АДВОКАТ. У нас все прозрачно. Ирина Сергеевна будет иметь долю в фирме, которую мы учредим.

ДЯДЯ ВАСЯ. Семь процентов.

Пауза.

АДВОКАТ. Мы же просили двадцать пять.

ДЯДЯ ВАСЯ. И одну акцию. Я услышал. А мы можем дать семь.

АДВОКАТ. Это мало.

ДЯДЯ ВАСЯ. Сколько есть.

АДВОКАТ. Но ведь...

ДЯДЯ ВАСЯ. А ты походи по рынку, поторгуйся. Может, кто-то другой даст больше.

Адвокат молча собирает бумаги, встает, медленно идет к выходу. Дядя Вася встает, достает пистолет и целится адвокату в спину. Тот останавливается. Потом разворачивается и возвращается к дяде Васе. Тот целится из пистолета прямо ему в лицо.

АДВОКАТ. Не договорились.

ДЯДЯ ВАСЯ. Ты что, слепой?

АДВОКАТ. Мы не договорились. Двадцать пять процентов плюс одна акция. Блокирующий пакет. У вас три дня на размышления, после чего мы передаем дело в суд. Будьте готовы к тому, что сразу после этого счета завода будут арестованы.

Дядя Вася убирает пистолет.

ДЯДЯ ВАСЯ. Вот, значит, как.

АДВОКАТ. Ну, где-то так.

ДЯДЯ ВАСЯ. Трех дней мало. Нужна неделя.

АДВОКАТ. Три дня.

ДЯДЯ ВАСЯ. Владимир Алексеевич может увидеться с Ириной?

АДВОКАТ. Это лишнее.

ДЯДЯ ВАСЯ. В таком случае в суде мы сможем потребовать отложить слушания на три месяца для разработки условий мирового соглашения. У нас время есть. А у вас?

Пауза.

АДВОКАТ. Хорошо. Я организую встречу Зарубина с Ириной.

Разворачивается и уходит.

(6 картина)

Кафе. За столиком сидят Ирина и Адвокат.

АДВОКАТ. Не волнуйтесь. Если хотите, можете вообще ничего не говорить, я все скажу за вас.

ИРИНА. Я не волнуюсь.

В кафе вбегают Голосов и Соня.

АДВОКАТ. Вы что здесь делаете? С ума сошли? Он же сейчас будет здесь.

ГОЛОСОВ. Да я ничего, это она.

СОНЯ. Это я его попросила. Мама, помирись с папой.

ИРИНА. Помиримся, дочка, помиримся.

СОНЯ. Пообещай.

ИРИНА. Обещаю.

СОНЯ. Что у тебя есть самое дорогое? Самое ценное.

ИРИНА. Ты у меня самое ценное.

СОНЯ. Поклянись мной.

ИРИНА. Я же тебе пообещала. Взрослые не обманывают.

СОНЯ. Как раз взрослые-то и обманывают. Поклянись мной, что помиришься с папой, или я никуда не уйду.

АДВОКАТ. Миша, убери ее.

ГОЛОСОВ. Соня, пойдем.

Пытается взять ее за руку.

СОНЯ. Я буду кричать.

ИРИНА. Хорошо. Я клянусь.

Соня подбегает к матери, обнимает ее и целует. Потом берет Голосова за руку и уводит.

Ирина сидит не поднимая головы, а адвокат смотрит в окно.

АДВОКАТ. Ушли.

ИРИНА. Какая же я дура, что с вами связалась.

АДВОКАТ. Теперь уже поздно.

Звук подъезжающей машины.

АДВОКАТ. Вот и он.

ИРИНА. Я все ему скажу.

АДВОКАТ. Вряд ли.

Достаёт пистолет, стреляет Ирине в сердце. Кладет пистолет на стол и выходит. С другой стороны появляется Зарубин.

ЗАРУБИН. Ирина?

Он подбегает к Ирине, уткнувшись лицом в стол, хватает ее, разворачивает. Видит пистолет. Берет его в руки.

ЗАРУБИН. Убью.

Звуки сирены. Вбегают двое омоновцев в масках.

ЗАРУБИН. Убью.

ОМОНОВЦЫ. (орут) Оружие на пол! Руки за голову! Лицом к стене! Лежать! Оружие на пол!

ЗАРУБИН. Убью.

(7 картина)

Кабинет адвоката, ныне генерального директора автозавода. Входят Боря и адвокат.

АДВОКАТ. Что там с повышением пошлин на иномарки?

БОРЯ. Опять бабок хотят, суки!

АДВОКАТ. Хотят – дай. С ними ссориться опасно. Какая у нас дебиторка?

БОРЯ. Двадцать пять.

АДВОКАТ. Снизить до двадцати.

БОРЯ. Жестко.

АДВОКАТ. Не хрен.

БОРЯ. Слушай, у нас сегодня ЧП в сборочном цехе.

АДВОКАТ. Какое еще ЧП?

БОРЯ. Да станок один заклинило. Он теперь восстановлению не подлежит. Придется новый покупать.

АДВОКАТ. Почему заклинило? Кто нам станки делает? Он на гарантии?

БОРЯ. Они не виноваты.

АДВОКАТ. А кто виноват?

БОРЯ. Наш оператор. Херово станок настроил.

АДВОКАТ. Боря, блядь, это что, мой вопрос? Правительство – это мой вопрос. Дебиторка – мой. А сломанные станки чинить – не моя забота.

БОРЯ. Его не починишь. Новый придется покупать.

АДВОКАТ. Так покупай. А деньги возьми у этого мудака, который его сломал.

БОРЯ. Откуда у него такие деньги?

АДВОКАТ. У него квартира есть? Пусть продает. Боря, мне тебя учить? Мы что, благотворительная организация? Хватит с нас того, что мы оплачиваем обучение этой малолетней зарубинской сучки в лучшем английском колледже. Это первый и последний наш благотворительный проект. Понял?

БОРЯ. Понял.

АДВОКАТ. Кстати, где опекун?

БОРЯ. На аэродроме, где же еще. Готовится к первому полету.

АДВОКАТ. (сквозь зубы) Чем бы дитя не тешилось. (внезапно развеселившись) Вот видишь, Боря, сбываются мечты у людей. Хотел человек летать – и полетит. Я хотел разбогатеть и разбогател. А ты, Боря, чего хотел от жизни?

БОРЯ. А черт его знает.

АДВОКАТ. То-то и оно, что черт не знает. Если ты сам не знаешь, откуда он-то узнает? А знал бы – дал бы тебе полной мерой.

БОРЯ. Ну ты... я православный.

АДВОКАТ. Давно?

БОРЯ. Плохой ты человек, Антон Антоныч.

АДВОКАТ. Кому как. Тебе плохой, а вот Мишке нашему не плохой. Осуществил, можно сказать, мечту. Отправил человека в полет. Подожди. Давай-ка мы его проинтервьюируем о первых впечатлениях.

Берет телефон.

АДВОКАТ. Юля. Можешь меня с Мишей соединить? Да, я знаю, что на аэродроме. Уже в самолете? Но связь-то с ним есть? (повышает голос) Вот и соедини.

Переключает на громкую связь и кладет трубку. Шум помех.

ГОЛОСОВ. «Первый», я «третий», высота восемьсот, прием.

АДВОКАТ. Мишенька, это я. Как у тебя там дела?

ГОЛОСОВ. Антон Антоныч?

АДВОКАТ. Собственной персоной. Ты уже летишь?

ГОЛОСОВ. Лечу.

АДВОКАТ. Ну как тебе? Нравится?

ГОЛОСОВ. Ничего особенного.

АДВОКАТ. Миша, подожди! А как же облака, которые нежно обнимают твои крылья.

ГОЛОСОВ. Посмотри в окно. Нет сегодня облаков.

Адвокат подходит к окну.

АДВОКАТ. Ой, и точно, нет. Миша! Я тебя вижу! Это ты летишь?

ГОЛОСОВ. Я.

АДВОКАТ. Ты что, над нами хочешь пролететь?

ГОЛОСОВ. Над вами. Конец связи.

Адвокат и Боря смотрят в окно.

АДВОКАТ. Ты смотри, что вытворяет.

Приближается звук двигателей самолета.

АДВОКАТ. Прямо на нас идет.

БОРЯ. Прямо на нас.

Адвокат смотрит на Борю, потом на окно, потом на выход.

БОРЯ. Не успеем.

АДВОКАТ. Я попытаюсь.

Бежит к двери. Рев становится оглушительным. На мгновение окно перекрывает огромная тень самолета, потом слышен взрыв. Адвокат останавливается у двери.

Тишина.

Адвокат возвращается к окну.

АДВОКАТ. Он промахнулся. Смотри, в поле упал. Вот горе-летчик. Даже напоследок облажался.

БОРЯ. Я так не думаю.

Занавес

2 действие

(1 картина)

Обшарпанная квартира. Дядя Вася стоит спиной к залу.

ДЯДЯ ВАСЯ. Да. Восемь месяцев прошло. А я тут начал сам с собой разговаривать. Надо, наверное, как Робинзону, завести какое-нибудь животное. Или женщину. (поворачивается) Женщины здесь красивые. Но, как в Сицилии – или с мужем, или с братом. А братья такие, что... в принципе, здесь Сицилия и есть. Тот же остров, только вместо моря – лес.

И люди такие же, как на Сицилии. Такое же дурные. Хотя я же не был на Сицилии, откуда я знаю, какие там люди. Может, еще дурнее наших.

Нет, я многое повидал, слава Богу, можно было бы и поменьше. И люди меня уже давно не интересовали. Да и времени на людей не было. А сейчас времени много. Я его сначала убивать пробовал. Телевизор купил. Стал кино смотреть. Даже не кино, телесериалы. Сначала блевать тянуло, потом втянулся, даже разбираться стал – кто за кого и кто кому любовь. Потом опять блевать потянуло и уже навсегда. Я его выключил и с тех пор не трогаю. Книжки читать... тоже скучно. Что они понимают, эти писатели? А времени меньше не становится. Восемь лет дали Владимиру Алексеевичу. Столько и книжек нет, чтобы восемь лет читать. (с воодушевлением) Я было запил. Но нет, здоровье не то. Вот, хожу, с людьми разговариваю. А когда не с кем разговаривать, то сам с собой. Такие истории интересные рассказывают. Я их потом сам себе пересказываю, чтобы не забыть. Познакомился недавно с врачом. Хирург. Мужу под семьдесят, он до сих пор оперирует. Ему говорят – иди на пенсию, а он им – хуй вам, вы меня отсюда только вперед ногами вынесете. Типа Амосова, только квасит, курит как паровоз и медсестер трахает. Руки, как пассатижи. Стальные. Привезли к ним однажды клиента. Мужик, немолодой уже, живет один, работает в кочегарке. Говорит – голова болит. Хирург ему голову повернул к свету, а там – два гвоздя вбито. По самую шляпку. Естественно, кочегара сразу на операционный стол. А любопытно же, кто ему гвозди вколотил. Хирург гвозди вытащил и давай допрашивать, пока он не отключился. Кто да как.

Оказывается, две недели назад у кочегара заболела голова. Он пришел в больницу, ему дали таблетку цитрамона и отпустили с миром. Он цитрамон съел – не помогает. Наоборот, еще сильнее заболело. Тогда он взял молоток и заколотил себе в башку 50-миллиметровый гвоздь. Самое интересное, после этого боль немного утихла. Видимо, снизилось внутричерепное давление. Две недели этот умелец ходил с гвоздем в голове. Потом она у него снова заболела. Он уже рецепт знал, взял молоток и таким же макаром рядышком вколотил еще один гвоздик. В общем, к вечеру он помер. Кстати, гвоздики эти мне хирург показывал. Маленькие такие, черные. Один кривой.

Мне, главное, непонятно, отчего эти люди с ума сходят! Свежий воздух, здоровая пища. Физический труд. Кстати, вроде бы в городе живем, а отопление у меня печное и за дровами надо самому ездить. То есть так, чтобы заплатить и чтобы все привезли – тут такого нет, хотя заплатить, конечно, все равно придется. Вообще, тут лес – бизнес номер один, круче чем нефть. Даже у мэра есть своя небольшая артель. Человек шесть чиновников из мэрии вооружаются топорами, пилами и валят лес в свое удовольствие. Правда, не на дрова. У них бизнес элитный, делают срубы и отправляют в Москву. Поскольку мэр – у них лучшие делянки и ментам не надо отстегивать. Ну, это ладно, отдельная тема. В общем, взял я машину в леспромхозе и поехал в первый раз в жизни за дровами. По дороге свернул куда-то не туда и заблудился. Темнеет, вижу – деревня. Дай, думаю, заеду, спрошу дорогу. Вижу, три дома. Дым идет, свет горит. Постучался в один дом – не открывают. В другой – выходит бородатый мужик. Так, говорю и так, заблудился, объясни дорогу. Он в затылке чешет. Не знает! Попросился к нему в дом погреться. Он ни в какую. А мне любопытно стало. Почему, говорю, ты что, не русский? Он обиделся. В общем, оказывается, он дома корову держит. На весь дом навозом воняет. А что, говорит – тепло от нее, топить не надо. Вообще интересный мужик оказался. Я его потом разговорил все-таки. В деревне он прожил всю жизнь и ни разу дальше речки не бывал. Даже в школе не учился. Я говорю как же так, ведь у нас в стране обязательное начальное образование. А он – у меня зрение слабое было, вот и не пошел в школу. Даже читать не научился. Но при этом он изобретатель. Изобрел вертолет. Он мне его показал под большим секретом. Отвел в сарай и показал. Ну, действительно похоже на вертолет. Деревянная коробка, хвост, лопасти из горбыля. Красная звезда сбоку намалевана. Спрашиваю – пробовал взлететь? Пока нет, говорит. Боюсь, начальство узнает, отправит на этом вертолете в Чечню воевать.

Я потом, уже когда уезжать собрался, у него спрашиваю, а что мне не открыли в том, первом доме. Он рассказал. В деревне живет три человека. Вертолетчик мой, еще один пенсионер, и баба, я даже запомнил, как ее звали, Марья Кораблева. Так вот, мужики между собой еще кое-как ладят, а с бабой у них война на полное уничтожение. Причем сам вертолетчик не помнил, из-за чего все началось.

Вот что за люди! Весь мирок – три дома. А они и там устроили мировую войну. И никакой Чечни не нужно.

Хотя нет, и здесь есть нормальные. Бродил как-то по городу, зашел в местный музей. Всех экспонатов – письмо декабриста, который проезжал через город в ссылку. Пять строк про то, что весь город – «несколько изб, в которых живут несчастные мужички, замученные водкой и несчастные женщины, замученные своими мужичками». Такие экспонаты прятать надо, а они держат на почетном месте под стеклом. А на остальных полках – поделки из бересты, которые собственными руками сделала заведующая музеем. Заведующая – самое интересно, что есть в этом музее. Девушка лет тридцати. Катя. Маленькая, черненькая, глазки умненькие. Детей нет, вместо ребенка – муж. Не работает, не пьет, ее не трахает, в общем, типичная такая история. У меня первая мысль была с ней замутить что-нибудь такое. Потом думаю – зачем? Она это примет как должное, но мужа все равно не бросит. Он ей все простит и так и будут до конца дней своих жить, несчастные и благородные. Но я к ней все равно захожу иногда... Каждый день. Даю ей уроки английского языка. Что сам еще не забыл. «Зей сей ноледж ис итселф э пауэр. Зус, зе мо едьюкейтед пипол а, зе мо паверфул соушети ис». А она мне сказки рассказывает. Про медведя, который попал в капкан, приделал себе липовую ногу и потом мужика съел. В общем, сам сюжет не помню, помню, что триллер какой-то. Мужик с бабой дома сидел, а медведь пришел и липовой ногой в дверь постучал.

Стук в дверь.

ДЯДЯ ВАСЯ. Вот и ко мне мой медведь пришел.

(2 картина)

Дядя Вася открывает дверь. За нею стоит немолодой человек с чемоданчиком. Это Кустов.

КУСТОВ. Здравствуйте. Вы Шаров Василий Сергеевич?

ДЯДЯ ВАСЯ. Да.

КУСТОВ. Очень приятно. А я Кустов Николай Олегович. Можно просто Николай.

ДЯДЯ ВАСЯ. Тогда меня можно просто дядя Вася.

КУСТОВ. Вот и славно. Я из экспертного совета по исследованию чудесных явлений при Российской Православной церкви.

ДЯДЯ ВАСЯ. Не может быть! (Пожимает ему руку) Вы мне поверили?

КУСТОВ. Нет.

ДЯДЯ ВАСЯ. Нет? А зачем приехали?

КУСТОВ. Мы обязаны проверить все сигналы. Вы же прислали нам письмо?

ДЯДЯ ВАСЯ. Да, прислал. Но я не думал, если честно, что вы так серьезно к этому относитесь.

КУСТОВ. Российская православная церковь – серьезная организация. Вы позволите?..

ДЯДЯ ВАСЯ. Да, извините. У меня гостей давно не было. Никогда, точнее. Я сейчас Чайку сварганим.

КУСТОВ. Чайку – это можно.

Снимает пальто, садится за стол. Чемодан держит возле себя. Дядя Вася возится с чайником.

ДЯДЯ ВАСЯ. А может чего посерьезнее чайку? С мороза...

КУСТОВ. Позже. Сначала нужно соблюсти формальности.

Открывает чемодан. Достает блокнот.

КУСТОВ. Фамилия, имя, отчество.

ДЯДЯ ВАСЯ. Шаров Василий Сергеевич.

КУСТОВ. Место жительства.

ДЯДЯ ВАСЯ. Город Хайлов, Вологодская область.

КУСТОВ. Чем занимаетесь?

ДЯДЯ ВАСЯ. Жду.

КУСТОВ. Работаете где?

ДЯДЯ ВАСЯ. Я не работаю. Я жду, пока директор из тюрьмы освободится. Вы про жен декабристов слышали? Вот я и есть жена декабриста.

КУСТОВ. Понятно. (пишет) Безработный.

ДЯДЯ ВАСЯ. Пишите, как хотите.

КУСТОВ. А директор – это и есть Зарубин?

ДЯДЯ ВАСЯ. Да.

Дядя Вася подает чай. Кустов берет его не глядя, отпивает, обжигается.

КУСТОВ. Ух, кипяток.

ДЯДЯ ВАСЯ. А вы как думали?

КУСТОВ. Ладно, а теперь рассказывайте по порядку про икону. Я буду задавать вопросы, если надо будет уточнить.

ДЯДЯ ВАСЯ. По порядку – это с суда?

КУСТОВ. Если можно, даже раньше. За что его посадили?

ДЯДЯ ВАСЯ. За убийство.

КУСТОВ. Понятно. (записывает)

ДЯДЯ ВАСЯ. Только он не убивал.

КУСТОВ. Понятно.

ДЯДЯ ВАСЯ. Нет, вы и это запишите. Я точно знаю, что не убивал.

КУСТОВ. Хорошо. (записывает) Не убивал.

ДЯДЯ ВАСЯ. Вы издеваетесь?

КУСТОВ. Нет. У вас есть доказательства, что он невиновен?

ДЯДЯ ВАСЯ. Нет. Доказательств нет. Хотя я знаю, кто убил и почему. Но это неважно. Важно то, что убили его жену... бывшую, и что человек сидит в тюрьме невинно. Просто поверьте мне.

КУСТОВ. Извините. У меня работа такая – ничему не верить.

ДЯДЯ ВАСЯ. Может, вы и в бога не верите?

КУСТОВ. Не верю.

ДЯДЯ ВАСЯ. Как? Вы же это... в церкви работаете.

КУСТОВ. Потому и работаю, что не верю. Верующий мог бы принять на веру что-то, что он не видел своими глазами. А я – нет.

ДЯДЯ ВАСЯ. Скажите и давно вы... работаете?

КУСТОВ. Четырнадцать лет.

ДЯДЯ ВАСЯ. И все это время ищите чудеса?

КУСТОВ. Ищу.

ДЯДЯ ВАСЯ. И... нашли что-нибудь?

КУСТОВ. Пока нет.

ДЯДЯ ВАСЯ. То есть чудес не бывает?

КУСТОВ. Я пока не видел. Каждый раз находилось какое-нибудь материалистическое объяснение.

ДЯДЯ ВАСЯ. Какие, например?

КУСТОВ. В большинстве случаев – вмешательство людей.

ДЯДЯ ВАСЯ. Наебка?

КУСТОВ. Я предпочитаю термин «сознательное введение в заблуждение, вызванное религиозным фанатизмом». Давайте вернемся к делу. Я хотел бы закончить сегодня и завтра уехать на утреннем поезде.

ДЯДЯ ВАСЯ. То есть вы уже заранее настроены, что здесь очередная наеб... введение в заблуждение?

КУСТОВ. Я такого не говорил.

ДЯДЯ ВАСЯ. Зато подумали.

КУСТОВ. Вам не кажется, что я могу думать, что захочу?

Пауза.

ДЯДЯ ВАСЯ. Давайте я про икону расскажу.

КУСТОВ. Да, пожалуйста.

ДЯДЯ ВАСЯ. Когда Владимир Алексеевич попал в тюрьму, он как будто сломался.

КУСТОВ. Такое бывает.

ДЯДЯ ВАСЯ. Вы не подумайте, он сильный мужик. Но когда у человека убивают жену, хотя и бывшую, отнимают дочь, отнимают дело, которому он отдал жизнь, и прячут за решетку, то это, скажем так, немного слишком.

КУСТОВ. (записывает) Отнимают дочь.

ДЯДЯ ВАСЯ. Конечно, бывает и хуже. Вон, вашего вообще на кресте распяли. Но бог каждому дает ровно столько, сколько он может вынести.

КУСТОВ. Владимир Алексеевич уверовал только в тюрьме?

ДЯДЯ ВАСЯ. Да я вообще сомневаюсь, что он уверовал. Он же не говорит, что у него там на душе, все в себе держит.

КУСТОВ. А икона у него как появилась?

ДЯДЯ ВАСЯ. Я принес. Это даже не совсем икона. Вот, посмотрите. Я ее из какого-то журнала вырезал.

Дядя Вася достает икону и подает Кустову.

КУСТОВ. О, знакомые все лица.

ДЯДЯ ВАСЯ.. Вы знаете эту икону?

КУСТОВ. Разумеется. Владимирская богоматерь. А вы не пробовали вот здесь прочитать, на обороте? «Святыню в Россию из Константинополя в начале XII-го века князь Юрий Долгорукий, поставивший образ в Вышгородский монастырь близ Киева. В 1155 году князь Андрей Боголюбский перевез ее из Киева во Владимир, откуда и пошло название иконы. В конце XIV-го века чудотворный образ был перевезен в Москву».

Кладет икону на стол.

КУСТОВ. Между прочим, именно перед этой иконой молился патриарх в 1993 году, чтобы избежать кровопролития.

ДЯДЯ ВАСЯ. Не очень-то это помогло.

КУСТОВ. Не отвлекайтесь. Вы принесли ему икону...

ДЯДЯ ВАСЯ. А через неделю он попросил ее забрать обратно. Она, говорит, смотрит на меня и плачет.

КУСТОВ. Плачет, говорите?

Снова берет икону.

ДЯДЯ ВАСЯ. Я ее забрал, а она плакать не перестала. Так и плачет каждую ночь. Каждое утро я ей слезы утираю. Я и решил, что это ведь чудо, наверное. А раз это чудо, то оно что-то значит. И чтобы понять, что оно значит, нужно пригласить специалистов. Вот я вам и написал.

Кустов достает из чемоданчика скальпель, лупу и пробирку. Сначала рассматривает икону в лупу, потом соскабливает немного вещества скальпелем и прячет в пробирку.

КУСТОВ. Я проверю состав. Обычно это оказывается вещество, схожее по своему составу с растительным маслом.

ДЯДЯ ВАСЯ. Маслом?

КУСТОВ. Маслом. Давайте договоримся так. Я заберу ее с собой в гостиницу. Наутро посмотрим, будет мироточение или нет.

ДЯДЯ ВАСЯ. Зачем вам гостиница? Оставайтесь у меня. Места хватит. Мне не так скучно будет. Да и вам тоже чего вечер одному сидеть в гостинице. Я вам какую-нибудь историю расскажу. Вы сказки любите? Хотите, я вам сказку расскажу. Про медведя.

Пауза.

КУСТОВ. Хорошо. Я останусь. Рассказывайте вашу сказку.

ДЯДЯ ВАСЯ. Вот и славно. Только я ее не очень хорошо помню, так что могу что-нибудь напутать.

КУСТОВ. Это ничего.

ДЯДЯ ВАСЯ. Жил-был старик да старуха, детей у них не было. Вот старуха просит старика: «Сходи в лес по дрова». Пошел старик и встретил медведя, стали они бороться, и старик отрубил медведю топором лапу. Пришел домой, велел старухе варить лапу.

На сцене темнеет.

ДЯДЯ ВАСЯ. Содрала старуха кожу, оципала шерсть, а лапу в печь вариться поставила. Вечер. Сидит старуха, прядет шерсть медведя, старик на печи лежит, греет косточки старые. А медведь-то сделал себе липовую ногу и идет к старику по деревне, поет:

«Скрипни, нога! Скрипни липовая! Все по селам спят, по деревням спят, одна старуха не спит, мою шерсть прядет, мою ногу варит». И стучит липовой ногой в дверь. Испугался старик со старухой, на запоры заперлись, на полати залезли. А медведь выломал дверь и съел старика и старуху. И ушел обратно в лес на своей липовой ноге.

На сцене вспыхивает свет. Кустов сидит возле настольной лампы. Одну руку он держит на выключателе, второй схватил за руку дядю Васю, в которой зажата бутылка растительного масла.

КУСТОВ. То есть плохо все кончилось?

ДЯДЯ ВАСЯ. Плохо.

Кустов отпускает руку, встает, молча одевается.

ДЯДЯ ВАСЯ. Извините. Сам не знаю, зачем...

КУСТОВ. Ничего.

ДЯДЯ ВАСЯ. Просто глупость. Я испугался. Вдруг, думаю, сегодня не заплачет.

КУСТОВ. Понимаю.

ДЯДЯ ВАСЯ. Давайте попробуем еще раз. Я вам ее отдам. Я оплачу номер в гостинице.

КУСТОВ. Мне нужно ехать. Нам прислали письмо. В Архангельске корова заговорила человеческим голосом.

ДЯДЯ ВАСЯ. Возьмите ее с собой.

Пытается всучить икону Кустову.

КУСТОВ. Не нужно. Оставьте себе. Я же сказал, я неверующий.

ДЯДЯ ВАСЯ. Почему? Из-за вашей работы? Но разве чудеса – главное?

КУСТОВ. Нет, дело не в чудесах. Дело в людях. Если все позволено, значит, бога нет. Я не чудо ищущу, а человека.

ДЯДЯ ВАСЯ. Зачем?

КУСТОВ. Хочется убедиться в том, что можно жить по-другому.

ДЯДЯ ВАСЯ. Можно. Есть такие люди. Поверьте мне.

КУСТОВ. Я никому не верю.

Кустов уходит. Икона в руках дяди Васи начинает плакать.

(3 картина)

Камера. Полумрак. Зарубин сидит на нарах у стены. Рядом ворочаются и вскрикивают во сне его сокамерники. Зарубин слушает голос своей дочери, которая пишет ему письмо из Лондона.

СОНЯ. Папа, я знаю, ты хороший. Просто у тебя было много работы и у тебя не было времени, чтобы с нами общаться. Да еще мама на тебя все время злилась. Но это оттого, что она тебя очень любила. У меня все хорошо. Я живу в комнате с девочкой из Индии. Ее зовут Шакти. Ее папа строит небоскребы в Сингапуре, а мама тоже умерла. Учиться здесь проще, чем в нашей школе, хотя все и говорят по-английски. Сначала было непривычно, а сейчас я привыкла. Я стараюсь учиться хорошо. После колледжа я буду учиться на юриста. Ты к тому времени освободишься, и я подам в суд и верну тебе твой завод. Мы будем жить вместе, и будем вместе ходить к маме на могилу.

ЗАНАВЕС.

Really?

Действующие лица:

Маша

Макс

Коля

Лера

Мужик

Телеведущий

1

Комната, две кровати, тумбочки, зеркало. На кроватях лежат Макс и Коля.

МАКС. Ну и когда ты мою Лерку трахнешь?

КОЛЯ. Макс, ты заколебал, отвали.

МАКС. Ну а че я-то? Ты сам-то не заколебал? Я же вижу, не слепой, наверное.

КОЛЯ. Макс, я думал, мы эту тему закрыли.

МАКС. Да-да, типа, я не позарюсь на девушку друга, третий должен уйти, всякое такое.

Колян, я ж тебя знаю как облупленного-залупленного.

КОЛЯ. Макс, отвали.

МАКС. Да не отвалю я!

КОЛЯ. Я спать хочу.

Макс хватает подушку и кидает в Колю. Тот уворачивается, подушка падает на пол.

МАКС. Сколько можно дрыхнуть. Знаешь сколько времени?

КОЛЯ. Ну сколько?

МАКС. Фиг знает. Я думаю, часов двенадцать.

КОЛЯ. Ночи или дня?

МАКС. Дня.

КОЛЯ. А че так спать хочется?

МАКС. Откуда я знаю? Витаминов не хватает в организме. Верни подушку.

КОЛЯ. Я твою подушку не брал.

МАКС. Че тебе, трудно? Ногой ее пни сюда.

КОЛЯ. Тебе надо, ты и пни.

МАКС. Заколебал ты меня, Коля.

КОЛЯ. Да? А ты меня не заколебал? Сколько мы с тобой здесь сидим?

МАКС. Не помню. Надо календарь посмотреть.

КОЛЯ. Посмотри.

Макс встает, отодвигает кровать. За кроватью на стене выцарапаны отметки.

МАКС. Два месяца и три дня.

КОЛЯ. Слушай, все равно стоишь, возьми свою подушку.

Макс падает на кровать.

МАКС. Коля, козел, ты меня развел!

КОЛЯ. Не хочешь – не бери. Мне пофигу. Я помочь хотел.

МАКС. Спасибо, брат. Помог.

Макс встает, идет за подушкой, берет ее и бьет Колю. Тот вяло отмахивается.

МАКС. Давай, дерись. Дерись!

КОЛЯ. Да отстанешь ты от меня уже или нет?

Макс садится на свою кровать.

МАКС. Коля, ты мне не нравишься.

КОЛЯ. Очень рад этому обстоятельству. Значит, могу пока не бояться за свою девичью честь?

МАКС. Ты что-то в последнее время слишком боишься за свою девичью честь. Смотри, девушки любят грешников, а не праведников.

КОЛЯ. Макс, мне не нравятся эти разговоры.

МАКС. Ты о чем это?

КОЛЯ. Да все о том же.

МАКС. Объясни для тупых.

КОЛЯ. Ты ведь только что сказал мне, чтобы я переспал с Лерой. Скажешь, не было?

Макс с удивлением смотрит на Колю. Потом вдруг громко смеется.

МАКС. Колян, да ты чо? Я же пошутил! Это же шутка юмора!

КОЛЯ. Не нравятся мне эти шутки.

МАКС. Слушай, а вот если между нами. Вот как мужик мужику скажи – ты б ее трахнул, если бы случай представился?

КОЛЯ. Макс, бля, ну хватит!

МАКС. Если бы точно знал, что Машка не узнает, трахнул бы?

КОЛЯ. Макс, я тебе сейчас в табло дам, реально. Я не шучу.

МАКС. Ладно тебе, мы же просто болтаем. Думаешь, девки нас не обсуждают? Я думаю, там еще и не такие разговоры бывают.

КОЛЯ. Да какие там могут быть разговоры?

МАКС. Коля, вот ты думаешь, я тебе говорю что-то – это так, для тренировки мышц языка. А ведь это у нас с тобой разговор-то не теоретический.

КОЛЯ. В смысле?

МАКС. Тебе объяснить смысл слова «теоретический»? У него еще есть антоним – «практический». Надеюсь, что такое антоним, ты знаешь сам.

КОЛЯ. Макс, ты меня утомил, серьезно. Хочешь что-то сказать – говори прямо.

МАКС. Ну ты чо, совсем тупой, что ли? Я тебе уже час прямо говорю. Куда еще прямее-то? Лерка хочет с тобой трахнуть.

КОЛЯ. В смысле?

МАКС. В смысле —

Показывает на пальцах.

КОЛЯ. А как же... ты?

МАКС. А чего я?

КОЛЯ. Вы расстаются, что ли?

МАКС. Блин, ну как мы можем расстаться? Я что, встану и уйду? Куда?

КОЛЯ. Я ничего не понимаю. Ты так спокойно об этом говоришь.

МАКС. А я, по-твоему, должен биться головой о стену, кричать, что моя жизнь кончена, перерезать вены и утопиться в унитазе?

КОЛЯ. Я бы утопился.

МАКС. В унитазе?

КОЛЯ. Нашел бы, где.

МАКС. Ну и дурак. Я – не ты. Да что с тобой разговаривать.

Пауза.

МАКС. Так что Лерке передать?

КОЛЯ. Передай, что ты мудака.

МАКС. Ну, понял. Колян. (Пауза.) Зря ты так. Двадцать первый век на дворе. А у тебя какие-то представления о жизни совершенно феодальные.

КОЛЯ. А у тебя – животные.

МАКС. Слушай, неужели ты думаешь, что моя честь пострадает от того, что ты развлечешься с Леркой? И ей приятно и тебе. Ну а я, в порядке взаимной услуги, мог бы в это время с Машкой...

Коля с воплем вскакивает и кидается на Макса. Он сбрасывает его с кровати и начинает душить. Макс хрипит, потом ногой несколько раз бьет Колю снизу и сбрасывает его с себя. Коля снова бросается на него, Макс успевает откатиться под кровать, выскочить с другой стороны и прыгнуть на Колю сверху. Несколько раз он бьет Колю сильно и с удовольствием.

Открывается дверь. Входят Маша и Лера. Увидев дерущихся, они тут же кидаются их растаскивать. Когда растаскивают, обнаруживается, что Лера держит Колю, а Маша – Макса.

МАША. Макс, вы что, сдурели?

МАКС. Извини, Маша, мы тут... Поспорили немножко.

ЛЕРА. Коля, объясни мне, что у вас тут произошло?

КОЛЯ (кивает на Макса). Пусть вон он тебе объяснит.

ЛЕРА (со значением). Макс!

МАКС. Поспорили по поводу одного места из Блаженного Августина.

КОЛЯ. Хоть им-то не ври.

ЛЕРА. Ну-ка, интересно.

МАША. Да, давайте-ка, выкладывайте.

КОЛЯ. Нет, пусть они без нас разбираются. Тебя это не касается. Это их дело.

Коля встает, хватая Машу за руку и пытается увести из комнаты. Маша вырывает руку.

МАША. Щас! Как это не касается? Ты мой парень, а Лера – моя подруга. Я хочу знать, из-за чего вы тут устроили бои без правил.

Пауза.

ЛЕРА. Макс, мы ждем.

МАКС. Ну так, ты понимаешь, Коля предложил мне такую штуку. В общем, если ты ему дашь, он разрешит мне трахнуть с Машкой.

КОЛЯ. Ну все, пиздец тебе.

Коля снова кидается на Макса. Лера встает перед ним и заслоняет Макса. Маша стоит у стены и с интересом наблюдает за происходящим.

МАКС. Да ладно тебе, успокойся уже.

КОЛЯ. Надоел твой пиздеж.

ЛЕРА. Коля, ты действительно его об этом просил?

КОЛЯ. Ни о чем я его не просил!

ЛЕРА. Тогда из-за чего вы подрались?

КОЛЯ. Да это ведь он сам!..

Коля вдруг останавливается.

КОЛЯ. Я ухожу. Не могу больше его видеть.

Маша отделяется от стены и делает шаг ему навстречу.

МАША. Меня ты тоже больше не хочешь видеть?

КОЛЯ. Давай уйдем вместе.

Коля берет ее за руку. Маша останавливает его.

МАША. Ну что ты опять придумал? Куда мы уйдем?

КОЛЯ. В город.

МАША. А потом? Что ты потом будешь делать?

КОЛЯ. Не знаю. Погуляем по городу и придумаем.

МАША. Погуляем по городу. Без денег, без документов. Потом переночуем в ментовке, где тебе отобьют почки, а меня поставят раком и трахнут всем отделением. Заебись придумал.

КОЛЯ. Так больше нельзя.

ЛЕРА. Коля, не мели ерунды. Мы уже столько всего выдержали вместе. Неужели ты сломаешься в последний день?

КОЛЯ. Откуда ты знаешь, что сегодня последний день?

МАКС. Ну, или один из последних. Колян, ты нас всех подведешь.

КОЛЯ. На твоём месте я бы сейчас молчал.

МАКС. Ты не на моём месте.

ЛЕРА. Мальчики, быстро заткнулись оба. Коля, ты что, не понимаешь, что сейчас речь не о тебе? Если уж на то пошло, сам по себе ты нам на хер не нужен.

КОЛЯ. Вот уж не сомневаюсь.

ЛЕРА. Как с тобой разговаривать? Машка, скажи ему.

Маша отводит Колю немножко в сторону и заслоняет собой от остальных. Макс тянет шею, стараясь подслушать.

МАША. Коля, я тебя прошу. Не делай глупостей. Ради меня. Ты помнишь, как мы с тобой вместе мечтали, как мы отсюда выйдем? Победителями. И как заживем...

КОЛЯ. Ладно. Я остаюсь.

Маша обнимает его и целует.

МАША. Вот и хорошо. Вот и молодец. Мой послушный мальчик. Пойдем-ка пошепчемся.

КОЛЯ. Куда?

МАША. Куда-куда! На кухне есть мертвая точка, которая не просматривается камерами. Мы с Леркой вычислили. Включим воду, и поговорим.

Маша и Коля переходят на кухню, которая обнаруживается рядом, за стенкой. Во время их разговора Макс и Лера остаются в комнате. Макс, как бы играя, тянет Леру к постели, она освобождается от его объятий и пытается подслушать разговор на кухне. Макс подходит к ней, ласкает ее сзади, она отмахивается.

На кухне Маша сразу же включает воду, берет стул, ставит его в стороне от стола, садится и усаживает рядом с собой Колю.

КОЛЯ. Ну что вы опять придумали? Опять хотите кого-нибудь сожрать? Меня или Макса? Людоедки...

МАША. Глупый ты все-таки, Коля.

КОЛЯ. Вы зато все очень умные.

МАША. Да уж поумнее тебя. Ладно, Коля, мы сюда не ругаться пришли. Для этого совсем не обязательно прятаться от камер.

КОЛЯ. Маша, молчу, слушаю. И заранее со всем согласен.

МАША. Я знала, что ты согласишься. Лерка не верила, что тебя удастся уговорить, но я в тебе не сомневалась. Ты молодец.

КОЛЯ. Ты, может, быть, объяснишь, на что я подписался? Может быть, вы решили, что я должен повеситься от несчастной любви.

МАША. Да ладно тебе. Кстати, это было бы эффектно... нет, шучу. Перестань ты сразу в позу вставать! Нет, все-таки Макс – голова. Это ведь он все придумал.

КОЛЯ. Так, мне уже сразу не нравится. Голова Макса работает только в одном направлении.

МАША. Ага, в правильном. Ты сам подумай. Две пары сидят, болтают. Никакого действия. Смотреть неинтересно. Рейтинг падает. А у вас сегодня целая драка. Событие. Все смотрят, всем интересно.

КОЛЯ. То есть ты хочешь сказать, что ты в курсе, что он мне предложил?

МАША. Ну да. Мы должны поменяться.

КОЛЯ. Ты хочешь... с ним?

МАША. А ты с Леркой. Не сомневайся, тебе понравится. Мы уже давно все обсудили. Это же интрига. Представь, накануне финала такой поворот. Да нас на руках будут носить.

Коля бьет Машу по лицу.

МАША. Ты чего, охуел?

КОЛЯ. Погань.

МАША. Козел, только попробуй нам все испортить.

КОЛЯ. Идите вы все нахуй.

Коля встает и уходит. Маша пытается его остановить.

МАША. Стой!

Коля стряхивает ее и уходит.

МАША. (плачет) ушел. Козел.

Маша умывает лицо, выключает воду, вытирает лицо, берет со стола поднос и смотрится в него.

МАША (без выражения). Блин, ребята меня убьют.

Маша распахивает дверь в комнату. Лера и Макс

МАША. Он ушел.

ЛЕРА. Как ушел?

МАКС. Вот чучело! Я его догоню.

Макс выскакивает из постели и бежит к двери.

МАША. Не догонишь. Он уже там.

Макс растерянно останавливается.

МАКС. А что делать-то?

МАША. Снимать штаны и бегать. Не знаю я, что делать.

Лера внимательно смотрит на нее, потом подходит ближе.

ЛЕРА. Ты это нарочно.

МАША. Неправда. Я просто рассказала о нашем плане. Он психанул и убежал.

ЛЕРА. Ты специально так рассказала, чтобы он сильнее разозлился. Ты его специально разозлила.

МАША. Да зачем мне это делать?

ЛЕРА. Чтобы вызвать симпатию. Ты ведь теперь у нас брошенка. Осталась без мужика. Таким всегда симпатизируют.

МАША. Ни фиги. Лера, давай лучше подумаем, что нам делать дальше. Оттого, что мы сейчас поссоримся, лучше не будет ни тебе, ни мне.

ЛЕРА. А что мы можем сделать? Ты сейчас в топе. Даже если Макс прямо сейчас уйдет к тебе, мне уже не выкарабкаться. Хорошо все придумала, сучка.

МАША. Лера, хватит.

ЛЕРА. Что хватит? Что хватит? Схватит. (Поворачивается к Максусу.) А ты что лыбишься? Урод. Ты-то в любом случае весь в шоколаде.

МАКС. Давайте, девочки, я вам не мешаю. Можете подраться еще. Только переоденьтесь в купальники, это будет лучше смотреться.

Маша и Лера смотрят на Макса.

МАША. Слушай, у меня появилась одна идея.

ЛЕРА. У меня тоже.

МАША. Лерка, это гениально.

ЛЕРА. Да.

МАША. Все бабы нас поддержат.

ЛЕРА. Да.

МАША. Да и мужики тоже.

МАКС (обеспокоенно). Девочки, вы это о чем?

ЛЕРА (смеется). О своем, о девичьем. Правда, Машка?

МАША. Это точно.

Лера поворачивается к Маше, обнимает ее и целует.

Макс бьет кулаком в подушку.

МАКС. Ну вы, блин, придумали.

ЛЕРА. Пока, Максик!

МАША. Не скучай тут.

ЛЕРА. Привет Дуньке Кулаковой.

МАКС. Ладно-ладно. Валите, лесбиянки хреновы.

Девушки уходят, Макс остается один. Он ходит из угла в угол.

МАКС. Что делать-то? Колян, подосрал ты старому другу. Черт, неужели и мне уходить? Против их двоих у меня шансов нет. Или подождать? Рейтинг – вещь непредсказуемая. Может, за меня брошенные мужики проголосуют. Если бы можно было бы как-нибудь узнать...

Дверь распахивается, вбегает Коля.

КОЛЯ. Там...

МАКС. Э... Ты зачем это?

КОЛЯ. Там никого нет.

МАКС. Как тебя пустили обратно?

КОЛЯ. Я тебе говорю – там никого нет.

МАКС. Как нет?

КОЛЯ. А вот так. Вообще никого. Камеры выключены, двери нараспашку.

МАКС. Ни хуя себе! Это что... проект закрыли? А нам не сказали?

КОЛЯ. Нет, там что-то другое...

МАКС. Какое другое?

КОЛЯ. На улице тоже никого нет.

МАКС. Пойдем.

КОЛЯ. А девчонки?

МАКС. Пусть сидят.

КОЛЯ. Но...

МАКС. Пусть сидят, я сказал. Посмотрим, в чем дело, и вернемся за ними. Тем более, что мы с тобой им теперь не нужны.

КОЛЯ. Не нужны?

МАКС. У них теперь лесбейская любовь.

КОЛЯ. Смешно, офигеть.

МАКС. Как же ты, Коля, до сих пор не понял, что я тебе никогда не вру. Ладно, идем.

Уходят.

2

Макс и Коля выходят на улицу. Пусто, холодно. Разбитые окна, обгорелые машины. На асфальте- мусор. За спиной у них полуразрушенное здание телецентра.

МАКС. Что же тут случилось-то?

КОЛЯ. Война.

МАКС. Ядерная?

КОЛЯ. Если бы ядерная, было бы больше разрушений. И мы бы слышали взрывы. Может быть, биологическая. Или химическая. Все люди умерли, а дома стоят.

МАКС (кричит). Люди! Ау!

КОЛЯ. Бесплезно. Здесь никого нет.

МАКС. А как же мы выжили?

КОЛЯ. Студия. Подвал. Герметичный бункер. Автономная система электроснабжения. Так и выжили. Интересно, когда это произошло?

МАКС. Тебе зачем?

КОЛЯ. Хотелось бы знать, как долго мы разыгрывали наши страсти-мордасти перед выключенными телекамерами.

МАКС. Это, Коля, теперь совершенно неважно.

КОЛЯ. А что важно?

МАКС. Важно то, что мы с тобой, да наши девчонки – единственные оставшиеся в живых представители человеческой цивилизации. Мы просто обязаны продолжить наш род, дать жизнь следующим поколениям.

КОЛЯ. Ты хотя бы пять минут можешь не думать о ебле?

МАКС. При чем тут ебля? Ты понимаешь, что мы последние люди на земле?

Из-за кучи мусора появляется оборванный, растрепанный и чумазый телеведущий. В руках у него микрофон, шнур болтается по земле.

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Здравствуйте, дорогие мои! Вас приветствует программа «Розыгрыш»!

МАКС. Это еще что за явление?

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Все, что вы видите – это обман зрения. Никакой химической атаки не было. Это инсценировка.

КОЛЯ. Телецентр разрушили – тоже инсценировка?

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Голограмма!

МАКС. Дорогостоящее шоу получилось.

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Все для фронта, все для победы. (Негромко и деловито.) А теперь, быстренько, поплодировали и поклонились. Вон туда.

Все трое аплодируют и кланяются куда-то в сторону.

КОЛЯ. А где народ?

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Сейчас все придут. Не забывайте, после окончания съемок у нас банкет. Там будет пресса, так что постарайтесь не опаздывать.

МАКС. Да уж постараемся.

КОЛЯ. Вон и народ подтягивается.

К стоящей троице приближается огромный мужик. Телеведущий, увидев его, съеживается и пытается спрятаться за спины Коли и Макса.

МУЖИК. А я думаю, куда он делся. Опять развязался?

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ (кричит из-за спин). Я не специально. Оно само развязалось.

МУЖИК. Конечно, само. Ну, придется нам это само наказать.

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Не надо!

МУЖИК. Как это не надо? Ты что, решил со мной поспорить?

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Я не спорю. Просто говорю, что не надо. Вот, смотри, что я тебе нашел.

МУЖИК. Что нашел – молодец, за это хвалю. Но наказать тебя все равно придется.

МАКС. Вы кто?

Мужик поворачивается к нему и коротко бьет в лицо. Макс падает.

МУЖИК. Для тебя, мясо, я – хозяин.

Макс пытается встать, мужик ставит ему ногу на грудь.

МУЖИК. Ты лежи пока. (Коле.) Я с тобой поговорю. Еще люди есть?

КОЛЯ. Нет.

МУЖИК. Где вы прятались?

КОЛЯ. В четырнадцатой студии.

МУЖИК. Не знаю такую.

КОЛЯ. Это новая студия. Для реалити-шоу. В подвале. Там автономное электроснабжение.

МУЖИК. О, и свет есть. (Телеведущему.) Ты слышал?

Тот быстро кивает несколько раз

А пожрать там что-нибудь осталось?

КОЛЯ. Полный холодильник.

МУЖИК. Отлично. Пойдем, посмотрим, что за четырнадцатая студия. (Телеведущему.)
Может, мы с тобой туда переберемся. А то в наших развалинах холодновато становится.

КОЛЯ. Извините, вы можете нам хотя бы сказать, что случилось?

МУЖИК. Ты слепой, что ли? Война случилась.

КОЛЯ. А кто победил?

МУЖИК. Я победил! (Хохочет.) Давай, пошли, босота.

Хватает Макса и тащит за собой. Потом вдруг останавливается.

МУЖИК. Я вот думаю – на хрена вы мне трое?

Оглядывает всех.

МУЖИК. Многовато будет на меня одного. Ничего, мы сейчас это дело поправим. (Смотрит на телеведущего.) Надоел ты мне.

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ (взвизгивает и падает на колени). Нет!

МУЖИК. Но я хоть знаю, что от тебя, полудурка, ожидать. А это двое – друзья, значит, заодно. Правильно я говорю?

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Правильно.

МУЖИК. Вот и я думаю, что правильно.

Мужик наклоняется и поднимает камень. Укладывает Макса на землю и замахивается камнем. И вдруг падает на Макса лицом вниз. За спиной у него стоит Маша, а из спины его торчит пожарный топор.

МАША. Ну что уставились? Смотрите лучше, нет ли тут еще каких-нибудь маньяков.

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Никого нет. Я знаю. Он один.

Телеведущий подбегает к мужику и пинает его.

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Он так меня мучил! Вы не представляете, что мне пришлось пережить.

МАКС (поднимаясь). Представляем. То-то ты был готов от нас избавиться.

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Это неправда. Я хотел его обмануть. В последний момент я бы...

МАКС. Заткнись. (Маше.) Спасибо. Ты появилась очень вовремя.

МАША. Я знала, что вы обязательно с ним встретитесь. Потому и прихватила топор.

МАКС. Ты его знаешь?

МАША. Это осветитель. Он тут работал. Он живет там, в развалинах с этим несчастным сумасшедшим. Пытается мертветчиной. Питался, вернее...

КОЛЯ. Ты...

МАША. Да.

КОЛЯ. Но когда?

МАША. Три недели назад. Это ведь только вы ничего вокруг себя не замечаете.

МАКС. Почему ты нам ничего не сказала?

МАША. Не хотела вас разочаровывать.

МАКС. А Лера?..

МАША. Она тоже все знает. Мы вместе выходили. Несколько раз, по ночам, когда вы дрыхли.

МАКС. Да, девочки, вот вы исполнили. Ведь мы уже три недели могли бы...

МАША. Что вы могли бы? Ты – лежать с пробитой головой, а ты (Показывает на Колю.) – сосать хуй у чокнутого осветителя.

КОЛЯ. Блин. Значит все... мама, бабушка...

МАКС. Подожди. Только истерик тут не надо, ради Бога. Если бы только они погибли – это было бы ужасно. А погибли все – и наши родственники, и певица Мадонна и президент Путин. Согласись, это не так обидно. Нам надо решить, что делать дальше.

КОЛЯ. А что мы можем сделать?

МАКС. Нас же всего четыре человека во всем мире! Вместе с этим (Показывает на телеведущего.) – четыре с половиной. Мы должны создать новую цивилизацию! Отныне я назначаю себя председателем земного шара! Наши потомки будут чтить мой культ и воздвигать мои статуи в каждом городе.

КОЛЯ. Идиот.

МАКС. У вас есть предложения получше?

МАША. Мы можем вернуться в студию.

МАКС. На хрена?

МАША. Там есть свет и еда. Больше их нигде нет.

МАКС. Ни за что. Мы должны исследовать развалины.

МАША. Что ты хочешь найти?

МАКС. Не знаю. Работающие приборы. Оружие. Еду. Других выживших.

МАША (показывает на осветителя). Тебе мало людоедов?

МАКС. Маньяков, мародеров и каннибалов отстреливать как бешеных собак. Маша, пойми, мы же не можем просто сидеть сложа руки.

МАША. Тебе было скучно эти три недели?

МАКС. В смысле?

МАША. Вот эти, последние три недели, когда мы знали, что случилось, а ты – нет, тебе было скучно?

МАКС. Н... нет. Но я был в игре, я надеялся на победу. На что мне надеяться сейчас?

МАША. А ты сделай вид, что ничего не произошло. Что игра продолжается. Что камеры включены. Что на нас смотрят. Они смотрят.

МАКС. Маша, ты сошла с ума, как он. (Показывает на телеведущего.) Лера тоже так же думает?

МАША. Да.

МАКС. Понятно. Окей. Мы с Колей найдем себе других самок. Не может такого быть, чтобы выжили только вы. Пошарим по подвалам. По чердакам. Коля, идем.

КОЛЯ. Я остаюсь.

МАКС. Колян, прекрати! Ты же правдолюб. Неужели ты поддашься на разводку? Это же полная дурка. Пойдем. Там, за поворотом, нас ждет жизнь, полная приключений. «Безумный Макс», «Водный мир», новая первобытная цивилизация...

КОЛЯ. Я никуда не пойду.

МАКС. Почему?

КОЛЯ. Не хочу.

МАКС. Ах ты не хочешь? Так я тебя заставлю...

МАША. Макс, уходишь – уходи. Мы тебя не держим.

МАКС. Спасибо и на том.

Макс выдергивает топор из спины осветителя, подбрасывает его на руке. Потом вдруг с улюлюканием убегает, размахивая топором.

МАША (телеведущему). Ты идешь?

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. О, да, с удовольствием. Я расскажу вам...

МАША. Потом расскажешь. Как тебя зовут?

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Владлен. Но мне больше нравится, чтобы меня называли – Валдис. Это мой творческий псевдоним...

МАША. Значит, так, Володя. Жить бы будешь в комнате с Колей. Идем, мы познакомим тебя с Лерой.

Все трое уходят.

Занавес.

КАМЕНЬ

Божественная комедия в четырех допросах

Действующие лица:

Он

Она

Протокол допроса №1, от 16 октября 2013 года.

Кабинет. Стол. На столе – компьютер, телефон, разбросаны бумаги. Входит Он. В руке у него небольшой камень – 3—4 сантиметра в диаметре. Он подходит к столу, подбрасывая камень. С интересом разглядывает бумаги. Усмехается. Звонит телефон. Он берет трубку одной рукой, другой продолжает подбрасывать камень.

ОН. Ну. Ага. А ты какой ответ хочешь услышать? Зачем тогда спрашиваешь. Вот представь, я сейчас тебе скажу – нет, не хочу я с ней разговаривать. Вообще никого не хочу видеть. И приехал я сюда среди ночи просто так, потусоваться. Сяду сейчас за комп, пораскладываю пасьянс «Косынка» и поеду домой досыпать. Чего молчишь? Не понял юмора? Ладно, хватить тупить, запускай.

Он садится за стол. Разглядывает бумаги. Усмехается. Входит она. Останавливается у двери. Он не оборачивается.

ОН. Давай, заходи, чего встала, как неродная.

Она подходит к столу.

ОН. Присаживайся, в ногах правды нет. (Вглядывается в бумаги.) Впрочем нет ее и выше.

ОНА. Любуется.

ОН. А ты считаешь, тут есть чем любоваться?

Он показывает ей одну из бумаг. И мы видим, что это распечатанное фото, на котором изображена девушка с голая грудь, и бензопилой в руках. На голове у нее балаклава.

ОН. Это красиво, по-твоему?

ОНА (морщится). Есть лишних полкило, а так – вполне товарный вид.

ОН. Понятно. Девушка тоже с юмором. Это радует. Начнем, помолясь? Раньше сядешь – раньше выйдешь.

ОНА. Вам лучше знать.

Он достает из стола бланк допроса. Кладет на стол, разглаживает. Кладет сверху камень.

ОН. Вот предупреждение об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Распишись.

Она расписывается.

ОН. ФИО свое скажи.

ОНА. Таня.

ОН. Я говорю – ФИО.

ОНА. Татьяна Петровна Алферова.

ОН. Чем докажешь?

ОНА. Что?

ОН. Документ какой-нибудь есть?

ОНА. Вы же знаете, что нет.

ОН. Откуда мне знать?

ОНА. Меня вообще-то обыскивали. И довольно тщательно. Я бы даже сказала – слишком тщательно.

ОН. Ладно, Татьяна Петровна Алферова. Пока верим вам на слово. Но проверим все предоставленные вами данные. Дата и место рождения.

ОНА. 7 октября 1991 года.

Он смотрит на нее.

ОНА. Что? Тоже будете проверять? Интересно как? Может быть, распилите меня и посчитаете годовые кольца?

ОН. 91-й. Я в этом году школу закончил. Никак не могу привыкнуть к тому, что есть взрослые люди 1991 года рождения.

ОНА. Привыкайте.

ОН. Домашний адрес.

ОНА. Улица Первомайская дом 19, квартира 23.

ОН. Место работы.

ОНА. Менеджер по рекламе.

ОН. Что рекламируешь?

ОНА. Воздух.

ОН. Это метафора?

ОНА. Да, это метафора.

ОН. Так. Теперь, уважаемая Татьяна Петровна Алферова, объясните мне, пожалуйста, что вы делали сегодня на площади Революции с двадцати трех тридцати до двадцати трех сорока пяти минут. Постарайтесь ничего не забыть. Нам важны все детали.

ОНА. Я пришла на площадь в двадцать три тридцать. За спиной у меня был черный рюкзак марки «Самсонит». Я сняла рюкзак и достала из него бензопилу марки Патриот. Завела ее и спилила поклонный крест, установленный на площади в память о героях 1813 года.

ОН. 1812 года, наверное?

ОНА. Учите матчать, уважаемый. 1813 год, Битва народов.

ОН. Бородино знаю.

ОНА. После Бородино, по-твоему, Наполеон куда делся?

ОН. Пошел на Москву.

ОНА. А после Москвы?

ОН. Вернулся в Париж.

ОНА. Скажем так, в Париже ему не сиделось.

ОН. Вернемся к нашему порно. Вы спилили поклонный крест...

ОНА. После этого я сняла футболку и несколько раз сфотографировалась на мобильный телефон на фоне спиленного креста. С телефона я отправила снимки в интернет. В двадцать три сорок пять меня задержали сотрудники полиции.

ОН (Пишет). Задержали сотрудники полиции.

Он смотрит на нее.

ОН. Можешь объяснить, зачем ты это сделала?

ОНА. Сфотографировалась с голыми сиськами? Объясняю – сиськи увеличивают кликабельность и цитируемость в интернете.

ОН. А крест зачем спилила?

ОНА. Чтобы вызвать общественный резонанс. Верующие лучше всего поддаются троллингу.

ОН. Чему-чему?

ОНА. Троллингу. Это когда ты специально оскорбляешь человека в расчете на то, что он испытает батхерт.

ОН. А это еще что за нахер?

ОНА. Батхерт – это жопная боль. Это то, что испытывают все верующие, когда их троллят.

ОН. Метафора.

ОНА. Метафора.

ОН. И зачем тебе нужно, чтобы верующие испытали жопную... этот батхерт?

ОНА. Это нужно для того, чтобы они распространяли мою идею.

ОН. А, понятно. Нарываешься на скандал. А это что такое?

Он показывает ей камень.

ОНА. Это камень.

ОН. Это тоже что-то значит?

ОНА. Это самое главное.

ОН. Метафора?

ОНА. Метафора.

Пауза.

ОН. Знаешь что? Не хочу я это все слушать. Давай сделаем так. Ты сейчас подпишешь признание и я тебя отпущу под подписку.

ОНА. Не выйдет.

ОН. Почему?

ОНА. Я не хочу, чтобы ты меня отпустил. Я должна просидеть у вас три дня и на четвертый выйти на свободу.

ОН. Это еще почему?

ОНА. Согласно пророчеству.

ОН. Ты чего, больная?

ОНА. Шучу. Не было никакого пророчества. Но мне правда надо просидеть у вас три дня и на четвертый выйти на свободу.

ОН. Так. Распишись здесь. И уматывай.

Он пододвигает ей протокол.

ОН. Пиши. С моих слов записано верно.

ОНА. Неверно. У вас тут написано – Татьяна Петровна Алферова.

ОН. И чего?

ОНА. У меня другое имя.

ОН. Ты же сама сказала... Как тебя зовут?

ОНА. Не скажу.

Он вздыхает.

ОН. Нарываешься?

ОНА. Нет. Я же сказала – мне нужно, чтобы вы меня задержали.

ОН. Хорошо. Я тебя задержу. На три дня до выяснения личности. И на четвертый день отпущу. Согласно пророчеству.

Он берет телефон.

ОНА. Тогда слушайте.

ОН. Я думал, мы закончили.

ОНА. Мы еще и не начинали. Да положите вы свой телефон. Неужели вам неинтересно узнать, зачем я спилила поклонный крест и, главное, почему я положила на него сверху этот камень?

ОН. Не очень.

ОНА. Врете. Вам интересно. Это ведь не простой камень. Слушайте.

Он кладет телефон.

ОНА. 6 ноября 1708 года царь Петр Первый узнал о вероломном предательстве украинского гетмана Ивана Мазепы, перешедшего на сторону врага в самый разгар Северной войны.

ОН. Чего? При чем тут Мазепа?

ОНА. При том. Слушайте внимательно, повторять не буду. Царь Петр держал возле Мазепы своих людей, по нашему говоря, шпионов. Один из них был черниговский казак полковник Матфей Алферов. Полковник несколько раз писал Петру, предупреждая его о том, что Мазепа замышляет измену и хочет перейти на сторону Карла XII. На что Петр приказал

ему «изменника Мазепу схватить и в кандалах переправить в Санкт-Петербург». К этому времени гетман был уже у шведов. Петр начал искать виноватых. Виноватые быстро нашлись. Полковника Алферова вместе с семьей и всеми крепостными сослали на 100 верст от Вологды на север. В то время на этом месте – в ста верстах от Вологды – ничего не было, только лес. Там и обосновался Матвей Алферов со своей семьей и крепостными. Эта деревня – Алферовская, кстати, до сих пор там стоит. Домов семь или восемь.

ОН. Подожди. Алферов это... ты поэтому назвалась его фамилей.

ОНА. Соображаешь. Поэтому. Я его пра-пра-пра-сколько-то раз правнучка. Хотя фамилия у меня другая.

ОН. Давай ближе к современности.

ОНА. Легко. 1811-й год. Праправнук Матвея Алферова, увидев однажды проезжавшего через деревню улана, решает ни жить ни быть стать военным. И вот, когда ему исполнилось 15, он вместе с отцом отправился в Петербург. Звали мальчика Петр, как и тебя.

ОН. Меня зовут Вадим.

ОНА. Нет, тебя зовут Петр.

В общем, тот Петр приехал в Петербург и оказалось, что попасть в армию просто так с улицы нельзя. Нужны рекомендации. Петр и его отец поселились на постоялом дворе и начали обивать пороги разных важных господ. Все бесполезно. Никто не хотел им помогать. Очень скоро у них кончились деньги и отец был вынужден втайне от сына просить милостыню. Узнав об этом сын отправил к дому Аракчеева, подождал, пока тот выйдет из дома и бухнулся перед ним на колени. Слуги кинулись его оттаскивать, но Аракчеев, заинтересовавшись, приказал его отпустить и спросил, в чем дело. Мальчик сказал, что он хочет служить в армии. И Аракчеев приказал принять его в дворянский полк – на самом деле это был не полк, а что-то вроде военного ПТУ для неимущих дворян. Надвигалась новая война с Наполеоном, однако ни в этом, ни в следующем году Петру Алферову повоевать не довелось. В Бородинской битве он не участвовал.

ОН. Почему?

ОНА. Потому что молодой еще был. Ему было 16 лет. Слушай дальше. Весной 1813 года Петр Алферов принимает участие в европейском походе. Во время похода он писал письма своему батюшке в Алферовскую. Письма сохранились, я их читала. Заграница поразила воображение маленького Петруши. «Что это за прелестная сторона! Нет уголка, который бы не был осмотрен, обработан и украшен. Какое волшебство превратило болотистые Силезские долины в плодоносные поля, провело возвышенные насыпные дороги, обсадило их липами, тополями и даже плодovitыми деревьями; какое искусство превратило дикие леса в рощи, рощи в сады, деревни в местечки, местечки в города? Все это сделалось трудолюбием жителей и деятельностью правительства. Подле каждого почти дома, сельского и городского, вижу виноград. Он распускает ветви свои по всей стене, подымаясь до самой кровли. Выглянешь в окно – и полные виноградные кисти просятся в рот! Посмотри на эти высокие каменные строения, с огромными конюшнями, скотными дворами, огородами, прекрасными садиками, цветущими беседками – как думаешь, что это? – Верно, господские дома, дома князей и баронов. – Нет! Это деревня, где живут Силезские крестьяне. Дивись, но верь! Как умеют немцы всем пользоваться и угождать всем необходимым нуждам. Куда ни посмотришь, на площадях и на улицах – везде фонтаны чистой воды. В одних поят лошадей, другие доставляют городу воду, нарочно трубами проведенную. Около всех почти огородов и садов городских проведены каналы, прегражденные заставками; каждый хозяин отворяет свои – и огород его наводняется. Здесь засуха не страшна. В Пруссии благодетельное правительство подобно в сем случае солнечным лучам, извлекающим влагу из земли для того только, чтобы после оживлять ее же благотворными дождями.

ОН. Мораль понятна. Наша власть может только ссылать в леса, а ихняя, значит, строит дома и освещает огороды.

ОНА. Я этого не говорила. Еще Петра Алферова поразило описание похорон. «Множество мальчиков, устроенных по два в ряд, впереди один с крестом, прочие каждый с книжкой, идут перед гробом, за которым следуют взрослые, а за ними толпа женщин. Все вместе поют. Могилы очень часты, почти одна на другой. В старом Фрауштате любили тесно друг подле друга жить и в тесном соседстве лежать на кладбище. Немцы не щадят надгробников. Вы читаете надписи на крестах, каменных досках, простых и полированных гранитах, из коих одни положены на землю, другие водружены в нее, многие вделаны в ограду. Почти каждая могила усеяна цветами и украшена портретом усопшего. Из этого можете видеть, как почтительны немцы к памяти ближних своих. Дети, полные жизни и радости, беспечно бегают по вековым камням и срывают свежие цветы на костях прапрадедов. Разительное сближение жизни и смерти!..

ОН. У нас тоже жизнь и смерть всегда под ручку ходят.

Пауза.

ОНА. До поездки в Европу Петр Алферов был не человеком, а личинкой человека. Человеком он стал за четыре дня с 16 по 19 октября 1813 года.

ОН. В битве против Наполеона участвовало пять армий. Силезская армия, в которой Алферов служил поручиком, пришла к месту битвы первой. Потом подтянулась Богемская армия. А когда битва началась, к ним присоединились Северная армия, Польская русская армия и 1-й австрийский корпус.

ОНА. 127 тысяч русских, 89 тысяч подданных Австрии, 72 тысяч пруссаков, 18 тысяч шведов.

ОН. 15 октября Наполеон разместил свои войска вокруг Лейпцига. 16 октября он планировал атаковать и уничтожить богемскую армию. Союзники сначала планировали атаку по нескольким направлениям, имея в виду разделить армию Наполеона. Силезкая армия должна была наступать на Лейпциг с севера.

ОНА. Но царю Александру этот план не понравился.

ОН. Слишком сложный.

ОНА. В итоге большая часть армии атаковала французов в лоб с юго-востока.

ОН. День 16 октября выдался пасмурным. В 8 утра армия генерала Барклая-де-Толли открыла артиллерийский огонь по врагу. Наступление началось. Раздалась команда...

ОНА. Строиться в каре!

ОН. Я оказался на одной из внутренних сторон каре и все время крутил головой, стараясь разглядеть французов. Как вдруг раздался страшный грохот и люди вокруг меня стали падать. По нам стреляли. Офицеры кричали.

ОНА. Сомкнуть ряды!

ОН. Направо и налево от меня умирали люди. Прилетало что-то невидимое и отрывало им головы, руки и ноги. Я почувствовал что-то вроде болотной слякоти под ногами, посмотрел вниз и увидел, что стою по щиколотку в крови. И я побежал.

ОНА. Пороховой дым окутал меня со всех сторон. Я бежал как будто сквозь туман. Где-то рядом были крики и выстрелы, но я ничего не видел на расстоянии вытянутой руки. Я бежал, сам не зная куда. Сколько это продолжалось – не знаю. Кажется, несколько мгновений.

ОН. И вдруг я оказался в самой гуще сражения. Я увидел прусаков, которые сошлись вштыковую с французами. Французов было больше, они теснили прусаков, убивая их одного за другим. Те умирали с криком...

ОНА. Фатерланд!

ОН. Я почувствовал уклон под ногами. Мы стояли на склоне холма. Снова раздалась команда.

ОНА. Сомкнуть ряды!

ОН. Командир направил нас наверх холма, где находилась деревня Вахау. Мы почувствовали, что дорога свободна. Мы побежали налегке, не встречая сопротивления.

ОНА. Как вдруг справа донесся какой-то шум и выкрики.

ОН. На нас неслась их кавалерия, неудержимая, как морской вал.

ОНА. Казалось, еще мгновение и мы будем уничтожены.

ОН. Нам приказали отступить.

ОНА. Я не помню, как я провел остаток этого дня. Потом я узнал, что мы все-таки взяли Вахау. А к вечеру отдали обратно французам. К ночи все стихло, как бы само собой.

ОН. Солдаты разжигали костры и готовились к ночлегу, не обращая никакого внимания на близость неприятеля.

ОНА. Это было похоже на то, как готовятся к ночлегу крестьяне во время сенокоса. Я вдруг подумал, что многие из этих солдат и есть крестьяне, который воспринимают войну всего лишь как один из видов труда.

Он собирает бумаги.

ОН. Мы с тобой сегодня тоже хорошо поработали, Татьяна Петровна.

ОНА. Алферов долго ходил между кострами, пока не нашел свой батальон. Там он узнал, что многие из его товарищей были убиты сегодня. Отогревшись у костра, он проверил свое ружье и увидел, что патрон остался в стволе. Он не сделал за этот день ни одного выстрела и ни разу не ударил штыком. Засыпая, я подумал, что завтра непременно кого-нибудь убью.

ОН. Уже поздно. Тебе пора спать. На новом месте приснишь жених невесте.

ОНА. У тебя есть дети?

ОН. Девочка.

ОНА. Поцелуй ее от меня.

ОН. И не подумаю.

Протокол допроса №2, от 17 октября 2013 года

ОН. Поклонный крест на площади Революции – это святыня, прославляющая не только нашу миролюбивую веру, но и демонстрирующая силу нашего оружия. Посягнувший на эту святыню оскорбляет не только церковь, но и память наших предков, сложивших свои головы за свою страну на полях сражений.

ОНА. Я, как верующая с 1982 года христианка и мать троих детей, от всей души искренне желаю, чтобы щепки от этого креста воткнулись в глаза ее родителей. Чтобы эти несчастные люди не видели, что творит их дитя.

ОН. Вот в советское время мы почему хорошо жили? Потому что верили. Иисус Христос был коммунистом. Помните, как он накормил народ пятью хлебами?

ОНА. Я когда увидела ее с этой пилой на площади, так вся и содрогнулась. Глаз у нее стал нечеловеческий и движения тоже такие дерганые, как будто пляски бесовские. Я ее перекрестила и говорю – изыди, сатана, изыди. А она хохочет дьявольским голосом.

ОН. Я вообще не понимаю, кто это придумал – подставь другую щеку. Кто это придумал? Ну кто? Покажите мне этого идиота! Мы должны защищать нашу веру. А то вишь, мы им щеки подставляем, а они и рады стараться. Нет уж, братцы, наше христианство – это когда нам по щеке, а мы – раз и поддых. А мы – раз и в глаз. А мы – раз и в ухо. А щеки пусть дураки подставляют.

ОНА. Мой отец – Иисус Христос, а моя мать – Дева Мария.

ОН. Вообще считаю, что закон божий нужно прививать прямо со школы. Вместо Толстого и Достоевского. Какая польза от литературы? А вера – она поможет нравственному и патристическому воспитанию человека и гражданина.

ОНА. После этого случая не могу ничего делать. Только телевизор смотрю, плачу и молюсь.

ОН. Работаю охранником на автобазе. После того, как стал свидетелем этого чудовищного кощунства, испытал такие моральные страдания, что не смог выйти на работу два дня, за что получил выговор и лишение премии. Что еще больше усугубило мои моральные страдания. Ходатайствую перед судом, чтобы премию мне возместили и выговор сняли, поскольку мой прогул был вызван уважительной причиной – оскорблением моих религиозных чувств.

ОНА. У меня только пенсия по инвалидности, да на детей дают немного. А алиментов от мужа я сроду не видела. Если бы можно было мне получить небольшую компенсацию...

ОН. А самое главное – крест вернуть на законное место. И рядом поставить полицейского. Чтобы он смотрел в оба – крестятся люди, когда мимо идут или нет. Если прошел и не перекрестился – сразу такого хватать и пятнадцать суток ареста. За оскорбление чувств верующих.

Она смеется.

ОН. А мне вот не смешно.

ОНА. Ты знаешь, что Иисуса Христа тоже распяли за оскорбление чувств верующих?

ОН. Это официальные свидетельские показания.

ОНА. История всегда повторяется. Сначала как трагедия, а теперь даже не как фарс, а как... цирковое представление.

ОН. Ты в России. Здесь история повторяется сначала как трагедия, потом как трагедия, потом еще раз как трагедия и снова как трагедия.

ОНА. Кто сказал, что трагедия – это уныло и печально? Трагедия – это весело.

ОН. Сегодня уже не так весело, как было вчера. Свидетельские показания – это очень серьезно. Но я обещаю, что, если ты признаешь свою вину и заявишь, что раскаиваешься...

ОНА. Я не раскаиваюсь. Я должна...

ОН. Да, я помню. Ты должна просидеть в СИЗО три дня и выйти на четвертый. Только зачем?

ОНА. Чтобы ты дослушал до конца историю про Петра Алферова.

ОН. Я же тебе помочь хочу, глупая ты баба!

ОНА. Хочешь помочь – выслушай мою историю.

ОН. Хорошо, рассказывай. Я слушаю.

ОНА. Утром 17 октября 1813 года Петр Алферов проснулся с отчетливым желанием кого-нибудь убить.

ОН. Накануне вечером Наполеон отправил союзникам предложение о перемирии. В 2 часа дня в деревне Зестевит собрался военный совет союзников. Император Александр категорически отказался идти на мировую со своим старым врагом. В это время прибыла польская армия генерала Беннигсена. Главнокомандующий Шварценберг хотел немедленно возобновить сражение, однако Беннигсен заявил, что его солдаты слишком устали от долгого перехода. Было решено возобновить наступление в 7 утра следующего дня.

ОНА. Солдаты отдыхали. Алферов поражался, как так можно – спать у костра, зная, что в любую минуту тебя могут разбудить и отправить на смерть. Сам он то ходил кругами, то садился у костра и подолгу смотрел на огонь.

ОН. Солдаты говорили о том, что Наполеон отказался от веры Христовой. В этом все были единодушны, спор вышел лишь о том, какую веру он себе избрал – то ли китайскую, то ли египетскую.

ОНА. Алферов вдруг рассердился и сказал, что все солдаты, которые умерли вчера на поле битвы – все они были одной веры, христианской. Эта мысль так поразила солдат, что они надолго замолчали, с опаской поглядывая на Алферова.

ОН. А он вдруг подумал о том, что убийство – это грех, для которого война не может служить достаточным оправданием. И то, что никто из этих солдат не раскаивается в совершенных ими убийствах на поле битвы, лишает их шанса на спасение. И они этого даже не знают.

ОНА. Ему стало их жалко. И он спросил себя – готов ли он пожертвовать своей бессмертной душой ради того, чтобы быть вместе с этими солдатами, убивать вместе с ними и вместе с ними отправиться в ад?

ОН. Он посмотрел на своих товарищей и ответил сам себе – да, он готов.

ОНА. Сразу после этого отряд был поднят в ружье.

ОН. Это было не наступление, просто командование решило занять две деревеньки на севере, чтобы использовать их для ночлега офицеров.

ОНА. Какой удачный случай для нашего героя запятнать себя кровью.

ОН. На задание был отправлен отряд в 80 человек. К деревне солдаты подходили беспечно, перешучиваясь и пересмеиваясь.

ОНА. Когда до деревни оставалось около двухсот шагов, на солдат внезапно обрушился огонь артиллерии.

ОН. В деревне стоял артиллерийский расчет из шестнадцати пушек. Увидев русских прямо у себя под носом, французы так удивились, что даже не сразу дали залп, дав противнику подойти поближе.

ОНА. Тем разрушительнее были последствия этого залпа. Отряд был рассеян по полю. Алферов, оглохший, ослепший, ничего не понимающий, упал на дно воронки, оставшейся от разрыва бомбы.

ОН. Это спасло его от второго залпа. За ним последовал третий. Люди металась по полю, натываясь друг на друга.

ОНА. Алферов пытался выбраться из воронки. Если бы это ему удалось, он бы погиб. Но руки и ноги отказывались его слушаться и он бессильно скреб пальцами по земле, обламывая ногти.

ОН. Артобстрел продолжался.

ОНА. Алферов наконец понял, что воронка – это спасение для него и скорчился на дне, закрыв голову руками. Вдруг он услышал где-то совсем рядом испуганный вскрик. Сначала он подумал, что ослышался. Но крик повторился. Кто-то звал на помощь.

Любопытство оказалось сильнее страха. Он приподнял голову над краем воронки и увидел молодого человека, совсем мальчика, в ужасе метавшегося среди разрывов.

ОН. Сюда! Идите сюда!

ОНА. Но мальчик, казалось, ничего не слышал. Тогда Алферов собрал все свои силы, выскочил из воронки, подбежал к нему, схватил его за руку и потащил за собой, в воронку. Вместе они обрушились на ее дно, и в этот момент над ними пролетела туча осколков. Это был очередной залп французской артиллерии.

ОН. Эти двое лежали на дне воронки, уткнувшись лицом в землю. Алферов совершенно успокоился и, чтобы не соскучиться, стал считать залпы. Они повторялись с равными промежутками в две-три минуты. Всего было одиннадцать залпов, после чего стрельба стихла. Французы переоценили силы противника, продолжая утюжить поле уже после того, как русский отряд перестал существовать.

ОНА. Выждав еще несколько минут, Алферов поднял голову и прислушался. Тишина. Можно было уходить. Он посмотрел на спасенного им мальчика и увидел, что на нем желтый мундир. Мундир был перепачкан грязью, к тому же в пороховом тумане нетрудно было обмануться, спутав его мундир с зеленой формой русских пехотинцев, но теперь Алферов точно знал, что перед ним француз. Офицер.

ОН. Француз смотрел на Алферова. А Алферов смотрел на француза. Наконец француз что-то сказал, вылез из воронки и убежал. Алферов поднял руку, чтобы вытереть лицо и увидел, что сжимает в руке заряженный пистолет. Но поздно, француза уже и след простыл.

ОНА. Вернувшись к своим, Алферов узнал, что из 80 человек, посланных на штурм деревни, выжил он один.

ОН. Он никому не рассказывал о том, что произошло в воронке, но запомнил слова француза и попросил одного офицера перевести их. Он сказал вот что: «Вы спасли мою жизнь, Бог вознаградит вас за это».

ОНА. Алферова зачислили в другой отряд, который также накануне понес большие потери. Он едва поздоровался с новыми сослуживцами и тут же лег спать. Они были разочарованы. Может быть, ждали рассказов о чудесном спасении от вражеских ядер. Но Алферову было все равно.

ОН. Он улыбался, засыпая и думал о том, что даже на войне можно оставаться хорошим человеком и добрым христианином. Он был уверен в том, что завтра...

ОНА. Если бы знал, что с ним произойдет завтра, он бы не улыбался.

ОН. Дай-ка я угадаю. О том, что было дальше, ты расскажешь завтра?

ОНА. Петр Алферов оставил завещание, согласно которому его воспоминания могут быть преданы гласности только через двести лет. Сегодня 17 октября 2013 года. Завтра я расскажу тебе о том, что произошло 18-го.

ОН. Не хотел тебе говорить. Сегодня звонили из Москвы. Журналисты с телевидения. Твоим делом заинтересовались.

ОНА. Я же говорила тебе, что занимаюсь рекламой. Телевидение – это хорошо для рекламы.

ОН. Ты думаешь, телевидение тебе поможет?

ОНА. Господи, благослови телевидение!

ОН. Телевидение никогда никому не помогает.

ОНА. Телевидение делает сложные вещи простыми.

ОН. Твое дело было очень простым. Если вмешается телевидение – все очень усложнится...

Допрос №3, от 18 октября 2013 года

ОН. Я знаю, о чем ты хочешь мне сегодня рассказать. О первом человеке, убитым твоим пра-пра-пра.

ОНА. Не угадал.

ОН. Храбрый вояка Алферов на третий день битвы опять никого не убил?

ОНА. На третий день битвы Алферов убил восемь человек. Возможно, девять. Или даже больше. Но не меньше восьми.

ОН. Ночью Наполеон отступил на расстояние часа пути от Лейпцига. У него оставалось сто пятьдесят тысяч солдат. У союзников было вдвое больше. В семь утра началось общее наступление.

ОНА. Четыреста пятьдесят тысяч человек. Огромная толпа народу. В то время – население целого большого города. В такой большой толпе части не могли двигаться одновременно. Австрийцы сражались уже несколько часов, а русские все еще ждали своей очереди. В два часа дня отряд, к которому теперь принадлежал Андрей, был построен в каре и направлен на очередную деревушку.

ОН. Это был Шёнефельд.

ОНА. Слева от идущих походным маршем солдат раздавался страшный вой.

ОН. Это была английская ракетная батарея, которая обстреливала Паунсдорф.

ОНА. Неприятель, как и всегда на этой войне, появился неожиданно. Рядом с Андреем кто-то закричал, он обернулся и увидел толпу французов, вдруг оказавшихся прямо в центре каре, на расстоянии вытянутой руки. Никто не мог понять, как это произошло.

ОН. Стрелять было нельзя – вокруг были свои.

ОНА. Солдаты сошлись в штыковую.

ОН. Изю всех военных трудов штыковой бой – самый тяжелый. Тело человека – это не соломенное чучело. Кажется, что может быть проще – ты бежишь, размахиваешься, втыка-

ешь штык, выдергиваешь, бежишь дальше. Но самое трудное – это не воткнуть штык, а выдернуть его.

ОНА. Штык может запутаться в кишках.

ОН. Может застрять между ребрами.

ОНА. Может воткнуться в позвоночник.

ОН. Кроме того, человек, в которого ты втыкаешь штык, он ведь тоже не стоит на месте. Он кричит, машет руками. А в руках у него такое же ружье, как у тебя и у этого ружья тоже есть штык. Нет, все-таки убивать людей вручную – это тяжелая работа.

ОНА. Когда солдаты рассказывают о том, что многие годы помнят лицо первого убитого ими врага, знайте – это неправда. Алферов не запомнил ни одного лица. Он втыкал штык и вытаскивал его. Втыкал и вытаскивал. Он ни о чем не думал в этот момент. То, что произошло в этот день, он осознал позже. А произошло вот что.

ОН. Один из убитых им солдат, умирая, схватил его за ворот, дернул на себя и потащил за собой вниз, на землю. Алферов наклонился к нему. Солдат захрипел и протянул вперед обе руки.

ОНА. Одной рукой он сорвал нательный крест с шеи Алферова. А другой рукой вложил что-то в руку Алферова.

Пауза.

ОНА. Это был камень.

ОН. Вот этот камень?

ОНА. Да.

ОН. Зачем он это сделал?

ОНА. Неизвестно. Вряд ли умирающий солдат осознавал, что именно он делает. Это было непроизвольное движение рук во время агонии. И точно так же, не сознавая, что он делает, Алферов положил камень в подсумок, где хранились патроны. После этого он выпрямился, взял оброненное им ружье и до конца дня продолжал убивать французов.

ОН. В разгар боя Саксонская дивизия из трех тысяч солдат, сражавшаяся в рядах наполеоновских войск, перешла на сторону союзников.

ОНА. Страшная пустота зияла в центре французской армии, точно вырвали из неё сердце.

ОН. В шесть часов вечера стемнело и бой прекратился.

ОНА. Ночью французы начали отступление.

ОН. Союзники встали лагерем вокруг Лейпцига. Французов не атаковали, понимая, что загнанный в угол противник может быть смертельно опасным.

ОНА. Сидя у костра, Алферов достал из подсумка камень и посмотрел на него.

ОН. Ничего особенного. Камень как камень.

ОНА. Так закончился день 18 октября 1813 года.

ОН. Вчера прошел репортаж по телевидению. Утром о тебе написали все газеты.

ОНА. Все газеты в городе?

ОН. Все газеты в мире. Твое фото в балаклаве сегодня на обложке «Times».

ОНА. Эта смелая девушка бросила вызов обществу и государству. Церковь в России сегодня – лишь один из придатков государственной машины, министерство веры, которое занимается пропагандой покорности и послушания.

ОН. Для таких как она, тюрьма – недостаточное наказание. Нужно раздеть ее догола и выпороть на площади.

ОНА. Это не акт современного искусства и не политическая акция. Это акт веры. Алферова – это Жанна Д, Арк сегодня. Она святая!

ОН. Пусть она голая подметает улицы!

ОНА. У Алферовой появились последователи. Две девушки в балаклавах ворвались в храм Покрова-на-Козлене в Вологде и облили красной краской икону святого Паисия Угличского. В настоящее время возбуждено уголовное дело, ведется розыск преступниц.

ОН. Пусть теперь всегда ходит голая!

ОНА. Требуем немедленно освободить!

ОН. Голая!

ОНА. Святая!

ОН. Голая!

ОНА. Удивительно: все эти истинно верующие больше всего хотят раздеть меня догола.

ОН. Я послал запрос по поводу твоих данных. Адрес, фамилия, имя, отчество. Завтра придет ответ. Мы узнаем твое настоящее имя, и тебе будет предъявлено официальное обвинение.

ОНА. Не торопись. Завтра умеет удивлять.

Протокол допроса №4 от 19 октября 2013 года

ОН. Вчера наш губернатор Николай Камалов дал большое интервью местному телевидению. Он сказал, что власть защитит верующих граждан и накажет организаторов кощунства по всей строгости закона.

ОНА. Забавно, что наша власть всегда все принимает на свой счет. Что бы ни случилось – власть тут как тут – нет ли революции? Не готовится ли бунт? Ты думаешь, власти есть какое-то дело до чувств верующих? Я тебя умоляю, когда вера становилась угрозой для власти, верующих убивали десятками тысяч. Сейчас власть хочет спрятаться в церкви. Она использует верующих как заложников, как живой щит, рассчитывая, что именно по ним придется первый удар.

ОН. Еще Камалов сказал, что вдохновителями твоей акции стали западные спецслужбы. Все такие акции координируются из-за границы. Власть должна быть беспощадной к наемникам западных спецслужб, которые хотят установить контроль над нашими ресурсами.

ОНА. Знаешь, кто настоящие враги этой власти? Молодость, ум, образованность, свобода мышления. Эту власть расшатывают не западные спецслужбы, а книги, открытые границы, интернет...

ОН. Хорошо, пусть моя дочь никогда не прочитает Солженицына, но зато моя страна не будет управляться из Вашингтона.

ОНА. Разуй глаза! Твой губернатор говорит о патриотизме, а сам ворует миллионы из бюджета. Он ворует у тебя и твоей дочери и покупает дома в Майами. Как ты думаешь, когда он принимает по-настоящему важные решения, о чем он думает? Об интересах своей страны или о своем доме в Майами? Твоя страна и так управляется из Америки, только не из Вашингтона, а из

Майами. Патриотизм и религиозность наших чиновников – это товар исключительно для внутреннего употребления. Когда они выезжают за границу, они там поют совсем другие песни.

ОН. Откуда ты знаешь?

ОНА. Мое настоящее имя – Зоя Камалова. Зоя Николаевна. Губернатор Камалов – мой отец.

ОН. Врешь!

ОНА. Ты ведь делал запрос...

ОН. Да, вот же конверт, утром принесли...

Он вскрывает конверт. Читает. Пауза.

ОН. Мне пиздец.

ОНА. Оказавшись в аналогичной ситуации, Понтий Пилат выразился немного по-другому.

ОН. **Пошла ты нахуй со своим Понтием Пилатом!** Ты понимаешь, кем ты выставила своего отца перед всей страной? Перед всем миром?

ОНА. Тем, кем он и является – лицемерным ублюдком.

ОН. Значит, вот зачем ты надела маску на лицо. Чтобы папаша тебя не узнал раньше времени, увидев твои фотки в интернете.

ОНА. Сработало.

ОН. Я сейчас подпишу тебе пропуск, ты пойдешь напрямик к своему отцу и скажешь ему, что произошла ошибка. Что с тобой обращались здесь вежливо и уважительно. И будем дальше думать, как замазать эту историю.

ОНА. Я никуда не пойду, пока не расскажу тебе, чем закончилась история с Алферовым.

ОН. Что? **Да пошла ты нахуй со своим Алферовым!**

ОНА. Ты будешь слушать или мне нужно рассказать папе, что ты меня здесь избивал и насиловал?

ОН. Что? Да я тебя пальцем не тронул!

ОНА. Ты будешь слушать или нет?

ОН. Давай, рассказывай. Только быстро. Сука, мне надо успокоиться. Поседеешь, блядь, с такой работой.

ОНА. Наполеон...

ОН. Бля-а-а! Наполеон, блядь! Наполеон, сука! Меня может быть, сегодня уволят, а она мне про Наполеона!

ОНА. Если будешь перебивать...

ОН. Я слушаю, слушаю. Давай, рассказывай, **что там твой ебучий Наполеон?**

ОНА. Поскольку Наполеон рассчитывал только на победу, он не подготовил отступление. В распоряжении всей его огромной армии оказалась только одна дорога – на Вайсенфельс. Король Саксонии Фридрих-Август I отправил к союзникам офицера с предложением сдать город без боя, если французским войскам будет гарантировано 4 часа на отступление. Император Александр I отклонил это предложение и приказал наступать. Когда войска союзников вошли в город, французская армия как через бутылочное горлышко пыталась протиснуться через Рандштадские ворота. Войдя в город, русские закричали «Ура». Услышав этот крик, французские саперы по ошибке взорвали мост Эльстербрюкке перед Рандштадскими воротами. В городе оставалось еще двадцать тысяч французов. Многие из них были убиты, остальные взяты в плен. По всему городу то там, то тут вспыхивали перестрелки. Александр запретил своим солдатам грабить город, но оставшиеся в городе французы продолжали отстреливаться. В одной из таких перестрелок французская пуля попала в грудь русскому поручику Петру Алферову, пройдя сквозь его тело на два пальца ниже сердца.

ОН. Все, конец твоей ебучей истории? Убили твоего Алферова? Теперь ты оставишь меня в покое?

ОНА. Нет. Алферов не был убит. Вместе с другими ранеными его отправили в полевой госпиталь, где врач извлек пулю и промыл рану. Дальнейшее его выздоровление было представлено на усмотрение всевышнего. Раненых, которые были слишком слабы, чтобы пережить дорогу на родину, оставили на попечение одного из местных монастырей. Семь месяцев Петр Алферов лежал в маленькой келье и смотрел на висящее над его кроватью распятие. *Сначала он думал о том, что когда с его груди сорвали крест... в этот момент Бог перестал его защищать. Поэтому он и был ранен. Потом он вдруг осознал, что крест – это орудие пытки.* Такое же, как виселица. Или дыба. Или плаха. Или гильотина. Почему же, когда мы видим виселицу, нас передергивает от ужаса, а когда мы видим крест – нас должно охватывать умиление? И тут Алферова осенило. Две тысячи лет назад люди ошиблись, использовав орудие пытки в качестве символа новой веры. С тех пор в каждом доме на самом видном месте висит орудие пытки с умирающим на нем человеком. Крест не может нести людям любовь, только боль и смерть. Поэтому моментами высшего торжества новой веры стали не всеобщая любовь, а костры инквизиции, крестовые походы и – смерть, боль, ненависть.

Человек всемогущ, он ежесекундно усилием мысли создает вокруг себя целый мир. Человек создает прошлое и будущее.

Человек создает Бога по своему образу и подобию. Если человек хочет, чтобы его бог был миротворцем – он таким и будет. Если человеку нужен мстительный бог, бог – садист и убийца – его Бог будет убивать.

Бог предполагает, а человек располагает.

ОН. Получается, Алферов твой умный, а Иисус Христос – дурак?

ОНА. Сам ты дурак. Иисус Христос никогда не говорил о том, что символом веры должен быть крест. Он выбрал в качестве этого символа совсем другой предмет.

ОН. Какой?

ОНА. Камень.

ОН. Камень?

ОНА. Ты вообще «Библию» читал? Помнишь, «на камне сем воздвигну я свою церковь».

ОН. Камень.

ОНА. Да, камень. Алферов понял, что 18 октября 1813 года произошло второе пришествие Иисуса Христа на землю. Он пришел и был убит штыком русского поручика Петра Алферова. Перед смертью он успел сорвать с шеи своего убийцы нательный крест и дать ему взамен вот этот камень. Который и должен стать новым символом веры.

ОН. Красивая сказка.

ОНА. Это не сказка.

ОН. Почему тогда твой Алферов никому не рассказал об этом чудесном... втором пришествии?

ОНА. Он пытался. Вернувшись в Россию в июне 1814 года, он отправился в свою деревню, где в течение следующих шести лет написал книгу «Воспоминания о походе 1813 года». Цензор просмотрел книгу невнимательно, полагая, что имеет дело с обыкновенными военными мемуарами. Очевидно, то место, где Алферов излагает свою догадку относительно второго пришествия Христа, цензор просто перелистнул, не читая.

Книга была издана тиражом 200 экземпляров. Дальше видимо, ее прочитал кто-то из начальства и забил тревогу. Это было неслыханное событие – русский офицер посягал на святую православную веру. Какой-то умный человек из самого верхнего начальства мудро решил не предавать дело огласке, чтобы не дать заразе распространиться дальше. Все 200 экземпляров книги были уничтожены. Свинцовые типографские гранки расплавлены. Рукописи сожжены. Самого Алферова объявили сумасшедшим и отправили на лечение в Москву, где он и скончался несколько месяцев спустя при загадочных обстоятельствах – вроде бы пошел ночью в нужник, упал с лестницы и сломал себе шею. Сам ли он упал или ему кто-то помог – неизвестно.

ОН. Ты все это выдумала. Если книги и рукописи были уничтожены, как ты все это узнала?

ОНА. Алферов написал завещание. Оно было отправлено по почте в Лейпциг вместе с сотней рублей ассигнациями – огромные деньги по тем временам. На Алферова произвела большое впечатление добросовестность немцев и он был уверен, что немецкие юристы смогут выполнить его непростое поручение.

Он. Какое поручение?

ОНА. Завещание должно было храниться 200 лет и быть передано самому молодому из живущих на тот момент потомков Алферова.

ОН. У Алферова были потомки? Ты же сказала, что он умер в больнице...

ОНА. Шесть лет в деревне Алферов не только книгу писал. Он женился на девушке из соседней деревни. У них было трое детей. Несколько поколений немецких юристов внимательно отслеживали потомков этой семьи. В конце концов они нашли самого молодого

на настоящий момент потомка, то есть меня, и передали завешание мне. Я тебя не обманываю. Я действительно пра-пра-пра-внучка Петра Алферова. Я получила посылку из Германии. Из Лейпцига. Там была рукопись книги и вот этот камень.

ОН. То есть это реально тот самый камень?

ОНА. Тот самый.

ОН. Зачем Алферов это сделал? Я имею в виду все эти заморочки с завешанием...

ОНА. Алферов понял, что люди не готовы принять его открытие. Он решил подождать 200 лет и попробовать обратиться к людям еще раз. Вот я и обратилась.

ОН. Ну, ты обратилась, так обратилась...

ОНА. Уж как умела. Пусть другие сделают лучше.

ОН. А я-то что должен с этим делать?

ОНА. Я не знаю. Я рассказала тебе все. Теперь, если ты не против, я пойду домой. Мне сегодня еще с папой ругаться. Это мой пропуск?

Она берет пропуск и идет к выходу.

ОН. Эй!

Она останавливается.

ОН. Мне-то теперь что делать?

ОНА. Делай что должен. Камень у тебя. Теперь ты – Петр, первый апостол. На камне сем воздвигну я церковь свою.

Она уходит. Он берет камень в руку, достает из стола пакет для улик, кладет в него камень. Убирает его в стол. Думает. Достает камень и бросает его в мусорную корзину. Думает. Достает камень из мусорной корзины и подбрасывает его в руке. Думает.

ОН (Напевает). Едет добрый молодец да во чисто поле,

И видит добрый молодец да белый камешек,

И от камешка бегут три дороги,

И на камешке том написано:

«Налево пойдешь – будешь женат,

Направо пойдешь – будешь богат,

А прямо пойдешь – будешь убит».

Он крепко сжимает камень в руке и выходит.

Конец.

27—30 мая 2013 года. Лейпциг

КОНЦЕРТ ДЛЯ МЕСТНЫХ

Ольга

Аня

Катя

Коля

Светлана Александровна (мать Ольги).

Сережа

Саша

Василий Леонидович (отец Саши)

Гена

Действие первое

25 июня 1991 года. Поселок Шиченга Шиченгского района Волоковецкой области.

1. Сцена.

Справа – стадион, слева – сосны. Посередине стоит дощатая сцена с двумя комнатками для переодевания по краям. Сцена когда-то была покрашена синей краской, но теперь краска облупилась, висит лохмотьями. Перед сценой – поросшие травой холмики, которые используются вместо сидений для зрителей.

К сцене подходят Аня и Катя.

АНЯ. Отцу когда покупала, одну достала, остальные разровняла, как так и было. И заныкала здесь, когда из магазина шла, думаю, в субботу зайду после дискача. В субботу подхожу, слышу – блин, там целуются. Ладно думаю, фиг с вами, потом заберу. Достань пока, она под окном, я пока в сортир зайду на две секунды.

Анна заходит в правую комнатку. Катя – в левую.

КАТЯ (кричит). Аня, где? Я не вижу!

АНЯ. Ты что, дура? Нельзя же так орать, когда человек трусы снимает. Чуть не вляпалась тут. Под подоконником, я же сказала, в щелке.

КАТЯ. А, нашла. У, без фильтра. Ненавижу. Полный рот табачинок все время.

Аня и Катя выходят из комнаток.

АНЯ. Разносолов не держим.

КАТЯ. Спички-то у тебя есть?

АНЯ. А ты с одной мордой ходишь?

Аня достает из кармана несколько спичек.

АНЯ. Щас, где-то был чиркаш.

Аня достает обрывок спичечного коробка с шершавой поверхностью. Берет сигарету, разминает ее, прислушиваясь, как она шуршит.

АНЯ. Сухая.

КАТЯ. Дак дождя не было. Если бы дождь, промокла бы. Туда затекает наверняка.

Аня дует в сигарету, берет ее в рот, ловко чиркает о чиркаш спичку, прикуривает. Убирает чиркаш и спички в карман.

КАТЯ. По три тяпки давай.

Аня курит.

КАТЯ. Раз. Два. Три. Давай сюда.

Аня отдает ей сигарету. Катя жадно затягивается.

КАТЯ. Раз. Блин, курить хочу больше, чем в царствие небесное. Два. Два дня не курила, прикинь? Три. Держи.

Аня затягивается.

КАТЯ. Раз. Два.

АНЯ. Да чего ты все считаешь, блин? Заколебала.

КАТЯ. Чтобы справедливо все было, поровну. Три. Давай сюда.

Аня делает четвертую затяжку.

АНЯ. При чем тут справедливо, если это моя сигарета? Давай я ее сама всю скурю. Хочешь справедливо?

КАТЯ. Блин, Аня. Че ты быкуешь-то? Чего ты мне не подруга что ли? Пожалела сигареты для лучшей подруги?

АНЯ. Да ничего я не быкую. Сама ты быкуешь. На, докуривай, я больше не хочу. Отбила все желание.

Аня садится на край сцены. Катя быстро докуривает сигарету, садится рядом с Аней и обнимает ее за плечи.

КАТЯ. Аня, не злись.

АНЯ. Я не злюсь.

КАТЯ. Злишься. А я хочу тебе признаться. Я преступница.

АНЯ. Чего?

КАТЯ. Меня мать убьет теперь.

АНЯ. За что?

КАТЯ. Я у нее косметику скомуниздила.

АНЯ. Какую еще косметику?

КАТЯ. Губную помаду. И карандаш.

АНЯ. На фига тебе карандаш? Ты же не красишься!

КАТЯ. Я не для себя. Для Осы.

АНЯ. Ты что, больная? Что Оса у своей маман не могла косметику взять? У нее наверное этих карандашей целый пенал.

КАТЯ. Оса говорит, у нее все в шкафу заперто. Она уже пробовала скрепкой замок открыть, не получается. Вот она меня и попросила.

АНЯ. Ты чего, пионер-герой Зоя Космодемьянская? На фига?

КАТЯ. Ей же сегодня надо красиво выглядеть.

АНЯ. А от матери тебе огребать. Нормально, чего, дура что ли?

КАТЯ. Для Осы важно сегодня

АНЯ. Чего, ты для нее шестерка, что ли?

КАТЯ. Ничего я не шестерка.

АНЯ. А ведешь как шестерка.

КАТЯ. Мне вообще на нее плевать три раза.

АНЯ. Тогда неси обратно на фиг всю косметику.

КАТЯ. И унесу.

АНЯ. Кто у тебя лучшая подруга – Оса или я?

КАТЯ. Ты, конечно.

АНЯ. Небось, Оса с тобой сигареткой не поделится.

КАТЯ. Не поделится.

АНЯ. Она вообще. Эгоистка.

КАТЯ. Единственный ребенок в семье. Комплексы.

АНЯ. К тому же без отца. Мамаша ее баловала и вырастила неприспособленной к реальной жизни.

КАТЯ. Почему она неприспособленная? Мне кажется, она наоборот, приспособленная. Она же лучше всех в школе учится. Сейчас мы с тобой сидим тут как колхозницы над обрывом, а она там в актовом зале о своих успехах в учебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.